

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ при ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

СРЕДНЕРУССКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ – ФИЛИАЛ

На правах рукописи

СТОЛЯРОВ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ

**СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ ОРЛОВСКОЙ
ГУБЕРНИИ В СЕРЕДИНЕ XIX НАЧАЛЕ XX ВВ.**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

5.6.1. Отечественная история

Научный руководитель:

Доктор исторических наук, профессор

Ливцов Виктор Анатольевич

Орел – 2026 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
РАЗДЕЛ 1. ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ	
1.1. Понятие, генезис и структура банковского дела Российской империи	45
1.2. Формирование региональной банковской системы в Орловской губернии в середине XIX в.....	73
1.3. Становление банковского дела в Орловской губернии на рубеже XIX–XX вв.....	88
РАЗДЕЛ 2. СТРУКТУРА И ОРГАНИЗАЦИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1864–1917 ГГ.	
2.1. Организация и деятельность Орловского общественного банка (1864 – 1884 гг.).....	125
2.2. Расширение региональной сети: Коммерческий банк Орловской губернии в 1872 – 1908 гг.....	144
2.3. Открытие и деятельность филиала Государственного банка в регионе (1865 – 1917 гг.).....	169
РАЗДЕЛ 3. ОРГАНИЗАЦИЯ МАЛОГО КРЕДИТОВАНИЯ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1869 – 1917 ГГ.	
3.1. Предпосылки и особенности формирования организаций малого кредитования на территории Орловщины.....	180
3.2. Деятельность обществ взаимного кредита (1869 – 1917 гг.).....	186
3.3. Особенности и структура кредитных товариществ на территории Орловской губернии (1903 – 1917 гг.)	202
Заключение	211
Список использованных источников и литературы	233
Приложение № 1	246
Приложение № 2	253

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими ключевыми факторами, отражающими как современные вызовы экономического развития России, так и пробелами в историографической традиции. В условиях продолжающейся трансформацией российской экономики, ориентированной на региональное развитие и укрепление финансовой стабильности, изучение исторического опыта формирования и функционирования банковских институтов на уровне отдельных губерний приобретает особую значимость. Орловская губерния, как один из ключевых аграрных регионов Центральной России в XIX – начале XX вв., представляла собой типичный пример региональной экономической модели, где банковская система играла роль катализатора торговли, сельского хозяйства и промышленного роста. Анализ дореволюционного опыта позволяет выявить устойчивые взаимосвязи, такие как взаимодействие государственных и частных кредитных учреждений, влияние на местное предпринимательство и адаптация к кризисам, что может быть полезно для современных стратегий регионального банковского сектора.

Несмотря на обширную историографию по общей истории банковского дела в России (например, работы по эволюции Государственного банка или коммерческих кредитных институтов), региональный аспект остается недостаточно изученным. Большинство исследований фокусируется на столичных центрах, игнорируя специфику провинциальных губерний, где банковская инфраструктура формировалась под влиянием локальных факторов: аграрной ориентации экономики, транспортных сетей и административных реформ. Для Орловской губернии, с ее богатым архивным наследием (включая материалы о филиалах Государственного банка, земских кассах и частных кредитных обществах), подобная проблематика особенно актуальна так как существующие работы по истории региона затрагивают банковскую систему в контексте отдельных банковских институтов, не давая комплексного анализа ее роли в социально-экономических процессах. Изучение настоящей темы позволит дополнить информацию о банковском деле в региональной историографии,

способствуя более полному пониманию эволюции российской кредитной системы как многоуровневой структуры, где периферия играла не менее важную роль, чем центр.

Таким образом, изучение банковской системы Орловской губернии позволяет не только раскрыть особенности финансовой жизни региона, но и понять, как региональные кредитные учреждения взаимодействовали с общероссийской экономической системой, способствуя ее интеграции и модернизации.

Степень разработанности научной проблемы. Всю имеющуюся историографию по теме можно разделить на 3 этапа: дореволюционный, который представляет собой период зарождения банковской системы как самостоятельной сферы, которая почти сразу же стала предметом исследования историков; советский – период переосмысления истории банковского дела с точки зрения классовой борьбы; постсоветский – период, который отличается многообразием исследовательских подходов и более открытым доступом к ранее засекреченным архивным материалам.

Примером **первого периода** вышеуказанной классификации выступают научные труды Е. М. Эпштейна (1857–1939 гг.)¹. Данный ученый приобрел широкую известность среди экспертов по истории финансов Российской империи дореволюционного периода благодаря своему вкладу в качестве автора, редактора и переводчика фундаментальных работ, посвященных эволюции денежного обращения, а также развитию банковских институтов как в России, так и за ее пределами. Теоретические рамки в значительной мере формируют методологию интерпретации первоисточников и определяют характер получаемых выводов. Тем не менее, такие концепции подвержены трансформациям под влиянием накапливающихся эмпирических данных, которые могут противоречить установленным парадигмам, хотя этот процесс обычно протекает весьма постепенно и требует тщательного накопления знаний. При обращении к научной

¹ См.: Эпштейн Е. М. Банковое дело: лекции Е. М. Эпштейна, чит. в Моск. коммерч. ин-те в 1909/10 акад. г. / ред. авт. изд. комис. студ. Моск. коммерч. ин-та. 3-е изд. М., 1913. 366 с.

литературе особенно важно учитывать динамику концептуальных сдвигов в той или иной дисциплине на протяжении исторического времени. Настоящая работа фокусируется на эволюции теоретических подходов к изучению истории банковского сектора Нового времени, охватывая период от XIX в. до современности. Особое внимание уделяется коммерческим банкам Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., что позволяет проследить ключевые трансформации в данной области. Существенный импульс развитию концептуальных оснований в историографии банков Российской империи придали именно публикации Е. М. Эпштейна. Его многогранная деятельность – от авторства до редактирования и перевода материалов по истории монетарных систем и банковских практик в России и в международном контексте – сделала его труды эталонными примерами теоретического осмысления банковского дела на рубеже XIX и XX вв., оказавшими долговременное влияние на последующие исследования.

И. И. Кауфман (1847–1915 гг.) также представляет собой не менее выдающуюся фигуру в российской науке, где он проявил себя как экономист, финансист и специалист в области статистики. В разные периоды своей карьеры он занимал должность профессора Санкт-Петербургского университета, входил в состав совета Государственного банка (с 1895 г.), а позднее исполнял обязанности заместителя управляющего вышеуказанного учреждения (с 1907 г.). Опираясь на всестороннее изучение состояния финансовой системы России, а также на исторические прецеденты функционирования денежных систем и кредитных институтов, И.И. Кауфман стал пионером в Отечественной экономической и исторической мысли, предложив в 1878 г. инновационный проект по стабилизации рубля. Настоящий проект предусматривал переход к золотому монометаллизму, подчеркивая ведущую роль британского фунта стерлингов как глобальной резервной валюты, а также положительный пример Германии, где введение золотого стандарта опиралось на обеспечение национальной валюты краткосрочными векселями ведущих коммерческих предприятий. Такой подход не только отражал глубокий анализ международного опыта, но и закладывал

основы для модернизации российской монетарной политики. В контексте научного наследия И.И. Кауфмана особый интерес представляет его монография, адресованная широкому кругу читателей и посвященная систематическому исследованию генезиса и эволюции русской денежно-весовой системы². Вышеуказанная работа, опираясь на исторические источники и аналитические методы, способствует более глубокому пониманию механизмов формирования национальной валютной инфраструктуры, подчеркивая ее взаимосвязи с социально-экономическими трансформациями в России.

Особое место в рамках дореволюционного периода выступает работа Д. А. Толстого (1823–1889 гг.)³, графа, выдающегося русского историка, государственного деятеля и президента Императорской академии наук. Данный фундаментальный труд представляет собой одну из первых в Отечественной историографии попытку систематического изложения генезиса русских финансов. Работа охватывает период от основания русского государства (с древнерусского периода, включая Киевскую Русь и удельные княжества) до смерти Екатерины II в 1796 г. Структура работы Д.А. Толстого не строго хронологическая, а сочетает тематический и исторический подходы: автор сначала выделяет отдельные финансовые формы (подати, сборы, регалии, налоги, кредит и т.д.), систематизирует их, а затем прослеживает эволюцию каждого института в хронологической последовательности. Настоящая особенность отличает данную работу от структурного повествования, позволяя применять метод анализа и синтеза: сбор фактов, их разбор и объединение в целостную картину. В предисловии Д. А. Толстой объясняет цели своего исследования – заполнить пробел в науке, где история финансов России ранее не была систематизирована, в отличие от Европы. Книга завершается сравнительным анализом финансовых учреждений России и средневековых западноевропейских государств, подчеркивая самобытность русской системы.

² См.: Кауфман И. И. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейшего времени. 2-е изд. М., 2010. 91 с.

³ См.: Толстой Д. А. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. 2-е изд. М., 2011. 223 с.

Не менее важной работой для понимания генезиса банковской системы Российской империи является «Очерк развития кредитных учреждений в России»⁴ за авторством А. Н. Гурьева (1864–1910 гг.) – экономиста и ученого. Данный труд представляет собой исторический обзор эволюции банковской системы в Российской империи, который посвящен анализу экономической истории с акцентом на формирование и трансформацию кредитных институтов. Следует отметить, что вышеуказанная работа вышла в период активных дискуссий о финансовых реформах в России, на фоне развития капитализма и подготовки к денежной реформе начала XX в. А.Н. Гурьев подчеркивает государственный характер российской банковской системы, в отличие от западноевропейской модели, где банки изначально формировались на частной инициативе и капиталах без сильного вмешательства государства. Автор видит в этом как преимущества (стабильность и контроль), так и недостатки (зависимость от казны, медленное развитие частного сектора). А.Н. Гурьев относит зарождение системы под влиянием абсолютизма с эпохи Елизаветы Петровны (1754 г.), когда были созданы первые специализированные банки – Дворянский заемный банк в Москве и Купеческий банк в Петербурге. Вышеуказанные учреждения выдавали ссуды под залог имений, крестьян или товаров, с целью поддержки дворянства и торговли. Более того, автор подробно разбирает трансформации при Александре I и Николае I, включая идеи М.М. Сперанского (начало XIX в.), которые он поддерживает. В 1815 г., как отмечает автор, предлагалась реорганизация банков на новых принципах: создание эмиссионных банков, разделение функций операционной деятельности (деPOSITные, ипотечные, коммерческие). Ключевым событием становится учреждение Государственного банка в 1860 г. при Александре II, который, по А.Н. Гурьеву, стал центром денежной кредитной системы, оживляя торговлю и стабилизируя рубль.

Следует отдельно отметить тот факт, что в вышеуказанный период историографии отдельных исследований, посвященных региональным аспектам банковской системы, не проводилось.

⁴ См.: Гурьев А. Н. Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб.: Типо-литогр. «Якорь», 1904. 250 с.

Во второй период развития историографии по изучаемой теме авторами делался значительный акцент на экономической составляющей исторического развития банков, в рамках концепции классовой борьбы.

К числу фундаментальных трудов вышеуказанного периода следует отнести работу И.Ф. Гиндина (1900–1980 гг.) – советского историка, экономиста, специалиста по экономической истории России, а также доктора исторических наук. В своей фундаментальной монографии «Русские коммерческие банки: из истории финансового капитала в России»⁵ он представил одно из наиболее обстоятельных исследований истории акционерных коммерческих банков Российской империи. Написанная в традициях советской экономической историографии, работа охватывает период возникновения первых акционерных банков: с 1860 до начала 1914 гг. Автор прослеживает процесс формирования и развития русской банковской системы, уделяя особое внимание механизмам концентрации банковского капитала, его сращиванию с промышленным капиталом и постепенному превращению банков в ведущую силу экономической жизни страны. И.Ф. Гиндин подробно анализирует различия между петербургскими и московскими коммерческими банками, показывая, как первые тяготели к крупным государственным заказам, иностранному капиталу и финансированию тяжелой промышленности и железнодорожного строительства, в то время как московские банки сохраняли более тесную связь с национальным купеческим капиталом и легкой промышленностью. Значительное место в работе занимает изучение роли банков в кредитовании промышленности и торговли, их участие в создании финансово-промышленных групп, а также влияние экономических кризисов (особенно кризиса 1899–1903 гг.) на структуру и деятельность банков. Автор активно использует обширные статистические материалы, балансы банков, отчеты и архивные документы, что придает исследованию высокую фактологическую насыщенность. В центре концепции И. Ф. Гиндина лежит марксистская идея формирования финансового капитала,

⁵ См.: Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки : из истории финансового капитала в России / И. Ф. Гиндин ; под ред. акад. С. Г. Струмилина. – М. : Госфиниздат, 1948. 454 с.

которая рассматривает коммерческие банки не просто как кредитные учреждения, а как ключевой элемент процесса монополизации экономики и возникновения финансовой олигархии в дореволюционной России.

Наглядным представителем вышеуказанного историографического периода является работа доктора исторических наук, профессора В. С. Дякина (1930–1994 гг.)⁶, которая представляет собой глубокое исследование аграрной кредитной политики Российской империи. Вышеуказанный автор осуществил комплексный анализ государственной политики в целях решения проблемы русской деревни через механизмы государственного и частного аграрного кредита. Работа охватывает период с начала министерства С. Ю. Витте до начала Первой мировой войны и затрагивает как политику финансирования сельского хозяйства в целом, так и конкретные инструменты: деятельность Крестьянского поземельного банка, Государственного Дворянского земельного банка, кредитных товариществ и других учреждений мелкого кредита. Автор приходит к выводу о том, что несмотря на определенные усилия, финансирование сельского хозяйства не смогло кардинально улучшить положение русской деревни. Кредитная политика оставалась недостаточно масштабной и часто носила ограниченный характер, что было связано с дефицитом бюджетных ресурсов, приоритетами индустриализации и опасениями перепроизводства зерна. Данный труд был написан на основе широкого круга архивных материалов, в первую очередь, фондов Министерства финансов и кредитных учреждений, статистических данных и опубликованных источников. Работа отличается взвешенным аналитическим подходом и позволила детально изучить институт аграрного кредита в дореволюционной России.

Отдельного внимания заслуживает работа «Кредит и банки России (середина XVII в. – 1861 г.)»⁷ за авторством С. Я. Борового (1903–1989 гг.), профессора и доктора исторических наук, который исследовал эволюцию кредитных отношений и банковской системы в России от середины XVII в. до

⁶ См.: Дякин В. С. Деньги для сельского хозяйства 1892–1914 гг. : аграрный кредит в экономической политике царизма / В. С. Дякин. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 356 с.

⁷ См.: Боровой С. Я. Кредит и банки России (середина XVII в. – 1861 г.). М.: Госфиниздат, 1958. 288 с.

реформы 1861 г., опираясь на архивные материалы (фонды Министерства финансов, Коммерческого и Ссудного банков, Особой канцелярии по кредитной части, Сената и документов государственных деятелей). Автор подчеркивает, что кредит и банки были инструментами государственной политики, ориентированной на поддержку дворянства и крепостнического строя, что усугубляло классовые противоречия. Книга структурирована хронологически, с акцентом на малоизученные аспекты: зачатки кредита в XVII в., кредитную политику XVIII в. (реформы при Петре I, Анне Иоанновне, Елизавете Петровне, Екатерине II), создание первых государственных банков и их роль в экономике до отмены крепостного права. С.Я. Боровой критически оценивает банки как «паразитические элементы феодализма», зависимые от государства, но способствующие накоплению капитала.

В свою очередь, А. П. Погребинский (1905–1979 гг.) – доктор экономических наук из Института экономики АН СССР в своей монографии «Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX–XX вв.)»⁸ описывает имперскую банковскую систему как инструмент царского абсолютизма, где Государственный банк и акционерные учреждения обслуживали интересы буржуазии и иностранцев (займы от Ротшильдов и Мендельсонов, составлявшие до 60% внешнего долга), усугубляя эксплуатацию через высокие ставки (7–8%) и инфляцию (во время Русско-японской войны). Главный тезис работы: банки – механизм классового угнетения, неэффективный в мобилизации ресурсов для масс, но с элементами централизации, полезными для социализма, как уроки для советских реформ, отходя от догм к объективному анализу кризисов.

Анализируя тему кризисов банковской системы имперской России, А. Л. Сидоров (1900–1966 гг.) – историк, доктор наук, директор Института истории Академии наук СССР в монографии «Финансовое положение России в годы Первой мировой войны»⁹ анализирует имперскую банковскую систему как

⁸ См.: Погребинский А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX–XX вв.). М.: Госфиниздат, 1954. 268 с.

⁹ См.: Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917) / Акад. наук СССР. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 579 с.

зрелый монополистический капитализм, где банки (акционерные и государственные) сливались с промышленностью, интегрируя иностранный капитал. Ключевая идея работы: банки – доказательство экономической зрелости России для социализма, отвергая тезис о «полукolonии» (в отличие от П.И. Лященко¹⁰), с большим акцентом на процессе индустриализации. Автор также подчеркивает преимущество государственного регулирования как основу для плановой экономики, способствуя оттепели в объективных оценках.

Следует также отметить работу «Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. (1914–1917 гг.)»¹¹ за авторством В.С. Дякина (1930–1994 гг.) – доктора исторических наук, профессора. Автор рассматривает банки как инструмент империалистической войны, усугублявший эксплуатацию (спекуляции на фондовом рынке, зависимость от союзников через рост долговых обязательств и долгосрочных займов), однако, соглашается с эффективностью данных мер лишь в вопросе мобилизации экономики и поддержки военных монополий.

В свою очередь, В. И. Бовыкин (1927–1998 гг.) – историк-экономист, профессор МГУ в своей книге «Зарождение финансового капитала в России»¹² описывает имперские банки как инструмент монополизации капитала, где акционерные банки (Русско-Азиатский, Петербургский международный) интегрировали иностранный капитал (французский и немецкий) в тяжелую промышленность и железные дороги, усугубляя эксплуатацию рабочих и отсталость сельского хозяйства; подчеркивает экономический кризис (1899–1903 гг.) как следствие спекуляций и зависимости, но отмечает частичную роль в индустриализации как «деформированном капитализме». Более того, банки представлялись как воплощение ленинского финансового капитала, ускорявшие процессы империализма, но не делавшие Россию полностью колонией.

¹⁰ См.: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М.: Госполитиздат, 1956. 728 с.

¹¹ См.: Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917) / АН СССР, Ленингр. отд-ние Ин-та истории. Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1967. 363 с.

¹² См.: Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. С.10–34.

В вышеуказанный историографический период также вышла монография «Акционерные компании в России»¹³ за авторством Л. Е. Шепелева (1926–2016 гг.) – историка, доктора исторических наук. В данной работе автор анализирует имперскую банковскую систему как форму капиталистической организации, где акционерные банки концентрировали капитал (до 40 % от всего объема средств) в целях эксплуатации, с сильной зависимостью от иностранного капитала. Основной тезис работы: банки – марксистский пример перехода от свободной конкуренции к монополиям, способствовавшие классовому расслоению и отсталости, однако, подготавливавшие почву для социалистической национализации.

В период «перестройки» (1985–1991 гг.), подход стал реформаторским и самокритичным: имперская банковская система трактовалась как исторический пример множественности финансовых институтов (государственные и частные банки), который мог послужить моделью для диверсификации советской монополии Госбанка, но с предупреждением о рисках капиталистической эксплуатации.

Например, по мнению Б. В. Ананьича¹⁴ (1931–2015 гг.) – историка, доктора наук, академика РАН, имперская банковская система – форма частного предпринимательства, где банкирские дома (Рябушинских, Гинцбургов) дополняли акционерные банки, интегрируя иностранный капитал и способствовали более быстрому процессу индустриализации (кредиты на железные дороги, промышленность). Более того, автор приводит архивные данные (списки операций, балансы 1890–1914 гг.) и отмечает кризисы (1907 г.) как результат спекуляций. Авторские взгляды: банки – эффективный рыночный инструмент, тормозимый абсолютизмом, но стимулировавший рост с положительной ролью иностранцев. Также следует отметить, что в работе подчеркивается преимущество и необходимость частной инициативы как урока для перестройки.

¹³ См.: Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России / Акад. наук СССР. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 346с.

¹⁴ См.: Петербург. История банков / Б. В. Ананьич, С. Г. Беляев, З. В. Дмитриева [и др.]. СПб.: Третье тысячелетие, 2001. 304 с.

Таким образом, литература данного периода времени делает постепенные шаги к отказу от марксистской догматики классовой борьбы к более объективному анализу предпринимательства с учетом практик развитых капиталистических стран.

В третий постсоветский период развития историографии по теме, историография характеризуется плюрализмом мнений и методик изучения предмета исследования. Примером подобного подхода служит работа В. В. Морозана¹⁵, доктора исторических наук, профессора Санкт-Петербургского государственного университета. Данный научный труд представляет собой комплексное исследование генезиса банковской системы в Российской империи в период крепостного права. Монография является всесторонним анализом деятельности всех кредитных учреждений России за более чем столетний период – от основания первых банков в 1754 г. до реформы 1860 г., когда они были преобразованы или ликвидированы. Автор рассматривает историю банковского дела как ключевой элемент экономической политики царизма, подчеркивая доминирующую роль государства в формировании кредитной системы из-за специфики крепостной России (слабое развитие частного капитала, зависимость от казны). Автор отвергает упрощенные взгляды на банки как на простые кассы для фискальных нужд, показывая их как инструменты аккумуляции народных сбережений и стимулирования экономики, хотя и с ограничениями из-за феодальных отношений. Автор делит период на два этапа: экспериментальный (с 1754 г. по конец XVIII в., поиск принципов) и зрелый (начало XIX в. по 1860 гг., монополия государства), анализируя мотивы создания учреждений, их структуру, операции и влияние на рынок. Ключевые тезисы опираются на принципы историзма и объективности, с использованием сравнительно-исторического метода для сопоставления с европейскими моделями. В качестве итога, В.В. Морозан приходит к мнению о том, что банковская система формировалась экспериментально и достигла своего пика в 1820–1840-х гг., аккумулируя

¹⁵ См.: Морозан В. В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). СПб.: Крига, 2004. 400 с.

сбережения и обеспечивая оборот капиталов, однако на рубеже 1850 г. стала уязвимой из-за финансового голода, снижения процентов и подготовки к реформе об упразднении крепостного права в Российской империи.

Коллективная монография «Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва»¹⁶, вышедшая в 2005 г. в издательстве Санкт-Петербургского университета, представляет собой фундаментальное исследование истории банковского дела и кредитных отношений в двух столицах Российской империи под общей редакцией известного историка, доктора исторических наук, профессора, Б. В. Ананьича. Следует отдельно выделить тот факт, что настоящую работу подготовил большой авторский коллектив, в который вошли ведущие специалисты по экономической истории России: М. И. Арефьева, С. Г. Беляев, А. В. Бугров, М. М. Дадыкина, В. В. Морозан, Ю. А. Петров, С. А. Саломатина и многие другие. Авторы сознательно отошли от традиционной для советской и ранней постсоветской историографии сосредоточенности исключительно на государственной политике в области кредита и процессах формирования финансового капитала. Вместо этого авторы акцентировали свое внимание на механизмах повседневного функционирования банковской системы, эволюции кредитных операций, возникновении и развитии различных типов банковских учреждений, а также на социальных и бытовых аспектах банковской деятельности. Данный научный труд охватывает длительный период: с середины XVIII в., когда появились первые государственные кредитные учреждения (Дворянские банки в Петербурге и Москве), до начала XX в. и краха монархии в 1917 г. Значительное место уделено частному банкирскому делу, деятельности акционерных коммерческих банков, обществ взаимного кредита, биржевой торговле в обеих столицах, а также взаимодействию банков с реальной экономикой: торговлей, промышленностью и аграрным сектором. Особое внимание авторы уделяют сравнительному анализу двух финансовых центров империи: имперского, ориентированного на государственные финансы и

¹⁶ См.: Кредит и банки в России до начала XX века : Санкт-Петербург и Москва / Б. В. Ананьич [и др.] ; под ред. Б. В. Ананьича. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 667 с.

иностранный капитал Санкт-Петербурга и более «национального», тесно связанного с купеческим и промышленным капиталом Москвы. Монография опирается на широкую источниковую базу, включая архивные материалы банков, делопроизводство Министерства финансов и Государственного банка. Таким образом, настоящий труд позволил всесторонне изучить не только институциональную историю банков, но и живое представление о клиентах, служащих, деловой культуре и повседневных практиках кредитной сферы дореволюционной России.

Не менее известным представителем и специалистом по экономической и аграрной истории России XIX – начала XX вв., является Н. А. Проскурякова (1946–2002 гг.), доктор исторических наук, профессор. Ее труд «Земельные банки Российской империи»¹⁷ представляет собой первое крупное обобщающее монографическое исследование по истории земельных (ипотечных) банков Российской империи. Настоящая работа подробно реконструирует развитие системы поземельного кредита в Российской империи. Более того, исследование охватывает как государственные земельные банки, прежде всего, Государственный Дворянский земельный банк, учрежденный в 1885 г., и Крестьянский поземельный банк, так и частные акционерные земельные банки, которые возникли после реформы 1861 г. Особое внимание уделяется противоречивому характеру деятельности вышеуказанных кредитных организаций: с одной стороны, они служили инструментом государственной политики по поддержке поместного дворянства, с другой – способствовали развитию рыночных отношений в деревне, концентрации земельной собственности и формированию земельного рынка. Монография отличается высокой источниковой базой, тщательным статистическим анализом и взвешенными оценками. Она существенно дополняет исследования по истории банковской системы, показывая специфику именно ипотечного (земельного)

¹⁷ См.: Проскурякова Н. А. Земельные банки Российской империи / Н. А. Проскурякова. – М. : РОССПЭН, 2002. 517 с.

кредита, который играл огромную роль в аграрной экономике империи, но часто оставался в тени изучения коммерческих банков.

Отдельного упоминания заслуживает труд «История Банка России. 1860–2010»¹⁸, который представляет собой фундаментальное юбилейное издание, подготовленное к 150-летию Банка России. Настоящая работа представляет собой одну из наиболее полных и авторитетных академических исследований истории главного банка страны, выполненное большим научным коллективом под общей редакцией Ю. А. Петрова и С. В. Татаринова. Первый том полностью посвящен Государственному банку Российской империи с момента его создания в 1860 г. и вплоть до 1917 г. Авторы подробно анализируют становление и развитие банка как ключевого института денежно-кредитной системы, его роль в проведении крупных реформ (в том числе денежной реформы С. Ю. Витте), финансировании индустриализации, железнодорожного строительства и аграрного сектора, а также деятельность в условиях экономических кризисов и войн. Особое внимание уделяется взаимоотношениям банка с правительством, Министерством финансов и частными кредитными учреждениями. Второй том охватывает советский и постсоветский периоды – от Государственного банка СССР до Банка России начала XXI в. В нем рассматривается трансформация центрального банка в условиях плановой экономики, его функции в денежно-кредитной политике советского государства, а также сложные процессы реформирования в условиях перехода к рыночной модели экономики. Следует отметить, что данная работа отличается богатым иллюстративным материалом, обширной статистикой и опорой на ранее малодоступные архивные документы. Таким образом, данный коллективный труд дает целостную картину эволюции центрального банка России, показывая, как настоящий институт адаптировался к меняющимся экономическим и политическим условиям и влиял на развитие страны.

Научный труд доктора исторических наук С.К. Лебедева «С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и

¹⁸ См.: История Банка России. 1860–2010 : в 2 т. / Банк России ; отв. ред. Ю. А. Петров, С. В. Татаринов. – М.: РОССПЭН, 2010.

русские связи»¹⁹ представляет собой одну из наиболее детальных и авторитетных монографий, посвященных истории отдельного крупного российского коммерческого банка. Автор, известный специалист по экономической истории и банковскому делу России, на основе обширных архивных материалов (включая документы самого банка и его европейских партнеров) подробно анализирует деятельность Санкт-Петербургского Международного коммерческого банка – одного из ведущих акционерных банков империи. Монография фокусируется на европейских и русских связях данного учреждения, показывая, как оно активно привлекало иностранный капитал и одновременно играло важную роль в финансировании российской экономики. Вышеуказанный автор исследует механизмы создания банка, его участие в крупных промышленных и железнодорожных проектах, консорциумную деятельность на международных финансовых рынках, а также взаимодействие банковских учреждений с государственным сектором. Особое внимание уделяется тому аспекту, как европейские финансовые практики и капиталы интегрировались в русскую деловую среду во второй половине XIX в. Данная работа отличается глубиной анализа, богатой источниковой базой и сочетанием институциональной истории с изучением конкретных деловых связей и операций.

Примером работы постсоветского периода является научное исследование историка С. Г. Беляева «Банки и финансы России».²⁰ Вышеуказанный труд представляет собой обобщающий анализ истории банковской системы и финансов Российской империи. С. Г. Беляев, один из ведущих специалистов по экономической истории России периода XIX начала XX вв., в своей работе рассматривает ключевые аспекты развития кредитно-финансовой сферы страны. Исследование охватывает период становления и эволюции банков с середины XIX в., анализирует реформы 1860-х гг., создание и деятельность акционерных коммерческих банков, роль Государственного банка, а также влияние финансовой политики на экономическое развитие империи. Особое внимание автор уделяет

¹⁹ См.: Лебедев С. К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века : европейские и русские связи / С. К. Лебедев. – М. : РОССПЭН, 2003. 527 с.

²⁰ См.: Беляев С. Г. Банки и финансы России / С. Г. Беляев. – СПб., 1995. 287 с.

взаимодействию банков с промышленностью и торговлей, процессам концентрации капитала, международным связям российских финансовых институтов и влиянию экономических кризисов на банковскую систему. Работа опирается на архивные материалы и статистические данные, сочетая институциональный анализ с рассмотрением конкретных механизмов финансирования экономики. Следует отметить тот факт, что настоящая работа стала важным вкладом в изучение финансовой истории России и способствовала более углубленному исследованию банковского дела дореволюционного периода.

Научный труд С. А. Саломатиной «Коммерческие банки в России: динамика и структура операций 1864–1917 гг.»²¹ представляет собой современную монографию, которая посвящена истории акционерных коммерческих банков Российской империи. С.А. Саломатина провела глубокий анализ массовых операций банков на основе их публичной финансовой отчетности – годовых балансов, счетов прибылей и убытков, а также сводных статистических публикаций того времени, что позволило проследить реальную эволюцию банковского дела в период с 1864 по 1917 гг. В центре внимания работы находятся динамика и структура основных банковских операций. С. А. Саломатина подробно рассматривает кредитные операции: учет векселей, онкольные кредиты, ссуды под ценные бумаги и товары, операции по привлечению ресурсов (вклады, текущие счета), а также роль банков в расчетно-кассовом обслуживании и инвестиционной деятельности. Особое представляет источниковедческий анализ банковской статистики Российской империи, который показал возможности и ограничения имеющихся данных. Одним из ключевых результатов исследования стала типология моделей коммерческих банков. Автор выделяет деловую (инвестиционную), депозитную (классическую) и универсальную модели, а также показывает, как они сосуществовали и эволюционировали в российских условиях. Значительное место отведено сравнению петербургских и московских банков, а также влиянию экономических циклов – подъемов, кризисов и депрессий – на

²¹ См.: Саломатина С. А. Коммерческие банки в России : динамика и структура операций 1864–1917 гг. / С. А. Саломатина. – М. : РОССПЭН, 2004. 304 с.

структуру их операций. Монография отличается высокой методологической строгостью, обилием статистических таблиц и расчетов, а также взвешенными выводами. Она существенно дополняет классические труды И. Ф. Гиндина и коллективные работы под редакцией Б. В. Ананьича, предлагая более точный и детализированный взгляд на повседневную практику российских коммерческих банков.

Не менее значимым современным специалистом в области банковского дела является кандидат исторических наук А.В. Бугров. Александр Владимирович в своих исследованиях, посвященных истории банков Российской империи, уделяет особое внимание государственным кредитным учреждениям. Одной из наиболее значимых его монографий является «Казенные банки в России. 1754–1860»²², в которой автор дал подробное обобщающее исследование первых государственных банков Российской империи – от их создания в середине XVIII в., до их реорганизации в 1860 г. В данной работе также рассматривается деятельность Дворянских заемных банков (Петербургского и Московского), Государственного Заемного банка, Коммерческого банка и других казенных кредитных учреждений. А.В. Бугров анализирует правовые основы их функционирования, кредитную политику, операции по выдаче ссуд, проблемы возвратности средств и роль этих банков в экономической жизни страны. Особое внимание уделяется тому, как казенные банки пытались решать задачи государственного регулирования кредита в условиях крепостного хозяйства и в переходный период после отмены крепостного права. Другой важной работой вышеупомянутого автора является «Государственный банк. 1860–1917»²³, которая представляет собой серию очерков, раскрывающих различные аспекты деятельности главного банка империи. В обозначенном исследовании рассмотрены вопросы организации управления, денежной эмиссии, кредитования экономики, взаимодействия с правительством и частными банками, а также роль Государственного банка в проведении крупных финансовых реформ. Как итог,

²² См.: Бугров А. В. Казенные банки в России. 1754–1860 / А. В. Бугров. – М. : Банк России, 2017. 512 с.

²³ См.: Бугров А. В. Государственный банк. 1860–1917 / А. В. Бугров. – М. : ИнтерКрим-пресс, 2012. 264 с.

работы А. В. Бугрова отличаются тщательным источниковедческим анализом, опорой на архивные документы Банка России и богатым фактическим материалом. Они дополняют исследования Б. В. Ананьича, С. А. Саломатиной и других авторов, фокусируясь преимущественно на государственном секторе банковской системы Российской империи.

Развивая исследования регионального банковского дела, А. К. Кириллов (кандидат исторических наук) в монографии «Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX — начало XX в.)»²⁴ представил одно из наиболее детальных региональных исследований истории городских общественных банков Российской империи. Настоящая работа посвящена малоизученному, но важному сегменту кредитной системы – муниципальным банкам, которые играли заметную роль в экономической жизни провинции, особенно в Сибири. Вышеуказанный автор показывает, что городские общественные банки, несмотря на скромные размеры капиталов по сравнению со столичными акционерными банками, были важным элементом кредитной инфраструктуры региона. Данные кредитные организации ориентировались на местные нужды и часто выступали как более доступный и гибкий источник займов для среднего и мелкого бизнеса. Следует отметить, что монография основана на широком использовании региональных архивных материалов: фонды городских дум, правлений банков, губернских правлений, а также на анализе периодической печати и официальной статистики. Автор уделяет внимание не только экономическим показателям, но и социальному контексту – составу вкладчиков, заемщиков и управлению банками. Исследование А.К. Кирилова дополняет работы С. А. Саломатиной в области крупных акционерных банков, а также развивает идеи А. В. Бугрова, показывая губернский уровень кредитной системы Российской империи. Монография подчеркивает значительную региональную специфику банковского дела и важность муниципальных кредитных учреждений для экономического освоения окраин империи.

²⁴ См.: Кириллов А. К. Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX — начало XX в.) / А. К. Кириллов. – Новосибирск : Офсет, 2003. 143 с.

Не менее значимой работой, которая раскрывает региональный аспект деятельности банковской системы на региональном уровне, является труд М. И. Роднова – доктора исторических наук. В своей монографии «Волжско-Камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX – начало XX в.)»²⁵ автор исследует взаимодействие одного из крупнейших акционерных банков Российской империи с региональным предпринимательским сообществом Уфимской губернии. Автор показывает, как Волжско-Камский коммерческий банк, открывший свои операции в Уфе в 1873 г., быстро занял ведущее положение в кредитной системе региона. На ряду с этим, М.И. Роднов подробно анализирует структуру клиентов банка, среди которых преобладали купцы, мукомолы, хлебные торговцы и представители татарского предпринимательства. Значительное внимание в работе также уделяется конкретным формам кредитования: учету векселей, ссудам под товары, текущие счета и другие операции, которые позволяли местному купечеству вести масштабную хлебную торговлю и развивать перерабатывающую промышленность. Монография раскрывает механизмы сотрудничества банка с уфимскими предпринимателями, динамику роста и падения объемов кредитования в разные экономические периоды, а также влияние банковского кредита на социальное и экономическое положение местных деловых кругов. Автор подчеркивает тот факт, что Волжско-Камский банк сыграл важную роль в модернизации региональной экономики, способствовал росту товарности сельского хозяйства и укреплению позиций уфимского купечества на всероссийском хлебном рынке. Таким образом, настоящая работа также дополняет исследования С. А. Саломатиной и А. В. Бугрова, смещая акцент с общероссийского уровня на региональный.

Биржевую составляющую истории банковского дела Российской империи описывали труды П. В. Лизунова – доктора исторических наук, профессора, одного из ведущих специалистов по истории биржевого дела, фондового рынка и частных банкирских домов имперского периода. В своей монографии

²⁵ См.: Роднов М. И. Волжско-Камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX – начало XX века) / М. И. Роднов. – Уфа, 2020. 312 с.

«Банкирский дом «Г. Вавельберг» и его владельцы: от меняльной лавки до акционерных банков в Петербурге и Варшаве»²⁶ вышеупомянутый автор представил глубокое исследование одного из наиболее известных и влиятельных частных банкирских домов Российской империи. П.В. Лизунов прослеживает историю династии «Вавельберг» на протяжении нескольких поколений – от небольшой меняльной лавки в середине XIX в., до превращения в крупные акционерные банки в Петербурге и Варшаве в начале XX в. В работе подробно анализируются эволюция банковского дела, организация управления, ключевые финансовые операции: кредитование, биржевые сделки, выпуск ценных бумаг, международные связи и роль дома в экономической жизни столицы и Царства Польского. Большое внимание также уделяется личностям владельцев, их деловым стратегиям и взаимодействию с государственными структурами и другими финансовыми институтами. Монография основана на обширной архивной базе и позволяет лучше понять механизмы функционирования частных банкирских домов Российской империи.

Отдельного внимания заслуживают труды, посвященные развитию банковской системы на территории **Орловского региона**.

Особый исследовательский интерес представляют труды С.А. Саломатиной – кандидата исторических наук, доцента кафедры исторической информатики исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, которая внесла большой вклад в изучение истории деятельности банков Орловской губернии. Приоритетом исследования для вышеуказанного автора представляет деятельность Орловского коммерческого банка, а также изучение региональной банковской элиты²⁷. Вместе с тем, исследования вышеуказанного автора имеют более экономическую направленность и не рассматривают банковскую систему Орловской губернии как единый комплекс региональной финансовой системы.

²⁶ См.: Лизунов П. В. Банкирский дом «Г. Вавельберг» и его владельцы : от меняльной лавки до акционерных банков в Петербурге и Варшаве / П. В. Лизунов. – СПб., 2016. 368 с.

²⁷ См.: Саломатина С. А., Парфирьев Д. С. Региональная банковская элита Российской империи: Поляковы и Орловский коммерческий банк, 1872–1908 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2020. № 1. С. 78–81.

Отдельного внимания заслуживает статья В. Е. Чугунова²⁸, бывшего начальника Главного управления Банка России по Орловской области. Вышеуказанная научная статья посвящена эволюции банковского сектора в Орловской губернии от XVIII в. до начала советского периода. Работа основана на анализе исторических документов, декретов, манифестов, архивных материалов (включая отчеты банков, газетные публикации и постановления). Например, автор ссылается на источники, включая Полное собрание законов Российской империи²⁹, архивы Орловского отделения Госбанка³⁰ и публикации в газете «Орловские известия»³¹. Следует отметить тот факт, что статья была написана в контексте осмысления исторического опыта для понимания современных процессов в банковской сфере Орловщины.

Автор подчеркивает, что развитие банковской системы Орловской области отражает общероссийские тенденции: от ростовщичества и казенных учреждений к государственной монополии, с акцентом на роль государства в кредитовании сословий и экономики. Автор видит в истории уроки для современности, подчеркивая логику процессов и необходимость осмысления опыта для оценки текущих тенденций. В.Е. Чугунов отмечает, что банковский сектор зародился на основе ростовщических отношений в XIII в., с фиксацией в залоговых бумагах и векселях. В XVIII в. появились первые крупные конторы: Орловская контора Ассигнационного банка (1781 г.). Цель Ассигнационных банков (с 1769 г.) – облегчить обращение, заменяя медную монету бумажными деньгами, с разменом без задержек. Как отмечает автор, в 1865 г. начало работу Орловское отделение Государственного банка, организованного на базе Орловского Приказа общественного призрения. Более того, автор указывает, что банковскую систему Орловской губернии также дополняли Общества Взаимного Кредита (с 1869 г.) и Кредитные Товарищества (с 1905 г.).

²⁸ См.: Чугунов В. Е. Исторический очерк развития банковской системы Орловской области // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 2(7). С. 41–48.

²⁹ См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXVIII. Ст. 40411.

³⁰ См.: Государственный архив Орловской области. Ф. 495. Оп. 1. Д. 2. Л. 25. (Далее: ГАОО).

³¹ См.: Орловские известия. 1918. 16 июня. № 93.

Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что в исторической науке проводятся схожие диссертационные исследования отдельных региональных банковских систем имперского периода³², что свидетельствует о необходимости изучения предмета настоящей кандидатской диссертации и систематизации опыта вышеуказанных исследователей относительно организации банковского дела на территории Орловской губернии.

Объектом исследования настоящей работы является банковская система Российской империи, ее эволюция, структура и характерные черты.

Предметом исследования выступают процессы формирования, функционирования и трансформации кредитных учреждений Орловской губернии, их роль в экономическом развитии региона и взаимодействие с общероссийской финансовой системой.

Хронологические рамки исследования охватывают период зарождения банковской системы Орловской губернии в 1864 г. вплоть до национализации банковского сектора в 1917 г. Следует отметить, что выбор нижней границы исследования обусловлен датой открытия первой банковской организации на территории Орловской губернии – Орловского общественного банка в 1864 г. В свою очередь, верхняя хронологическая граница диссертационного исследования обусловлена событиями революции 1917 г. и массовой национализацией банковского сектора.

Территориальные рамки исследования включают границы Орловской губернии, которая включала в себя территорию современной Орловской области, западную часть Липецкой, центральную и восточную часть Брянской, северную часть Курской областей. Административным и экономическим центром всей губернии выступал город Орел.

³² См.: Васильев Я. А. Банки Новгородской губернии и их деятельность: 1860–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Новгород, 1998. 22 с.; Ишкинина А. А. Деятельность Уфимского отделения Государственного банка Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: 1865–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Уфа, 2010. 26 с.; Таран А. Н. История государственного регулирования деятельности акционерных коммерческих банков России во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2003. 24 с.; Саетгараев И. И. Становление и развитие финансового капитала в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2008. 210 с.

Информационная база исследования состоит из как опубликованных, так и неопубликованных источников, которые следует классифицировать по следующим категориям:

1. Официальные нормативно-правовые акты, регулирующие порядок и организацию деятельности банковской системы Российской империи.
2. Опубликованные и неопубликованные делопроизводственные источники.
3. Источники личного происхождения.
4. Материалы периодической печати.

В контексте исследуемой темы, изученную **нормативно-правовую базу** банковского дела составляли, в первую очередь, общеимперские акты, которые определяли создание и функционирование кредитных учреждений, включая государственные банки, коммерческие банки и общества взаимного кредита. Данные документы устанавливали требования к капиталу, операциям и надзору, способствуя интеграции региональных структур в единую систему.

Ключевым примером документа такого рода является Устав Государственного банка Российской империи от 31 мая 1860 г., утвержденный императором Александром II, который реорганизовал кредитную систему, установив капитал банка (15 млн руб. основной и 3 млн руб. – резервный) и его роль в кредитовании торговли и промышленности. Вышеуказанный устав напрямую повлиял на открытие Орловского отделения Государственного банка в 1865 г. Другим, не менее релевантным актом, служит Сенатский указ от 8 октября 1865 г.,³³ регулирующий создание региональных отделений Государственного банка, включая Орловское, с акцентом на поглощение операций местных приказов общественного призрения.

Нормативной базой для коммерческих банков в губернии выступал Устав Орловского коммерческого банка от 1872 г., утвержденный в Санкт-Петербурге, который определял его капитал (2 млн руб. первоначально), цели (поддержка торговли и экспорта сельскохозяйственной продукции) и структуру управления

³³ См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXVIII. С. 40411.

(правление из трех членов). Настоящий устав отражал общие принципы, изложенные в мнении Государственного совета «Об учреждении частных кредитных установлений» от 31 мая 1872 г.³⁴, ограничивающем капитал коммерческих банков от 500 тыс. до 5 млн руб.

Для общественных банков действовало «Положение о городских общественных банках» от 6 февраля 1862 г.³⁵, которое регулировало операции по коммерческому, ломбардному и ипотечному кредитам. Положения данного документа распространялись и на деятельность Орловского городского общественного банка.

Делопроизводственные источники занимают центральное место в рамках настоящей диссертации занимают материалы государственного архива Орловской области относительно деятельности Общественного³⁶ и Государственного³⁷ банков, а также особенностей организации и функционирования малого кредитования на территории губернии (общество взаимного кредитования, кредитные товарищества). Более того, при исследовании банковского сектора Орловской губернии были использованы сведения других региональных архивов, которые ранее входили в ее административно-территориальные границы. Так, благодаря материалам государственного архива Брянской области (ГАБО), удалось изучить филиальную сеть общественного банка на примере Брянского городского общественного банка (1865–1914 гг.)³⁸, а также ознакомиться с финансовой деятельностью местного общества взаимного кредита³⁹. Существенно дополнило настоящую диссертацию архивные источники Липецкой области (ГАЛО), которые сохранили информацию о финансовой деятельности Елецкого уездного отделения Государственного банка (1903–1914 гг.)⁴⁰. Изучение нормативной базы деятельности и организации банковской системы Российской империи было реализовано на основе материалов Российского государственного

³⁴ См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XLVII. Отд. 1. С. 757–759.

³⁵ См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXVII. Отд. 1. С. 111–125.

³⁶ См.: ГАОО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 1–8; ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 362; ГАОО. Ф. 587. Оп. 52. Д. 1073.

³⁷ См.: ГАОО. Ф. 495. Оп. 1–2.

³⁸ См.: ГАБО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1–105.

³⁹ См.: ГАБО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 1–23.

⁴⁰ См.: ГАЛО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1–2.

исторического архива (РГИА).⁴¹ Следует отметить, что ряд архивных документов, касающихся судебных процессов по банкротству Орловского общественного банка, а также материалы проверок баланса вышеуказанного финансового учреждения впервые вводятся в научный оборот.⁴²

В исследовании использовались **источники личного происхождения**, такие как мемуары и дневники. Они предоставляют субъективное мнение о деятельности банков в Орловской губернии, раскрывая социальные связи и повседневную практику.

К подобным примерам можно отнести воспоминания Н.С. Русанова из книги «На родине. 1859–1882 гг.»⁴³, где описываются детские впечатления о Д.С. Русанове, управляющем Орловским коммерческим банком, его связях с С.С. Поляковым и элитных собраниях с губернатором Н.В. Левашовым.

Другим источником служат мемуары князя В.А. Оболенского «Моя жизнь. Мои современники»⁴⁴, освещающие сессии Орловского земского собрания с участием В.Э. Ромера, директора Коммерческого банка.

Помимо источников личного происхождения, касающихся регионального аспекта становления банковской системы, не менее важную роль играют общероссийские очерки развития банковского сектора. Так, Сергей Юльевич Витте (184 –1915 гг.), министр финансов Российской империи (1892–1903 гг.), оставил мемуары, где описывает личный опыт реформирования финансовой системы, включая Государственный банк и кредитные учреждения. В них он подчеркивает роль государства в борьбе с хаосом в частных железных дорогах и кредитах, критикуя спекуляции и предлагая централизацию под Министерством финансов. Например, Витте вспоминает о необходимости золотого стандарта: «В то время вопрос об установлении правильного денежного обращения был самым

⁴¹ См.: РГИА. Ф. 1329. Оп. 1; РГИА. Ф. 587. Оп. 37.

⁴² См.: ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 362–368; ГАОО. Ф. 580. Д. 304; ГАОО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 1–8.

⁴³ См.: Русанов Н. С. На родине. 1859–1882. М., 1931. С. 42–44.

⁴⁴ См.: Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988. С. 221–223.

главным для России ... Бунге этот вопрос изучал и был убежденным сторонником необходимости восстановить металлическое обращение, основанное на золоте».⁴⁵

Не менее важным источником в вопросе понимания осуществления реформ банковской системы Российской империи являются воспоминания Владимира Николаевича Коковцова (1853–1943 гг.), министра финансов Российской империи (1904–1905 гг., 1906–1914 гг.), председателя Совета министров (1911–1914 гг.), который оставил мемуары о своих личных наблюдениях за финансовой системой, включая бюджетные реформы, внешние займы и роль Государственного банка в стабилизации рубля. В них он подчеркивает вызовы золотого стандарта и критикует спекуляции, опираясь на опыт переговоров с иностранными банкирами. Так, автор вспоминает свои переговоры относительно допустимости и необходимости внешних займов: «Беседа моя с Мазера носила крайне тягостный характер. Очевидно подготовленный предыдущими совещаниями и наставлениями его сотрудников, он предупредил меня в моем изложении и старался доказывать, что России не следует вовсе заключать внешнего займа и стараться удержать свое золотое обращение... Долго старался я убеждать их, доказывая избитые истины, что после того, что Россия избежала финансовой катастрофы – разрушения всей денежной системы – за время войны, – нельзя идти на нее под влиянием местных внутренних волнений, к тому же почти ликвидированных».⁴⁶

Благодаря анализу **материалов периодической печати** рассматриваемого периода, удалось установить хронологию и отдельные особенности процедуры банкротства вышеуказанного учреждения. Например, согласно газете «Орловский вестник» № 75 от 3 октября 1884 г.⁴⁷, процесс конкурсного производства начался 14 октября 1884 г. в целях выбора кураторов и учреждения конкурсного управления в рамках судебного разбирательства. Также в газете «Орловский

⁴⁵См.: Витте С. Ю. Воспоминания: детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923–1924. С. 138.

⁴⁶См.: Коковцов В. Н. Из моего прошлого: воспоминания, 1903–1919 гг. Париж: Иллюстрированная Россия, 1933. Т. I. С. 120–121.

⁴⁷См.: ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 362. Л. 220.

вестник» от 25 августа 1884 г. (выпуск № 226)⁴⁸ впервые упоминается об описи имущества банка, которая представляет собой объемный документ, содержащий предварительный валовой счет имущества и долгов Орловского общественного банка, заверенный подписями присяжных попечителей Я.А. Лебединского и Н.П. Афонского. Также в ходе подготовки работы использовались материалы газеты «Орловская речь» – консервативная по своему содержанию, которая выходила в период с 1906 по 1917 гг. Данное издание носило новостной характер и ориентировалась на местные новости Орловской губернии. В качестве тематического издания для настоящего исследования были использованы материалы журнала «Вестник финансов, промышленности и торговли» – общероссийское издание, которое выходило в период с 1885 по 1917 гг. на еженедельной основе. Оно специализировалось на финансовых новостях империи и охватывало Орловскую губернию. Так, в журнале от 1888 г. № 13 были опубликованы протоколы собраний акционеров Орловского коммерческого банка, что помогло более детально изучить операционную деятельность вышеуказанного кредитного учреждения.

Цель диссертационного исследования – комплексный анализ структуры, эволюции и роли банковской системы Орловской губернии.

Для достижения вышеуказанной цели **необходимо выполнить следующие задачи:**

1. Осуществить анализ основ организации банковского дела в Орловской губернии и предпосылок формирования региональной сети.
2. Рассмотреть деятельность ключевых кредитных учреждений губернии.
3. Исследовать особенности организации и функционирования малого кредитования Орловской губернии.
4. Осуществить анализ отчетной документации кредитных учреждений.
5. Выявить и сравнить порядок организации и функционирования банковского дела Орловской губернии с соседними регионами.

⁴⁸ См.: Там же. Л. 64.

Теоретическая и методологическая основа исследования. Теоретической основой изучения процесса создания и развития банковской системы Орловской губернии в середине XIX – начале XX вв., служит комплекс подходов, касающихся истории институциональной и региональной экономики. Особое место занимает концепция эволюции финансовых институтов как ключевого механизма модернизации аграрно-индустриального общества в условиях перехода от феодально-крепостнических отношений к капиталистическим. В рамках настоящего исследования понятие банковской системы рассматривается как совокупность взаимосвязанных кредитно-финансовых учреждений, выполняющих функции аккумуляции сбережений, распределения капитала, регулирования денежного обращения и содействия экономическому росту. В контексте Российской империи, вышеуказанная дефиниция предполагала тесное взаимодействие государственных, общественных и частных институтов, где государство играло ведущую роль в формировании инфраструктуры кредита, особенно на начальных этапах.

Региональный аспект исследования опирается на концепцию о неоднородности регионального экономического развития и периферийных взаимодействий. Орловская губерния, как типичная черноземная провинция Центральной России, представляла собой периферийный сегмент общероссийской банковской системы, где формирование локальной банковской сети отражало как общеимперские тенденции, так и локальные факторы.

Методологические основы исследования настоящей работы опираются как на общенаучные методы познания объективной действительности, так и на специальные методы исторической науки. Общенаучные методы, применяемые в настоящем диссертационном исследовании, представляют собой универсальный инструментарий, используемый в различных областях знания для обеспечения логической строгости, систематичности и надежности выводов. Данные методы не зависят от конкретной дисциплины и дополняют специальные исторические подходы, позволяя обработать эмпирический материал на абстрактном и теоретическом уровнях. Их использование обусловлено необходимостью

комплексного анализа исторических процессов, где банковская система рассматривается как многомерный феномен, сочетающий экономические, социальные и административные аспекты.

Анализ как метод предполагает разделение изучаемого объекта на отдельные элементы для детального изучения каждого из них в изоляции. В рамках исследования банковской системы Орловской губернии анализ применяется для декомпозиции сложной структуры: например, разделения банковских институтов на типы (государственные и частные банки, а также общества взаимного кредита) и изучения их функций по отдельности – кредитование, депозитные операции, роль в торговле. Подобный инструментарий позволяет выявить внутренние противоречия, такие как конкуренция между филиалами Государственного банка и местными кредитными обществами в 1880 – 1890 гг., или влияние экономических кризисов на отдельные сегменты системы. Анализ опирается на эмпирические данные из архивных источников, где разбираются конкретные отчеты и балансы, чтобы понять механизмы функционирования.

Синтез, напротив, представляет собой объединение разрозненных элементов в целостную картину. После анализа отдельных компонентов синтез позволяет реконструировать банковскую систему как интегрированную структуру, взаимодействующую с региональной экономикой. Например, синтезируя данные о кредитовании сельского хозяйства и промышленности, можно показать, как банковская система способствовала переходу Орловской губернии от аграрной к аграрно-промышленной модели в пореформенный период. Настоящие методы взаимодополняют друг друга: анализ обеспечивает глубину, а синтез – системность, что соответствует принципу историзма и позволяет избежать фрагментарности в интерпретации.

Индукция подразумевает переход от частных фактов к общим выводам на основе обобщения эмпирических данных. В исследовании настоящий метод используется для анализа конкретных случаев: например, изучение операций отдельных банков в Орле или уездных центрах (таких как Липецк или Мценск),

что позволяет индуктивно вывести общие закономерности развития банковской системы в губернии – от роста числа учреждений после реформ 1860-х гг. до их адаптации и момента национализации. Индукция особенно полезна при работе со статистическими данными: обобщая объемы кредитов по годам, можно сформулировать гипотезы о влиянии банков на экономический рост региона и финансовом состоянии региона.

Дедукция, как обратный процесс, исходит из общих положений к частным проявлениям. Опираясь на теоретические концепции эволюции банковской системы Российской империи, дедукция применяется для проверки фактологии и материала об Орловской губернии: если общероссийская тенденция – централизация финансов – верна, то дедуктивно можно предположить и подтвердить ее проявления в локальных филиалах. Комбинация индукции и дедукции обеспечивает объективность: индукция строится на фактах, дедукция – на теории, минимизируя субъективные искажения.

Абстрагирование предполагает отвлечение от второстепенных деталей для выделения признаков объекта. В контексте темы данный метод помогает абстрагировать банковскую систему от конкретных исторических событий, фокусируясь на ее универсальных чертах: роли как посредника между капиталом и производством, механизмах регулирования ликвидности.

Моделирование включает создание упрощенных схем реальности для прогнозирования или объяснения процессов. В исследовании применяется историческое моделирование: на основе данных о банковских операциях была составлена модель системы годовых объемов финансовых операций Коммерческого банка Орловской губернии за период с 1874 по 1901 гг., которая представлена в виде диаграммы 1.5 (См. в Приложении № 1).

Системный анализ рассматривает объект как систему взаимосвязанных элементов. Банковская система Орловской губернии моделируется как подсистема общероссийской экономики, с входами (капитал, регуляции), процессами (кредитование) и выходами (экономический рост). Данный метод

интегрирует все предыдущие, обеспечивая анализ взаимодействий с внешней средой (например, влияние железных дорог на банковскую инфраструктуру).

Применение общенаучных методов интегрируется с принципами объективности и историзма, опираясь на источниковую базу (архивы, статистика). Настоящие инструменты обеспечивают методологический плюрализм, позволяя не только описать, но и объяснить роль банковской системы в региональном развитии. Как итог, вышеуказанные методы способствуют достижению цели исследования – комплексной реконструкции исторического опыта построения банковской системы в Орловской губернии.

Частнонаучные методы, применяемые в настоящем диссертационном исследовании, представляют собой специализированный инструментарий, адаптированный к особенностям исторической науки как дисциплины, изучающей прошлое через призму источников, хронологии и контекста. В отличие от общенаучных методов, которые универсальны и применимы в любой области знания, частнонаучные методы ориентированы на специфику исторического познания: реконструкцию событий, выявление причинно-следственных связей в социально-экономических процессах и критическую интерпретацию документальных материалов. Их использование обусловлено необходимостью учитывать временную динамику, региональную специфику и многофакторность банковской системы как элемента экономической истории Российской империи XIX – начала XX вв. Данные методы интегрируются с принципами историзма (рассмотрение явлений в развитии), объективности (критическая оценка источников) и системности (анализ как части более широкой структуры), дополняя общенаучные подходы и обеспечивая дисциплинарную глубину.

Так, метод исторического описания фокусируется на последовательном анализе происхождения, эволюции и трансформации изучаемого объекта во времени, с акцентом на причинно-следственные связи. В рамках данного исследования вышеуказанный метод применяется для реконструкции этапов развития банковской системы Орловской губернии: от зарождения первых

кредитных учреждений в первой половине XIX в. (например, открытия первого Общественного банка Орловской губернии в 1864 г.) до расцвета организаций малого кредитования (обществ взаимного кредитования и кредитных товариществ). Более того, настоящий инструмент научного познания опирается на хронологический разбор источников: архивных отчетов из Государственного архива Орловской области (ГАОО) и Российского государственного исторического архива (РГИА), где анализируются последовательные изменения в балансах и операциях. В совокупности, это обеспечивает понимание эволюции от простых ссудных касс к комплексной системе с элементами коммерческого банкинга, выявляя генезис региональных особенностей.

В процессе изучения предмета настоящей диссертационной работы был применен комплекс специально-исторических методов, каждый из которых позволил решить определенные исследовательские задачи и раскрыть различные аспекты функционирования региональных финансовых институтов в их историческом развитии. Выбор методов определялся характером источниковой базы и целью воссоздать целостную картину становления, эволюции и повседневной деятельности банковских учреждений на территории губернии.

Фундаментальное значение для данного исследования имел историко-генетический метод, который позволил проследить процесс зарождения и последующего развития банковской системы Орловской губернии в хронологической последовательности. Применение данного метода дало возможность выявить причинно-следственные связи между социально-экономическими преобразованиями в Российской империи и появлением первых кредитных учреждений в вышеуказанной губернии. Благодаря историко-генетическому подходу удалось реконструировать операционную деятельность отделения Государственного банка, ставшее основой для формирования финансовой сети Орловской губернии. Далее, настоящий метод позволил проследить эволюцию Орловского коммерческого банка от скромного местного учреждения, основанного в 1872 г., до крупного финансового института, чья деятельность к концу XIX в. распространилась на соседние губернии.

Широко использовался в работе историко-сравнительный метод, применение которого было направлено на выявление как общих закономерностей развития банковского дела в пореформенной России, так и специфических черт, присущих именно Орловской губернии. Сравнение проводилось по нескольким направлениям. Внутрорегиональное сравнение позволило сопоставить деятельность различных типов банковских учреждений, функционировавших параллельно на одной территории в 12 уездах Орловской губернии. Анализ различий в их операционной деятельности, структуре и характера уездной экономики дал возможность понять, как происходило разделение финансовых рынков и какие слои населения обслуживал каждый тип банка. Межрегиональное сравнение, в свою очередь, заключалось в сопоставлении банковской системы Орловской губернии с аналогичными системами соседних черноземных регионов: Курской, Тульской и Тамбовской губерний. Данный метод позволил определить место Орловской губернии в региональной экономике и выявить факторы, влиявшие на степень развития ее банковской сети, а также выявить сходства и отличительные особенности региональных банковских систем.

Наконец, диахронное сравнение, то есть сравнение во времени, применялось при изучении динамики банковских показателей: сопоставление структуры платежей и переводов, объемов учтенных векселей или привлеченных вкладов за различные годы позволило наглядно проследить изменения в торговых связях и финансовых потоках как на общеимперском, так и на губернском уровнях.

Наряду с вышеуказанным, в целях упорядочивания многообразного фактического материала, извлеченного из архивных источников и опубликованных отчетов, применялся историко-типологический метод. Его использование позволило классифицировать изучаемые объекты по существенным признакам. Прежде всего, была изучена и выявлена типология самих банковских учреждений, действовавших на территории Орловской губернии. Они были разделены на несколько качественно однородных групп: государственные банки в лице отделений Госбанка, акционерные коммерческие

банки, городские общественные банки, а также, общества взаимного кредита и учреждения ипотечного кредита, такие как отделения Дворянского и Крестьянского поземельных банков. Следующим уровнем типологизации стала классификация клиентуры банков. На основе анализа именных формуляров вкладчиков и заемщиков были выделены устойчивые социальные типы: дворяне-землевладельцы, обращавшиеся преимущественно к ипотечному кредиту; купцы, активно использовавшие учет векселей для финансирования торговых операций; мещане и крестьяне, делавшие небольшие вклады или бравшие ссуды под залог имущества; чиновники, хранившие в банках жалование. Более того, типологизации подверглись и основные банковские операции, что позволило структурировать их по функциональному назначению: учетно-ссудные операции, связанные с краткосрочным кредитованием торговли; ипотечные операции, обеспечивавшие долгосрочное кредитование землевладения; депозитные операции по привлечению средств населения; переводные и комиссионные операции.

Применение проблемно-хронологического метода позволило выстроить логическую структуру исследования и изложения материала. В тесной связи с проблемно-хронологическим находился метод периодизации, который позволил выделить качественно своеобразные этапы в истории банковской системы Орловской губернии. Критериями для выделения этапов послужили изменения в законодательной базе, экономической конъюнктуре и социальном составе банковских элит. На основе законодательного критерия были выделены этапы, связанные с либерализацией банковского законодательства в эпоху Великих реформ, ужесточением государственного надзора в период контрреформ 1880-х гг. и активизацией ипотечного кредитования в годы Столыпинской аграрной реформы. Экономический критерий позволил выделить этапы, связанные с циклами хлебных цен, железнодорожным строительством и общеэкономическими кризисами. Социальный критерий дал возможность зафиксировать смену этапов, когда банки управлялись преимущественно местной купеческо-дворянской элитой, и этапов усиления влияния столичных финансовых групп, таких как клан

банкиров Поляковых. Наложение этих критериев друг на друга позволило создать многомерную и обоснованную периодизацию, отражающую сложный характер развития объекта исследования.

Глубокому проникновению в динамику банковской системы способствовало использование структурно-диахронного метода. Настоящий метод был направлен на анализ изменений, происходивших в структуре банковских связей и операций на территории Российской империи. С его помощью был изучен процесс эволюции института региональных банковских структур, их динамика и соотношение с государственными структурами.

Таким образом, комплексное применение указанных специально-исторических методов позволило не просто собрать и описать факты, касающиеся банковской системы Орловской губернии, но и провести их всесторонний анализ, раскрыть внутренние механизмы функционирования финансовых институтов, проследить их эволюцию в контексте общероссийских и региональных социально-экономических процессов и дать обоснованную оценку их роли в экономической жизни губернии.

Обоснованность и достоверность результатов исследования заключаются в комплексном и системном подходе к изучению регионального аспекта банковской Российской империи в XIX – начале XX вв. В отличие от других существующих исследований, фокусирующихся преимущественно на столичных центрах (Санкт-Петербург, Москва) или общероссийских тенденциях, а также на отдельные банковские институты (учреждения), данная работа рассматривает Орловскую губернию как самостоятельный объект анализа, раскрывая особенности региональной банковской модели в аграрно-промышленном контексте Центральной России. Таким образом, настоящее исследование позволяет дополнить историографию банковского дела Орловской губернии и внести вклад в понимание порядка организации, структуры и особенностей региональной банковской системы.

Научная новизна, а также обоснованность и достоверность результатов данного исследования обоснованы анализом, ранее не вводимых в научный

оборот, архивных материалов, а также применением междисциплинарных методов, сочетающих исторический и экономический подходы. На основе не опубликованных материалов из фондов государственного архива Орловской области (ГАОО), Российского государственного исторического архива (РГИА), государственного архива Брянской области (ГАБО), впервые реконструированы операции ключевых кредитных учреждений, таких как Орловский коммерческий банк (основан в 1872 г. семьей Поляковых), Орловский общественный банк (основан в 1864 г.), филиал Государственного банка (основан в 1865 г.). Новизна настоящего исследования также заключается в контент-анализе периодической печати и мемуаров местных деятелей, что раскрывает общественное восприятие банков как инструмента социальной мобильности. Настоящая работа также реконструирует операционную деятельность финансовых учреждений Орловской губернии, опираясь на их отчетность и локальные акты.

В рамках настоящей диссертационной работы проведен всесторонний анализ генезиса региональной банковской сети на примере Орловской губернии. Исследование также выявляет специфику регионального банковского дела: доминирование аграрно-ориентированных операций (кредитование под залог зерна и земель), роль кредитных товариществ в преодолении крестьянского малоземелья, а также зависимость от транспортных сетей (Орловско-Грязская железная дорога как фактор роста торговых кредитов). Все вышеуказанное позволяет сформулировать новую модель банковской системы как многоуровневой структуры, интегрированной в общероссийскую систему, но с локальными адаптациями.

Научная новизна исследования также проявляется в изучении института малого кредитования Орловской губернии, представленного в форме товариществ и обществ взаимного кредитования. Настоящее исследование впервые вводит в научный оборот учредительные документы вышеуказанных организаций, более того, осуществляется систематизация операционной деятельности, а также выявляются особенности их организации и функционирования. Следует также отметить тот факт, что научная новизна настоящей работы обусловлена

отсутствием аналогичных комплексных исследований в Отечественной историографии относительно структуры и сущности банковского дела Орловской губернии в период с 1964 по 1917 гг.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования проявляется в углублении понимания эволюции банковской системы как ключевого элемента социально-экономических трансформаций в Российской империи XIX – начала XX вв. Настоящая работа развивает теоретические основы региональной истории, демонстрируя, как провинциальные банковские институты (филиалы Государственного банка, земские кассы, частные кредитные общества) функционировали в условиях аграрно-доминирующей экономики. Анализ операционной деятельности показывает, как банковская система Орловской губернии способствовала модернизации аграрного сектора, что обогащает теорию экономической модернизации. Более того, в работах, посвященных организации и функционированию банковской системы Орловской губернии, раскрываются отдельные аспекты функционирования конкретных институтов и учреждений. В свою очередь, настоящее исследование рассматривает не только генезис банковского сектора или же его отдельные институты, но и всесторонне, системно анализирует порядок формирования, структуру и особенности операционной деятельности ключевых кредитных учреждений вышеуказанного региона.

Практическая значимость исследования связана с возможностью применения его результатов в современной образовательной сфере: материалы диссертационного исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки курсов по экономической истории России в вузах, а также для школьных программ по краеведению. Кроме того, настоящая работа стимулирует музейные и просветительские проекты: реконструкция банковской истории Орловщины может стать основой для экспозиций в Орловском краеведческом музее, способствуя сохранению культурного наследия. Более того, практическая ценность также проявляется в рекомендациях для финансовой политики: рассмотренный исторический опыт организации региональной банковской

системы может стать основой для укрепления банковской автономии в условиях санкций и экономической децентрализации.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования были опубликованы в журналах: «Вестник государственного и муниципального управления», являлись предметом обсуждения на кафедре Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, а также на научно-исследовательских семинарах и научно-практических конференциях.

Перечень публикаций автора. По теме исследования опубликовано 6 работ общим объемом 3.2 п.л., включая:

А. Статьи в изданиях, включенных в Перечень изданий, рекомендованных ВАК России для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата наук:

Столяров, А. А. Формирование категории золотого стандарта в банковской системе Российской империи в конце XIX - начале XX века / А. А. Столяров // Вестник государственного и муниципального управления. – 2025. – Т. 14, № 1. – С. 39-53. – DOI 10.22394/2225-8272-2025-14-1-39-53. – EDN KHMGOI.

Столяров, А. А. Денежно-кредитная политика Государственного банка Российской империи в период Первой мировой войны / А. А. Столяров // Вестник государственного и муниципального управления. – 2025. – Т. 14, № 3. – С. 171-184. – EDN TUDITH.

Столяров, А. А. Правовые основы деятельности Орловского коммерческого банка в дореволюционный период / А. А. Столяров // Вестник государственного и муниципального управления. – 2025. – Т. 14, № 4. – С. 136-147. – DOI 10.22394/2225-8272-2025-14-4-10. – EDN SZFVDG.

Столяров, А. А. Транспарентность как фактор инвестиционной привлекательности компании / А. А. Столяров, С.В. Симонов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 3(473). – С. 267-271. – EDN RFMXNL.

Б. Работы, опубликованные в сборниках статей и материалах научных конференций:

Столяров, А. А. Орловское отделение Государственного банка Российской империи: административно-правовой статус и функции в региональной экономике / А. А. Столяров // Научные записки академии. – 2025. – Т. 16, № 4. – С. 95-101. – EDN XKVFGL.

Столяров, А. А. Доверие, воплощённое в камне»: архитектура банковских зданий как инструмент PR в губернском городе / А. А. Столяров // Границы возможного в рекламном и PR-креативе: Сборник материалов Шестой Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Орёл, 23 октября 2025 года. – Орёл: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2026. – С. 99-107. – EDN TIBEKZ.

Положения, выносимые на защиту и имеющие научную новизну:

1. Выявлено, что формирование региональной банковской сети в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX в. было обусловлено сочетанием ряда ключевых факторов: глубокой аграрной специализацией региона, быстрым ростом товарно-денежных отношений после отмены крепостного права и воздействием общероссийских финансовых реформ 1860–1870-х гг. Орловская губерния, входившая в число ведущих хлебородных регионов Центрального Черноземья, характеризовалась высокой товарностью сельскохозяйственного производства и активным включением в межрегиональную и внешнюю торговлю зерном, мукой и сахарной свеклой. Данное обстоятельство создавало устойчивый спрос на краткосрочный и товарный кредит. Финансовые реформы в виде создания Государственного банка в 1860 г. и его Орловского отделения в 1865 г., а также принятие типового устава акционерных коммерческих банков в 1872 г., обеспечили правовые и организационные условия для развития частных кредитных институтов в провинции. В результате в Орловской губернии сложилась устойчивая региональная банковская сеть, выступавшая не просто филиалом общероссийской системы, а специфическим адаптационным механизмом, позволявшим аграрной провинциальной экономике эффективно интегрироваться в процессы капитализации и общероссийский рынок. (п. 21

«История экономического развития России, ее регионов» паспорта научной специальности 5.6.1. «Отечественная история»).

2. Установлено, что Орловское отделение Государственного банка, Орловский коммерческий банк и Орловский городской общественный банк составляли ядро региональной банковской системы Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Деятельность вышеуказанных кредитных учреждений характеризовалась устойчивой специализацией на кредитовании сельскохозяйственного производства и связанной с ним торговли. Ключевыми направлениями деятельности данных банков являлись: учет векселей, выдача ссуд под залог сельскохозяйственных товаров, финансирование экспортных операций и инвестиции в развитие аграрного производства. Вышеуказанная специализация кредитных учреждений Орловской губернии стала важным инструментом реализации государственной банковской политики в провинции и обеспечило финансовую поддержку сельского хозяйства региона. (п. 21 «История экономического развития России, ее регионов» паспорта научной специальности 5.6.1. «Отечественная история»).

3. Изучены особенности организации и функционирования малого кредитования в Орловской губернии, которые проявлялись в доминировании кооперативных и взаимных кредитных обществ, ориентированных на мелких производителей и крестьян, с акцентом на доступность займов и минимизацию рисков, что отражало специфику провинциального финансового рынка и способствовало социальной стабилизации (п. 21 «История экономического развития России, ее регионов» паспорта научной специальности 5.6.1. «Отечественная история»).

4. Определен и введен в научный оборот ряд делопроизводственных документов, относительно деятельности Орловского общественного, Коммерческого и филиала Государственного банков, что позволило установить действительный характер, сущность их операционной деятельности, а также их роли в банковской системе Орловской губернии (п. 21 История экономического

развития России, ее регионов» паспорта научной специальности 5.6.1. «Отечественная история»).

5. Установлено, что в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX вв.) в Орловской губернии сформировалась особая региональная модель кредитно-финансовой инфраструктуры, занявшая промежуточное положение между коммерциализированной моделью Тульской губернии и государственно-кооперативной моделью Курской губернии. Настоящая модель продемонстрировала оптимальное сочетание динамики и устойчивости в условиях аграрно-экспортной экономики Центрального Черноземья. Ключевым фактором устойчивости Орловской банковской системы стало доминирование Орловского коммерческого банка (1872–1908 гг.), который успешно преодолел кризис 1880-х гг. и расширил свою сеть до 22 отделений в 12 губерниях и обеспечил глубокую интеграцию региона в общероссийский и международный зерновой рынок посредством Риги-Орловского и Либаво-Роменского железнодорожных направлений, создав конкурентные преимущества в финансировании крупномасштабной хлебной торговли.

Сравнительный анализ показал, что, в отличие от Тульской губернии, где диверсифицированная экономика обусловила высокую уязвимость банковской сети (сокращение кредитных учреждений с 12 до 4 после кризиса 1880-х гг.), Орловская система обладала большей финансовой устойчивостью благодаря специализации на экспортной зерновой торговле. При наличии структурных параллелей с Тамбовской губернией в решении проблем дефицита капитала и долгосрочного земельного кредита в Орловской губернии данные функции эффективно выполнял частный коммерческий банк, что подчеркивает вариативность механизмов аграрного кредитования в регионе. В отличие от Курской губернии, где преобладали государственные и кооперативные институты, Орловская модель отличалась большей коммерциализацией и адаптивностью, обеспечив более высокий потенциал экономического роста при умеренно повышенной чувствительности к рыночным колебаниям.

Таким образом, эволюция кредитно-финансовых институтов Орловской губернии отражала общенациональные тенденции трансформации денежно-кредитной системы Российской империи после 1861 г., одновременно демонстрируя выраженные региональные особенности, обусловленные ролью крупного коммерческого банка, ориентацией на зерновой экспорт и развитием железнодорожной инфраструктуры, что позволило региону занять заметное место в системе всероссийского аграрного рынка (п. 21 История экономического развития России, ее регионов» паспорта научной специальности 5.6.1. «Отечественная история»).

Диссертационная работа состоит из введения, основной части, состоящей из 3 разделов (по 3 подраздела в каждом), заключения, списка использованных источников и литературы, а также 2 приложений.

РАЗДЕЛ 1. ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

1.1. Понятие, генезис и структура банковского дела Российской империи

Феномен банковского дела является важным элементом товарно-денежного хозяйства любого государственного образования. Настоящий тезис обусловлен тем фактом, что с момента появления денег, как универсальной формы стоимости и товарного обмена, начинается планомерное развитие банковского дела и формирование первых прототипов банковских систем. Истоки понятия «банк» можно проследить через этимологию самого слова: в переводе с итальянского, оно означает «скамья»⁴⁹. Так, в Италии XII в. слово «скамья» использовалось для обозначения рабочего места менялы – стола, на котором проводились обмены. Более того, данное слово символизирует процесс купли-продажи финансовых инструментов, обмен денег, заключение сделок и оплату товаров и услуг.

Рассматривая историю банковской системы Российской империи, возникает объективная необходимость в рассмотрении дефиниции вышеуказанного института, опираясь на исследования в области исторической науки. Так, в результате проведенных исследований, историческая наука определяет банковскую систему как исторически сформировавшаяся и интегрированная совокупность взаимодополняющих структурных компонентов, включающая Центральный банк, коммерческие кредитные учреждения, а также элементы инфраструктуры, которые характеризуются глубокими внутренними взаимосвязями с внешней экономической средой.⁵⁰ Исходя из подобной конфигурации приведенного понятия, можно выявить и главную функцию банковской системы: обеспечение устойчивого экономического развития.

⁴⁹ См.: Новый итальянско-русский и русско-итальянский словарь: 100 000 слов и словосочетаний / сост.: И. В. Забазная, А. Е. Ковач. М.: Дом Славянской книги, 2011. С. 990.

⁵⁰ См.: Ахмедов С. К., Шихахмедов Р. Г. Понятие «банковская система»: современные подходы к определению и системный анализ // Финансы и кредит. 2004. № 26(164). С. 40–47.

Следует также отметить, что в целях более глубокого анализа и понимания генезиса банковского дела в Российской империи, исследователи используют метод периодизации, который позволяет структурировать сложные процессы и определить их особенности. Так, например, выделение этапов дает возможность проследить эволюцию финансовых институтов от древнерусской модели денежных отношений к современной рыночной системе. В научной доктрине существует множество подходов к периодизации Отечественной истории банковского дела: например, А. И. Полищук выделяет шесть основных этапов:

1. 1754–1917 гг. – с момента основания первых российских банков до Октябрьской революции.
2. 1917–1921 гг. – период отказа советской власти от денежных отношений. 1921–1930 гг. – время НЭПа.
3. 1930–1986 гг. – становление и функционирование банковской системы СССР.
4. 1987–1993 гг. – распад социалистической банковской системы.
5. С 1993 г. по настоящее время – развитие современной банковской системы Российской Федерации⁵¹.

Таким образом, периодизация банковской истории России зависит от исследовательских подходов и акцентов, сделанных учеными на определенных социально-экономических и политических изменениях. Учитывая особенности предмета исследования настоящей диссертационной работы, особый интерес вызывает период становления и развития банковской системы Российской империи.

Вопрос о том, кто и когда основал первый банк в России, остается предметом исторических споров. Так, по мнению Артемьева А.А., одним из возможных инициаторов банковской деятельности называют А. Л. Ордина-Нащокина (1605–1680 гг.), который учредил и поддержал создание купеческих союзов при земской избе в целях предоставления услуг по кредитованию

⁵¹ См.: Полищук А. И. Кредитная система: опыт, новые явления, прогнозы перспективы. М.: Финансы и статистика, 2005. С. 208.

купеческого сословия⁵². Одним из важных учреждений, которое претендует на звание первого банковского учреждения является «Мануфактур-коллегия», учрежденная при Петре I, которая выполняла функции промышленного банка или ссудной кассы для финансирования производства в XVIII в. Вместе с тем, есть и альтернативные мнению по вышеуказанному вопросу. Так, по мнению Канценеленбаума З.С., первое казенное кредитное учреждение было создано при Монетной конторе во время правления императора Петра II.⁵³

Следует отметить, что в Российской империи на протяжении длительного периода времени отсутствовало единое и централизованное законодательство, которое бы регламентировало деятельность кредитных организаций. Более того, в силе еще оставались положения Соборного уложения от 1649 г., которое учреждало запрет на взимание процентов по займам вплоть до 1754 г.⁵⁴ Первые полноценные попытки создания кредитной системы связаны с деятельностью Петра II⁵⁵. Так, в 1729 г. Монетная контора получила право предоставлять займы под залог золота и серебра⁵⁶. Основными заемщиками данной организации выступали дворяне, где в качестве залога принималась золотая и серебряная посуда, которая в случае невыплаты долга могла быть переплавлена в монеты⁵⁷. Однако правовые нормы, регулирующие выкуп имущества, были недостаточно разработаны, что позволяло заемщикам находить лазейки для сохранения своих залогов.

Правовую основу для кредитных операций также заложил Вексельный устав, введенный в действие 16 мая 1729 г. (Указ № 5410).⁵⁸ Настоящий документ стал отправной точкой для формирования банковской системы Российской империи, поскольку впервые законодательно установил взимание процентов по займам. На основании Вексельного устава Монетная контора начала выдавать

⁵² См.: Артемьев А. А. Основные принципы создания и начала функционирования национальной банковской системы в России с середины XVIII в. до 1860 г. // Финансы и кредит. 2008. № 7(295). С. 67–73.

⁵³ См.: Канценеленбаум З. С. Учение о деньгах и кредите: в 2 т. М., 1928. С. 150–155.

⁵⁴ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIV. № 10.235. С. 87–94.

⁵⁵ См.: Энциклопедия российской монархии. М.: ЭКСМО, 2003. С. 388–390.

⁵⁶ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. М.: ЭКСМО, 2005. С. 189–190.

⁵⁷ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. № 5273. С. 39–41.

⁵⁸ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. № 5410. С. 147–197.

займы, а основные положения устава позже были подтверждены Указом императрицы Анны Иоанновны от 8 января 1733 г. «О правилах займа денег из Монетной конторы»⁵⁹. Анализируя в своей работе законодательную базу XVIII в., Ивонина Е.В., отметила тот факт, что в вышеупомянутом Указе Анны Иоанновны говорилось о необходимости борьбы с высоким ростовщическим процентом, который достигал 12–20% годовых, и предписывалось предоставлять займы из Монетной конторы под 8% годовых. Более того, автор указывал на тот факт, что займы выдавались под залог золота и серебра, стоимость которого превышала сумму займа на 25%, с возможностью трехлетней рассрочки, однако, сами кредиты предоставлялись в основном лицам, близким к императорской семье, а правительство преследовало скорее казенные, чем частные интересы⁶⁰. В 1733 г., в ответ на растущий спрос на займы среди купечества и частных лиц, функции Монетной конторы были расширены. Контора начала осуществлять кредитные операции с недвижимым и движимым имуществом, предоставляя рассрочку платежей до трех лет.⁶¹ Вместе с тем, в доктринальной литературе указывается на ограниченный характер деятельности настоящей организации, которая была направлена, в большей степени, на удовлетворение интересов государства, чем на развитие частного кредита⁶². Монетная контора, с ее ограниченными функциями кредитования, стала прообразом первых российских банков. Она впервые ввела практику предоставления займов под 8% годовых, пусть и на короткий срок, с залогом в виде золотых и серебряных изделий. Данные кредитные операции положили начало развитию банковской системы в России, хотя их реализация носила преимущественно привилегированный характер и служила скорее инструментом государственной экономической политики. Первые шаги в регулировании кредитных отношений были сделаны в 1740 г. с принятием Банкротского устава, который ограничивал соотношение между собственным и

⁵⁹ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. IX. № 6300. С. 6–7.

⁶⁰ См.: Ивонина Е. В. Актуальные проблемы становления и правового регулирования банковской деятельности Российской империи (1729 г. – сер. XVIII в.) // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2(11). С. 63–70.

⁶¹ См.: Андрушин С. А. Банки Российской империи. Томск: ТГУ, 1996. С. 90.

⁶² См.: Толстой Д. А. Указ. соч. С. 223.

заемным капиталом на уровне один к трем.⁶³ Процентная ставка по займам колебалась от 12–15% до 20%, что делало кредит дорогим и практически съедало всю прибыль⁶⁴.

Вместе с тем, необходимо отметить тот факт, что вышеуказанные учреждения были лишь прообразом банков и заложили основы для создания полноценной кредитной системы. Серьезные изменения в банковской сфере начались в середине XVIII в., когда усиливающееся торгово-промышленное развитие страны потребовало расширения круга заемщиков. Императрица Елизавета Петровна 7 мая 1754 г. поручила Сенату создать Государственный банк для дворянства, используя казенные средства⁶⁵. Основной целью было облегчение положения дворянства за счет снижения процентных ставок по частным займам. Организация банка потребовала значительного времени для определения источников финансирования и разработки нормативной базы. Так, 13 мая 1754 г. Указом Елизаветы Петровны был учрежден Государственный заемный банк, который фактически разделился на два отдельных учреждения: Дворянский заемный банк и Купеческий (Коммерческий) банк.⁶⁶ Дворянский банк предоставлял краткосрочные кредиты дворянам под залог земель, золота и серебра. Купеческий банк, расположенный в Санкт-Петербургском порту, обслуживал купцов, выдавая кредиты под залог товаров, драгоценных металлов и при гарантиях от городских магистратов. Начальный капитал банка составлял 500 тыс. руб., полученных от Монетных дворов.⁶⁷

Основной задачей Купеческого банка было предоставление целевых краткосрочных кредитов под 6% годовых на срок до полугода. Вместе с тем, строгие условия выдачи кредитов, включая необходимость предоставления товарного залога, превышающего сумму кредита на 25%, письменное подтверждение Коммерц-коллегии и поручительства других купцов, вызвали

⁶³ См.: Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., 1999. С. 278.

⁶⁴ См.: Борисов Ю. Ф. В началах кредитно-денежной политики в России (XVIII в. – середина XIX в.) // Вестник Финансовой академии. 2005. № 2(34). С. 112–122.

⁶⁵ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIII. № 10.164. С. 947–953.

⁶⁶ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIV. № 10.235. С. 87–94.

⁶⁷ См.: Ивонина Е. В. Указ. соч. С. 63–70.

сложности. На момент завершения навигационного сезона в августе 1754 г. не было выдано ни одного займа⁶⁸. В ответ на это, Сенат пересмотрел условия кредитования. Так, с 1754 г. кредиты стали предоставляться под залог товаров, доставленных в порт, с продлением срока займа до 12 месяцев. Уже к концу года настоящие меры принесли результаты: банки выдали кредиты на общую сумму свыше 200 тыс. руб.⁶⁹ Данные изменения позволили Купеческому банку частично преодолеть первоначальные трудности и начать выполнение своей основной функции: кредитования торгово-промышленной деятельности.

Дворянский заемный банк, учрежденный при Сенате, обладал основным капиталом в 750 тыс. руб. Его конторы в Санкт-Петербурге и Москве предоставляли ссуды русским дворянам, а также иностранцам, принявшим вечное подданство России и обладавшим недвижимым имуществом. Основной задачей банка было предоставление поземельных кредитов помещикам под залог имений, оцениваемых по числу крепостных крестьян (ревизских душ). Размер ссуды варьировался от 500 до 10 тыс. руб., с процентной ставкой 6% (на срок до 3 лет), наряду с этим, среднесрочные кредиты, не связанные с ипотекой, выдавались под 8% годовых, из которых 3% шли в доход банка⁷⁰. Для сравнения, частные займы в то время облагались ставками до 20%.⁷¹ С 1759 г. банк начал предлагать рассрочку платежа на срок до 4 лет, а с 1761 г. – на 8 лет. В случае невыплаты долга имущество должника подлежало продаже с аукциона⁷². Указ 1754 г. требовал выдачи кредитов только под надежный залог и поручительство проверенных лиц, что должно было минимизировать риски невозврата средств.

Вышеуказанный банк стал первым учреждением долгосрочного кредита, предоставляя ссуды дворянству на срок до 20 лет. Для его деятельности правительство выделило 33 млн руб. из казны. Исследуя особенности первых

⁶⁸См.: Романовы: триста лет служения России / И. Н. Божерянов. М.: Белый город, 2006. С. 288.

⁶⁹См.: Ивонина Е. В. Указ. соч. С. 63–70.

⁷⁰См.: Рашидов О. Ш., Джафаров Н. К. Правовой режим кредитных организаций в Российской империи. Ретроспективный анализ деятельности кредитных организаций в XVIII веке // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 10. С. 27–30.

⁷¹См.: Идельсон В. Р. Кредит, банки и биржа: лекции, читанные студентам экономических отделений СПб. политехнического института Императора Петра Великого в 1913–1914 гг. СПб., 1914. С. 182.

⁷²См.: Боровой С. Я. Указ. Соч. С. 48.

банковских образований, можно выделить следующие особенности: государственная форма собственности, в отличие от частного ростовщического капитала; значительный размер капитала; единая политика процентных ставок; скоординированная денежная и кредитная политика.

Во времена правления императрицы Екатерины II началось формирование рынка ценных бумаг, где значительное внимание уделялось развитию новых кредитных учреждений. По мнению Муравьевой Л.А., Медный и Артиллерийский банки не справились с возложенными на них задачами. Более того, автор отмечает тот факт, что их деятельность не улучшила денежное обращение в стране и не способствовала накоплению серебряной монеты так как по предоставленным ссудам не выплачивались проценты по основной сумме долга⁷³. Купеческий (Коммерческий) и Дворянский банки также не оправдали возложенных на них задач. Так, Коммерческий банк, учрежденный для кредитования купечества, оказался ограничен как по видам операций, так и по сфере своего влияния. Настоящий тезис находит свое подтверждение в работе Морозана В.В., где подчеркивается тот факт, что в указе императора Петра III, касающемся деятельности Коммерческого и Дворянского банков, предписывалось прекратить отсрочки по задолженностям и обеспечить возврат всех заемных сумм. Более того, в работе автора отмечается, что уже к 1764 г. капитал Коммерческого банка превышал 800 тыс. руб., тогда как объем задолженности достигал 400 тыс. руб.⁷⁴ В связи с вышеуказанными обстоятельствами, в середине 1760-х гг. императрица предприняла попытку реорганизовать Коммерческий банк. Новый указ, регламентировавший его деятельность, выводил банк из подчинения Коммерц-коллегии, а также расширял возможности купечества в получении кредитов, что должно было облегчить их конкуренцию с иностранными торговцами⁷⁵. Вместе с тем, стоит подчеркнуть тот факт, что за 5 лет банк смог вернуть менее половины задолженности⁷⁶. Петербургский Купеческий банк фактически прекратил свою

⁷³ См.: Муравьева Л. А. Кредитная политика Екатерины II // Финансы и кредит. 2010. № 13(397). С. 75–83.

⁷⁴ См.: Морозан В. В. Указ. соч. С. 47.

⁷⁵ См.: Борисов Ю. Ф. Указ. соч. С. 45.

⁷⁶ См.: Муравьева Л. А. Указ. соч. С. 75–83.

деятельность в 1770 г., а формально был ликвидирован в 1782 г. указом императрицы. Его активы были переданы местному Дворянскому банку. Вопросами возврата долгов занялась Коммерц-коллегия.

29 декабря 1768 г. был издан Манифест о создании государственных банков в Санкт-Петербурге и Москве для обмена ассигнаций. Основными причинами введения бумажных денег, как было указано в Манифесте, стали неудобства, связанные с медной монетой, трудности в обращении, проблемы с перевозкой денег, а также необходимость создания банка, подобного существующим в Европе⁷⁷. Настоящий акт сыграл важную роль в развитии кредитной системы России. В Манифесте также подчеркивалось, что ассигнации будут иметь такую же ценность, как и монеты, и что люди, предъявляющие ассигнации, должны получать деньги в необходимом количестве. Было установлено, что выпуск бумажных денег не должен превышать сумму наличных монет, находящихся в банке. Начальный капитал Ассигнационного банка составлял 1 млн руб. медных монет, разделенных поровну между конторами в Санкт-Петербурге и Москве, и эти средства рекомендовали взять из ликвидированных средств Медного банка. Настоящий металлический фонд обеспечивал эмиссию бумажных денег, лимит которой был установлен на уровне 1 млн руб.⁷⁸ Ассигнации стали использоваться наряду с монетой и должны были приниматься без ограничений для уплаты налогов. Более того, в 1771 г. Ассигнационным банкам было разрешено принимать вклады от частных лиц под 5% и выдавать ссуды в размере от 10 тыс. до 25 тыс. руб. каждая⁷⁹. Из манифеста императрицы Екатерины II следовало, что основная цель ассигнаций заключалась в облегчении обращения медных монет. Планировалось заменить часть металлических монет на бумажные деньги. Для этого был создан «Государственный банк для вымена ассигнаций», который также назывался «Променным банком».

⁷⁷ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVIII. № 13.219. С. 787–793.

⁷⁸ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXII. № 16.479. С. 734–770.

⁷⁹ См.: Манифест об учреждении в Санкт-Петербурге и Москве государственных банков для обмена ассигнаций // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 2(18). С. 206–217.

Эмиссионная функция Ассигнационного банка должна была реализовываться через разветвленную сеть местных властей и государственных учреждений, что обеспечивало эффективное распределение ассигнаций по различным регионам. В соответствии с установленными нормами, банк обязывался осуществлять поставки ассигнаций в ответ на запросы местных властей, обеспечивая их необходимым объемом бумажных денег. В свою очередь, местные органы власти должны были направлять в банк накопленные монеты, тем самым поддерживая баланс между бумажным и металлическим денежным обращением. Настоящий процесс способствовал постепенному вытеснению металлических монет из обращения бумажными деньгами, что позволяло значительно увеличить долю ассигнаций в денежной массе и, соответственно, укрепить финансовую стабильность государства. В свою очередь, такая замена обеспечивала государству возможность аккумулировать дополнительные металлические резервы, что способствовало усилению его финансовой независимости. Стоит отметить, что Ассигнационный банк был изначально предусмотрен как инструмент для обеспечения финансирования государственных учреждений и нужд, что предопределяло его ключевую роль в системе государственного финансового управления. Исследуя роль и сущность имплементации бумажных ассигнаций в экономику империи, Тараконов В.И., в своей работе отмечает, что Правительство Екатерины II находило эмиссию бумажных ассигнаций одной из самых прибыльных форм внутренних займов, однако, эмиссия бумажных денег в фискальных целях приводила к развитию инфляционных процессов⁸⁰. По мнению Моисеева С.Р., вышеуказанный процесс стал символом финансового краха конца эпохи правления Екатерины II. Так, дефицит государственного бюджета стал хроническим, и, кроме эмиссионного финансирования, правительство не имело других стабильных источников доходов⁸¹.

⁸⁰ См.: Таранков В. И. Ценные бумаги Государства Российского. М.: Тольятти, 1992. С. 23–26.

⁸¹ См.: Моисеев С.Р. Указ. соч. С. 397–399.

Восшествие на престол императора Александра I в 1801 г. стало началом периода умеренно-либеральных преобразований в Российской империи. Император, стремившийся к модернизации государственного аппарата, поручил разработать проект общегосударственных реформ. Одним из ключевых авторов этого проекта стал известный реформатор М.М. Сперанский, который на некоторое время стал приближенным к двору и взял на себя руководство разработкой программы реформ, в том числе в финансовой сфере. Одной из центральных частей программы Сперанского стал «План финансов», который предусматривал глубокое реформирование финансовой системы России. Основной целью этого плана было упорядочение финансов и устранение проблем, связанных с дефицитом бюджета и неэффективным управлением государственными финансами. Сперанский осудил практику постоянных заимствований казначейством средств из банков, что, по его мнению, способствовало нестабильности финансовой системы и подрыву доверия к государственным деньгам. «План финансов» состоял из двух частей. В первой части рассматривались неотложные меры по стабилизации финансового положения, такие как улучшение контроля за государственными расходами и введение эффективных налоговых реформ. Во второй части документа были предложены долгосрочные меры по созданию устойчивой финансовой системы, включая создание банковской системы, которая могла бы способствовать экономическому росту и развитию.

Одним из ключевых предложений было создание банков на коммерческой основе с широким спектром функций. Сперанский полагал, что для успешного функционирования банковской системы необходимо стимулировать развитие кредитования и вовлечение частного капитала. Он утверждал, что банки, особенно вновь учреждаемые, должны стремиться к максимальному распространению своих кредитных операций как внутри России, так и за рубежом. По его мнению, банки должны были активно привлекать капиталы, скупая ресурсы других финансовых учреждений, и выпускать собственные деньги

(банковские билеты)⁸². Также предлагалось открыть филиалы банков в крупнейших торговых центрах страны и обеспечивать обратный обмен валют.

Важным элементом реформы стала монетарная реформа, отраженная в Манифесте от 20 июня 1810 г., который установил серебряный рубль как основное и законное средство обращения в Российской империи. Новый рубль был изменен по весу и пробе, однако содержание серебра в монете оставалось неизменным и составляло 18 граммов⁸³. В рамках данной реформы была также обновлена разменная серебряная монета, но старые монеты продолжали оставаться законным платежным средством, что способствовало постепенному переходу к новой денежной системе без резкого изъятия старых денег.

Одним из значительных шагов в реформировании финансовой системы стало подчинение Ассигнационного банка Министерству финансов⁸⁴. До этого Ассигнационный банк выполнял ряд функций, связанных с эмиссией ассигнаций и кредитованием, однако в ходе реформ его функции были существенно ограничены. Банк стал заниматься исключительно эмиссией новых ассигнаций для замены изношенных и старых денежных знаков, а также конвертацией ассигнаций в медные монеты. Настоящие меры позволили более эффективно контролировать финансовые потоки и укрепить доверие к монетной системе России.

Как итог, финансовая реформа Александра I, разработанная при активном участии М.М. Сперанского, предусматривала значительные изменения в управлении государственной экономикой, включая создание эффективной банковской системы, обновление монетарной политики и реорганизацию Ассигнационного банка. Несмотря на сложности, связанные с реализацией вышеуказанных реформ, они оказали существенное влияние на дальнейшее развитие финансовой системы Российской империи. Также следует отметить тот факт, что наряду с введением серебряного рубля в качестве основной и законной

⁸² См.: Михаил Михайлович Сперанский. План финансов // У истоков финансового права. - М., (в серии «Золотые страницы российского финансового права») 1998. С.74.

⁸³ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 31. № 24264. «О новом устройстве монетной системы».

⁸⁴ См.: Манифест императора Александра I об учреждении министерств от 8 сентября 1802 г. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 252. Л. 74, 86.

монетной единицы, Правительство провело серию реформ, направленных на улучшение стабильности денежной системы.

Таким образом, политика стабилизации в период правления императора Александра I была ориентирована на улучшение финансовой ситуации в стране через снижение эмиссии бумажных денег, возврат к более жесткому монетарному контролю и реорганизацию банковской системы с целью стимулирования частных инвестиций и улучшения функционирования кредитной системы. Настоящие меры, несмотря на свою амбициозность, не могли полностью решить все проблемы экономики Российской империи, но сыграли важную роль в стабилизации финансовой ситуации после периода неопределенности, вызванного войной и финансовыми трудностями.

Эпоха правления императора Николая I была ознаменована попыткой не просто улучшить и создать стабильность в финансовой ситуации российского государства, но и эмитировать мощную валюту, высоко ценившуюся на международной арене. Финансовая реформа стала оригинальным примером государственного управления денежными потоками, которая в научной литературе именуется в честь министра финансов Е.Ф. Канкрин. Во время своего пребывания на посту министра финансов Е.Ф. Канкрин активно выступал против негосударственного коммерческого кредита⁸⁵. Он считал, что частные банки, выпускающие кредитные бумаги, не должны быть допущены государством, сравнивая их с шарлатанами, продающими сомнительные лекарства, и другими мошенниками, которые эксплуатируют доверчивость публики⁸⁶. Канкрин также разработал новую стратегию для подъема экономики Российской империи, которая охватывала такие сферы, как торговля, сельское хозяйство, наука, образование и промышленность. Одной из первоочередных задач, стоявших перед ним, было наведение порядка в государственных финансах, ключевым элементом которого стало достижение сбалансированности бюджета.

⁸⁵ См.: Артемьев А. А. Указ. соч. С. 67–73.

⁸⁶ См.: Грузицкий Ю. Л. Первая банковская реформа в России // Финансы и кредит. 2003. № 11(125). С. 55–64.

В результате денежной реформы 1839–1843 гг. в России фактически установилась биметаллическая денежная система, хотя официально власти продолжали декларировать серебряный стандарт. Бумажные деньги можно было обменивать как на серебро, так и на золото. Кредитные билеты имели смешанное обеспечение золотом и серебром (в размере 35–40 %).⁸⁷ Между золотыми и серебряными монетами было установлено фиксированное соотношение обмена, что должно было предотвратить арбитражные операции. Таким образом, в Российской империи сформировался необходимый финансовый и правовой базис для дальнейшего развития и эволюции банковского сектора.

Переходя к непосредственному анализу структуры банковской системы Российской империи, которая сформировалась и действовала в период середины XIX – начала XX вв., следует отметить тот факт, что центральное место в системе отводилось Государственному банку, основанному в 1860 г. С точки зрения административной иерархии, Государственный банк Российской империи находился в прямой субординации с Министерством финансов, которое осуществляло стратегическое руководство и надзор за всеми аспектами банковского сектора экономики. В соответствии с первоначальным уставом от 1860 г., повседневное операционное управление, включая координацию транзакций и административных процессов, возлагалось на фигуру управляющего и коллегиальный орган правления⁸⁸. Настоящий орган объединял управляющего, его заместителя (именуемого товарищем), шесть директоров и трех представителей от Совета государственных кредитных установлений, при этом в его структуре действовал специализированный комитет по учету и ссудам, отвечающий за оценку и утверждение кредитных заявок. В последующие периоды эволюции институциональной формы правление трансформировалось в Совет Государственного банка, что отражало тенденцию к большей коллегиальности и децентрализации в принятии решений.

⁸⁷ См.: Моисеев С. Р. Указ. соч. С. 435–436.

⁸⁸ См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXV. Отд. 1. № 35847. С. 644–659.

Назначение управляющего производилось непосредственно императором, и на него возлагалась полная ответственность за общее руководство операционной деятельностью банка, включая мониторинг соблюдения нормативных предписаний, уставных норм и внутренних регуляций, а также обеспечение сохранности кассовых активов и материальных ценностей. В сферу его компетенций входили ведение переговоров с контрагентами, организация официальной корреспонденции от лица учреждения, управление кадровыми ресурсами, разработка и представление ежегодной финансовой сметы вместе с отчетными документами, а также исполнение специальных поручений, таких как эмиссия займов, конверсионные операции, администрирование золотого резерва и портфеля процентных ценных бумаг, выполняемых по указаниям министра финансов. Для оптимизации управленческого процесса назначались два заместителя, ассистирующие в решении текущих задач и обеспечивающие преемственность в случае отсутствия управляющего.

Состав Совета Государственного банка был тщательно сбалансирован и включал директора Особенной канцелярии по кредитной части, делегата от Государственного контроля, заместителей управляющего, руководителя Санкт-Петербургской конторы банка, а также неограниченное количество представителей от министерства финансов, дополненных по одному делегату от сословий дворянства и купечества. Председательская роль в Совете закреплялась за управляющим банка, что подчеркивало его центральное положение в иерархии. Полномочия этого органа дифференцировались на две категории: автономные, позволяющие самостоятельно осуществлять надзор за деятельностью филиалов и утверждать протоколы операций, и координируемые с министром финансов, к которым относились инициативы по внесению изменений в содержание устава, формирование расходных бюджетов, установление условий для коммерческих транзакций и депозитов, открытие или ликвидацию региональных подразделений, предоставление отсрочек по долговым обязательствам и разрешение неординарных ситуаций. Заседания Совета созывались с периодичностью не реже двух раз в месяц, по итогам каждого из них фиксировался краткий протокол для

обеспечения прозрачности и документирования. Решения принимались на основе большинства голосов участников, при паритете голосов преимущество отдавалось председателю, однако в случаях, когда он оказывался в меньшинстве, ему предоставлялось право на приостановку исполнения и эскалацию вопроса к министру финансов для окончательного арбитража. В подчинении Совета функционировали разнообразные структурные подразделения, напрямую подотчетные управляющему и ориентированные на выполнение специализированных задач: отдел по кредитным билетам, отвечающий за эмиссионные процессы; юрисконсульт, обеспечивающий правовую экспертизу; судебный отдел для разрешения споров; департамент местных учреждений, координирующий региональную сеть; центральная бухгалтерия для учета и аудита; инспекторат, проводящий внутренние проверки; и канцелярия для административной поддержки. Кроме того, в составе Совета действовали управления государственными сберегательными кассами, фокусирующиеся на аккумуляции мелких вкладов, и управление по делам мелкого кредита, учрежденное в 1904 г. для поддержки микрофинансирования. Все вышеуказанные элементы способствовали реализации ключевых функций банка в областях кредитования, ресурсного менеджмента и контроля за децентрализованными операциями.

Управляющий реализовывал исполнительные функции, вместе с тем, распорядительные полномочия оставались за главой министерства, который утверждал решения Совета и обладал правом решающего голоса в общем голосовании его членов. Таким образом, в Российской империи отсутствовала модель дуумвирата между центральным банком и Министерством Финансов⁸⁹. Следует отдельно отметить тот факт, что настоящий институт гармонично объединял в себе эмиссионные и коммерческие аспекты деятельности, что позволяло ему эффективно влиять на денежное обращение и экономические процессы. В результате денежной реформы 1895–1897 гг., ознаменовавшейся переходом к «золотому стандарту рубля» и со свободным обменом бумажных

⁸⁹ Там же. С. 38.

денежных средств на золотую монету, банк приобрел право на выпуск собственных банкнот, известных как кредитные билеты, которые стали основной денежной единицей страны. По мере развития отношений с частным сектором, Госбанк все активнее предоставлял ресурсы через корреспондентские счета, постепенно приобретая черты классического европейского центрального банка. В ведении вышеуказанного учреждения находилась обширная система государственных сберегательных касс, количество которых к 1913 г. превысило 8 тыс., а объем привлеченных вкладов населения достиг 1,6 млрд руб.⁹⁰ Настоящие средства, в первую очередь, направлялись на укрепление государственного кредита, в частности, через приобретение облигаций внутренних займов от имени вкладчиков.

По мере финансового развития Госбанка, концепция института центрального банка все больше уходила от идеи создания крупной коммерческой организации и трансформировалась в государственный институт финансирования для акционерных банков империи, предоставляемое через механизмы переучета векселей и кредитов. Настоящий процесс отражал общую эволюцию банковских систем в развитых странах того периода, где акционерные институты опережали центральные по динамике роста, а последние все чаще приобретали статус конечного резерва кредитной инфраструктуры. В России, однако, подобная трансформация оставалась незавершенной, поскольку Госбанк продолжал стремиться к доминирующей роли в финансировании народного хозяйства, параллельно наращивая как субсидии частным банкам, так и объемы собственных активных операций.⁹¹

В контексте формирования филиалов финансовой системы Российской империи создание Государственного банка предполагало выполнение ряда ключевых функций, среди которых особое место занимало стимулирование развития торговли и промышленного сектора. Анализ распределения коммерческих ресурсов банка демонстрирует прогрессирующую ориентацию на

⁹⁰ См.: Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. М.: Перспектива, 1994. С. 37–39.

⁹¹ См.: Там же. С. 38–40.

поддержку народного хозяйства: если в период с 1866 по 1875 гг. направлялось около 28% средств, то в последующее пятилетие показатель возрос до 53%, достигнув пика в 63% в 1881–1890 гг.⁹² Подобный рост объемов кредитования со стороны Государственного банка совпал с фазой заметного спада активности акционерных коммерческих банков, обусловленного кризисными явлениями и затяжной экономической депрессией, в условиях которой последние утратили интерес к финансированию промышленных операций. В условиях сложившегося кризиса, на Государственный банк легла ответственность за стабилизацию положения предприятий, столкнувшихся с финансовыми трудностями, посредством предоставления им целевых кредитов и иных форм поддержки. Значительную часть данной работы, включая финансирование товарооборота, взяла на себя разветвленная сеть филиалов банка, распределенных по различным регионам империи. Помимо этого, вышеуказанные учреждения играли существенную роль в аккумулировании локальных накоплений в провинции, интегрируя их в механизм государственного кредита для реализации экономических приоритетов правительства. Так, в последние десятилетия XIX в. функция аккумулирования и привлечения сбережений населения империи постепенно все больше приходилось именно к региональной сети казенных сберегательных касс, что позволило Государственному банку, в условиях экономического подъема в России, сосредоточиться на расширении кредитной поддержки хозяйственной деятельности, в первую очередь в сфере товарооборота. Тем самым, Госбанк способствовал расширению капиталистических отношений в стране.

По мере улучшения общей экономической ситуации в предвоенный период деятельность банка эволюционировала в двух основных направлениях, наметившихся ранее. Во-первых, как один из ведущих коммерческих институтов империи, он усилил финансирование товарооборота в тех районах, где акционерные банки все еще не проявляли достаточной инициативы, с особым

⁹² См.: Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. 1861–1892 гг. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. М.: Госфиниздат, 1960. С. 122.

акцентом на кредитование торговли хлебом. Во-вторых, через наращивание объемов кредитования акционерных коммерческих банков Государственный банк постепенно трансформировался в центральный институт, выступающий в роли главного регулятора банковского сектора. В обоих аспектах провинциальные филиалы оставались ключевым механизмом реализации политики центрального банка, демонстрируя устойчивый и относительно равномерный рост их количества с 1875 по 1914 гг. (См. Приложение № 1: таблица 1.2.). Опираясь на статистику операционной деятельности кредитных учреждений, следует отметить тот факт, что в период с 1900 по 1914 гг. общее количество базовых операций, включая вклады, ссуды и учет, производимыми региональными отделениями, неуклонно увеличивалось, достигнув более чем двухкратного превосходства над головными офисами частных и государственных банков (См. Приложение № 1: таблица 1.3.).

Следующим элементом банковской системы Российской империи являлись специализированные институты, ориентированные на операции с земельной недвижимостью, такие как Дворянский банк (учрежденный в 1885 г.) и Крестьянский банк (основанный в 1883 г.). Дворянский банк, предназначенный для поддержки привилегированного сословия, предоставлял долгосрочные ссуды под залог недвижимого имущества на срок до 70 лет, причем условия кредитования отличались значительной льготностью, что способствовало сохранению экономического положения землевладельцев. В свою очередь, Крестьянский банк взаимодействовал с крестьянским сословием на более строгих основаниях: ссуды выдавались исключительно для приобретения земель у крупных собственников, что подчеркивало его роль в перераспределении аграрных ресурсов. Особо интенсивное развитие вышеуказанный институт пережил в период Столыпинских реформ, когда наиболее состоятельные крестьяне-хозяева получали возможность приобретать дворянские имения, не адаптировавшиеся к процессам капиталистической трансформации сельского хозяйства.

Не менее важным элементом банковской системы империи выступали акционерные коммерческие банки. На первоначальном этапе развития вышеуказанного института, акционерные кредитные организации позиционировались как посредники в стимулировании промышленного и торгового оборота, однако, уже к началу XX в. настоящие институты эволюционировали в центральные узлы национальной экономики, интегрируя в свою сферу практически все значимые отрасли и предприятия. Следует отметить тот факт, что по общему балансу активов акционерные коммерческие банки к 1913 г. превзошли Государственный банк, достигнув показателя в 5,5 млрд руб. против сравнимых объемов у последнего⁹³. Более подробная статистика баланса акционерных кредитных учреждений, действовавших на территории Российской империи, приведена в Приложении №1 настоящей диссертации (См. таблица 1.1.).

В системе банков Российской империи отдельное место уделялось и организациям мелкого кредита, включая кредитную кооперацию, которая обеспечивала сельским производителям доступ к средствам на приемлемых условиях для модернизации хозяйств на рубеже XIX–XX вв. Ссудо-сберегательные и ссудные товарищества консолидировали более 8 млн участников⁹⁴, представлявших наиболее продуктивную часть крестьянства, с координирующей ролью Московского народного банка, учрежденного в 1912 г. Муниципальные органы самоуправления также активно участвовали в кредитной сфере: 247 городских общественных банков, принадлежавших местным властям, выдавали ссуды под векселя и недвижимость, направляя полученную прибыль на развитие городской инфраструктуры.

В сегменте поземельного кредита, помимо государственных Дворянского и Крестьянского банков, функционировал ряд частных институтов, ограниченных операциями с землей в полной собственности, исключая крестьянские наделы общинного типа, поскольку правительство опасалось спекулятивного выкупа земель у крестьян, что могло привести к их обнищанию. Тем не менее, прогресс в

⁹³ См.: Россия. Министерство финансов. Ежегодник Министерства финансов на 1914 год. СПб.: Тип. ред. период. изд. Мин-ва финансов, 1914. С. 201–212.

⁹⁴ См.: Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Указ. соч. С. 41.

аграрном секторе в значительной мере зависел от преодоления правового дуализма, хотя принцип универсальной частной собственности на землю так и не получил законодательного закрепления до 1917 г.⁹⁵

В структуре кредитной системы Российской империи не менее важную роль играли городские общественные банки, чье развитие предшествовало возникновению акционерных коммерческих банков и отражало эволюцию местных финансовых инициатив. Первое подобное учреждение появилось в 1789 г. в Вологде на основе императорского указа, который позволял городам создавать банки для предоставления ссуд жителям в целях поддержки торговой деятельности, а также в случаях чрезвычайных нужд или бедствий⁹⁶. Долгое время Вологодский банк оставался единственным примером реализации организации банковской системы местного значения. Следует отметить тот факт, что Вологодский банк, несмотря на скромный уставной капитал, демонстрировал уверенный рост и финансовую стабильность, поскольку данная кредитная организация функционировала на протяжении 120 лет.

Второй в хронологии городской банк был учрежден в Слободском уезде Вятской губернии, основанный в 1811 г. благодаря усилиям и средствам местного купца К.А. Анфилатова, с начальным капиталом в 28 тыс. руб. Согласно уставу, который впоследствии послужил образцом для аналогичных институтов, настоящий банк получил полномочия на выдачу ссуд под залог недвижимости или товаров, а также на учет векселей.⁹⁷ В период с 1860 по 1870 гг. в империи возникло еще 13 городских банков, сохранивших свою деятельность вплоть до 1917 г.: пять из них располагались в губернских центрах (например, в Казани, Томске, Пензе, Архангельске и Иркутске), остальные – в уездных городах. Вышеуказанный процесс приобрел динамичный характер, приведя к тому, что к 1875 г. общее количество городских банков достигло показателя в 235

⁹⁵ См.: Петроградский частный коммерческий банк за пятидесятилетие его существования. 1864–1914. Пг.: Якорь, 1914. С. 2–5.

⁹⁶ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXII. № 16188.

⁹⁷ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXX. № 23942.

организаций⁹⁸. Принятое в 1883 г. положение о «Городских общественных банках» систематизировало процедуры создания данных кредитных учреждений, определяло сферу компетенций и организационную структуру. Так, с вышеуказанного момента, банки учреждались при Городских думах по утверждению Министерства Финансов и Министерства Внутренних дел. Капитал настоящих учреждений должен был составлять не менее 10 тыс. руб., который формировался как из общественных средств, так и посредством добровольных пожертвований. Контроль и надзор за операционной деятельностью городских банков возлагались на Городские думы.

В круг разрешенных операций для городских банков входили: прием вкладов, учет векселей, предоставление ссуд под различные залоги, открытие специальных текущих счетов под государственные и гарантированные процентные бумаги, получение платежей по векселям, переводы денежных средств, покупка и продажа ценных бумаг по поручению клиентов или за собственный счет (включая государственные и гарантированные бумаги), операции с драгоценными металлами как за свой счет, так и по поручению, залог собственных процентных бумаг в других кредитных институтах, а также ссуды под залог железнодорожных квитанций на перевозимый хлеб и аналогичные действия⁹⁹. Более того, сохранность вкладов гарантировалась не только капиталом самой кредитной организации, но и городским имуществом. Следует отметить тот факт, что на рубеже 1880–1890 гг. темпы расширения сети городских банков заметно снизились, что привело к сокращению их количества до 242 организаций к 1895 г., с последующей стабилизацией на этом уровне в течение следующего десятилетия. В дальнейшем, рост возобновился и к 1911 г., в империи насчитывалось 286 подобных организаций.¹⁰⁰

Наибольшее распространение городские банки получили в Черниговской, Курской и Харьковской губерниях, в Новороссии (Херсонской и Таврической), а также в Тверской, Ярославской, Костромской и Вятской губерниях. Отсутствие

⁹⁸ См.: Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Указ. соч. С. 288–289.

⁹⁹ См.: Свод законов Российской империи. СПб., 1903. Т. XI. Ч. 2. Устав кредитный. Ст. 1–154.

¹⁰⁰ См.: Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Указ. соч. С. 288.

городских банков отмечалось в Царстве Польском и прилегающих западных губерниях: в Лифляндии, Эстляндии, Архангельской губернии, Белоруссии и на Правобережной Украине, в то время как на остальной территории Европейской России распределение оставалось относительно равномерным, аналогично ситуации в Сибири, где в Закавказье они исчислялись единицами¹⁰¹.

По научным данным, описанным в труде Бовыкина В.И. и Петрова Ю.А.,¹⁰² на 1 января 1914 г., общее количество городских банков возросло до 317 единиц, а их средние собственные капиталы составляли 188 тыс. руб., вклады – 600 тыс. руб., однако, данные показатели не отражали разнородность финансовых институтов: у многих организаций капиталы едва превышали законодательный минимум в 10 тыс. руб., с соответственно скромными объемами вкладов¹⁰³. Вместе с тем, выделялись и крупные банки с солидными финансовыми ресурсами: в частности, Харьковский городской купеческий банк обладал собственными капиталами в 2 млн руб. и вкладами в 7 млн руб., что в сумме давало свыше 9 млн руб. основных пассивов. У трех других – Самарского, Саратовского и Иркутского – данный показатель превышал 5 млн руб., а общее число банков с пассивами более 1 млн руб. составляло свыше пятидесяти, включая старейший Вологодский банк.¹⁰⁴

В структуре банковской системы Российской империи значительную роль в учреждении акционерных коммерческих банков сыграли торговые фирмы, совмещавшие коммерческие операции с элементами банкирского дела. Деятельность частных банкирских заведений регулировалась общими законодательными нормами, применимыми к частным предприятиям, что определяло их организационные формы: в большинстве случаев они находились в единоличном владении, хотя встречались и коллективные формы собственности. Российское законодательство предусматривало две основные разновидности капиталистических ассоциаций – «торговый дом» и «акционерное общество» –

¹⁰¹ См.: Макаров А.Ф. Указ. соч. С.182–205.

¹⁰² См.: Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Указ. соч. С. 288.

¹⁰³ См.: Указ. соч. С. 289.

¹⁰⁴ См.: Гиндин И. Ф. Указ. соч. С. 428–429.

различающиеся по степени ответственности участников: в первом случае «товарищи» несли полную ответственность всем имуществом при несостоятельности, во втором – «акционеры» или «пайщики» ограничивались размером своего вклада в основной капитал. Соответственно, процедуры учреждения и регламентации существенно отличались: для торговых домов достаточно было нотариального удостоверения в купеческих или городских управах, в то время как акционерные общества требовали правительственного разрешения через специальные законодательные акты. В свою очередь, торговые дома делились на «полные товарищества» и «товарищества на вере», где в последних, помимо полных «товарищей», участвовали вкладчики с ограниченной ответственностью; согласно «Уставу торговому», наименование такого товарищества после фамилий «товарищей» должно включать добавление «...и К^о»¹⁰⁵.

В отличие от акционерных коммерческих банков, чья структура и деятельность строго определялись правительством, частные банкирские заведения в пределах разрешенных операций пользовались большей свободой как в организационном устройстве, так и в повседневной практике. По спектру операций вышеуказанные заведения в значительной мере дублировали акционерные банки: прием вкладов, выдача ссуд на сроки до 9 месяцев, открытие специальных текущих счетов, учет векселей, инкассо и платежи иногородним лицам, операции с ценными бумагами за свой счет или по поручению клиентов и аналогичные действия. Традиционно их классифицировали на «банкирские дома» и «банкирские конторы», однако, четкие критерии такого разделения отсутствовали.¹⁰⁶

Следует отметить тот факт, что в Западных губерниях вышеуказанные институты присутствовали в более чем сотне городов, в то время как за их пределами – лишь в немногим более десяти. Например, в Европейском центре данные институты находились в следующих городах: Курск, Орел, Пенза,

¹⁰⁵ См.: Свод законов Российской империи. СПб., 1903. Т. XI. Ч. 2. Устав торговый. Ст. 62, 71.

¹⁰⁶ См.: Бернарди А. Б. Организация и операции банкирских учреждений (банкирск. домов, банкирск. контор и меняльных лавок). Пг.: Круг самообразования, 1917. С. 5–16.

Смоленск, Тула.¹⁰⁷ Отсутствие обязательной публичной отчетности для частных банкирских заведений обуславливает дефицит систематических данных о их ресурсах. Тем не менее, среди провинциальных структур встречались крупные игроки: к примеру, банкирские дома «М. Ашкенази» в Одессе и «И. Бунимович» в Вильно обладали капиталами свыше 1,5 млн руб.¹⁰⁸

Функционал частных банкирских заведений варьировался в зависимости от доступных ресурсов, специфики локальной экономики и наличия конкурирующих институтов. Так, будучи преимущественно единоличными и слабо подверженными общественному или государственному контролю, частные конторы представляли наиболее гибкую форму кредитования, компенсируя ограниченность капиталов высокой оперативностью, глубоким знанием региональных условий и клиентуры, а также способностью оперативно адаптироваться к рыночным изменениям. Вместе с тем, устойчивость подобных институтов напрямую зависела от личных качеств владельцев. Из провинциальных фирм, ранее участвовавших в учреждении первых коммерческих банков, к 1910 г. сохранились лишь Одесский банкирский дом «Э. Маас и К^о» и Таганрогская контора «Я.С. Поляков».¹⁰⁹

Общества взаимного кредита представляли собой уникальную форму кредитных учреждений, возникшую в Российской империи в середине XIX в. как ответ на потребности развивающегося капиталистического хозяйства. Финансовая система Российской империи во второй половине XIX – начала XX вв. претерпела глубокие преобразования, связанные с отменой крепостного права, индустриализацией и развитием рыночных отношений. В этот период, наряду с акционерными коммерческими банками и Государственным банком Российской империи (Госбанком), сформировался слой частных кредитных учреждений, ориентированных на локальные нужды. Одним из наиболее динамичных элементов данной системы стали общества взаимного кредита – кооперативные

¹⁰⁷ См.: Макаров А. Ф. Банки и кредитные учреждения. СПб.: Книжное дело, 1913. С. 182–205.

¹⁰⁸ См.: Ананьич Б. В. Банкирские дома в России, 1860–1914 гг.: очерки истории частного предпринимательства. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2006. С. 154.

¹⁰⁹ См.: Макаров А. Ф. Указ. соч. С. 268–272.

организации, где члены выступали одновременно в роли вкладчиков, заемщиков и поручителей. Роль вышеуказанных учреждений заключалась в демократизации доступа к кредиту, мобилизации мелких сбережений и поддержке провинциального предпринимательства. Анализ показывает, что общества взаимного кредитования не только заполнили нишу, оставленную крупными банками, но и способствовали формированию единого кредитного рынка, интегрируя периферийные регионы в общероссийскую экономику.

Переходя к характеристике операционной деятельности кредитных учреждений Российской империи на рубеже XIX – XX вв., необходимо отметить тот факт, что главной миссией Госбанка империи заключалась в аккумуляции частных сбережений и свободных капиталов с последующим предоставлением данных ресурсов субъектам, способным обеспечить их производительное использование, согласно специализированной литературе того периода¹¹⁰. Сущность операционной деятельности выглядела следующим образом: вкладчик предоставлял свои активы банку в заем, а последний, в свою очередь, перераспределял собранные капиталы среди клиентов, нуждающихся в финансировании, взимая с них более высокий процент, чем тот, что выплачивался по пассивам. Таким образом, вышеуказанная разница формировала основу банковской операционной прибыли. В банковской практике вышеуказанного периода пассивные операции реализовывались преимущественно через вклады от физических лиц (на фиксированный срок или до момента востребования) и от торгово-промышленных фирм, размещавших кассовые остатки на текущих счетах, где, в отличие от вкладов до востребования, транзакции осуществлялись на регулярной основе. Законодательство империи устанавливало ограничения на объем принимаемых пассивов, не допускавшее их превышения собственного акционерного капитала более чем в пять–десять раз, что стимулировало банки к периодическому увеличению уставного капитала для расширения вкладных операций. Процедура оформления пассивов включала выдачу вкладного

¹¹⁰ См.: Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки: из истории финансового капитала в России / ред. С. Г. Струмилин. М.: Госфиниздат, 1948. С. 444–445.

свидетельства или билета на имя вкладчика, где фиксировались срок, сумма (не менее 100 руб.) и процентная ставка.

Необходимо отметить тот факт, что с момента возникновения коммерческих банков в Российской империи, ведущую роль в активных операциях занял именно учет векселей. Вексель превратился в наиболее распространенную форму взаимодействия между производителями-промышленниками и торговцами, выступая в роли бумажного эквивалента товарных сделок. После изготовления продукции фабрикант нуждался в оборотных средствах для продолжения цикла, однако оптовый покупатель часто не располагал наличностью, поскольку реализация товара требовала времени; в таких случаях торговец выдавал вексель с обязательством платежа, который производитель предъявлял в банк.¹¹¹

Вторым по значимости видом активных операций коммерческих банков в России выступали ссуды, которые отличались от вексельных операций характером ответственности клиента за возврат средств: в данном случае, она ложилась непосредственно на заемщика, в отличие от двойной ответственности при учете векселей, и в случае просрочки банк взыскивал долг исключительно с него. В зависимости от условий погашения ссуды классифицировались на срочные (на фиксированный период, не превышающий 10 месяцев) и бессрочные, или до востребования (онкольные). Банки имели возможность предоставлять кредит без обеспечения (банковые ссуды), опираясь на доверие к клиенту, но в объеме не более 10% собственного капитала.

Отдельное место в структуре деятельности банковской системы Российской империи занимали операции с ценными бумагами, которые подразделялись на процентные (облигации государственных займов, казначейские серии, облигации частных компаний) и дивидендные (паи и акции частных предприятий). Ключевая разница между данными видами бумаг заключалась в способе получения доходности. Так, процентные бумаги владельцы предоставляли своим обладателям фиксированный доход, в то время как выплаты по дивидендным

¹¹¹ См.: Петроградский частный коммерческий банк. Указ. соч. С. 65, 73.

бумагам зависели от прибыльности самой коммерческой организации. Более того, владение дивидендными бумагами давало право на долю собственности и участие в управлении, чего не предоставляли облигации. Отдельную категорию составляли частные ценные бумаги с государственной гарантией доходности (в первую очередь, акции железнодорожных обществ), приравнивавшиеся юридически к государственным. Для коммерческих банков особую привлекательность представляли именно дивидендные бумаги.

Акционерное дело в России зародилось при Николае I с принятием в 1836 г. закона «О компаниях на акциях», а его бурный рост пришелся на вторую половину XIX в. Так, уже к 1914 г. в империи функционировало 2200 акционерных общества с совокупным капиталом в 4,5 млрд руб. (без учета железнодорожных), включая 56 кредитных компаний с капиталом в 675 млн руб.¹¹² В России на рубеже XIX–XX вв., широкое распространение получили специальные текущие (онкольные) счета под бумаги, использовавшиеся банками для опосредованного финансирования промышленности, а для мелких держателей акций – как инструмент биржевой игры. С ценными бумагами и онкольными кредитами тесно связывалась популярная среди дореволюционных банков операция эмиссионного дела, стимулировавшая индустриализацию, особенно в период подъема конца XIX в., когда требовались масштабные инвестиции в транспорт и топливно-металлургический сектор. Денежный рынок насыщался акциями торгово-промышленных, транспортных и финансовых компаний, а также свидетельствами государственных займов, регулярно выпускавшимися правительством как внутри страны, так и за рубежом.

Подводя итог настоящему подразделу, необходимо отметить тот факт, что в России долгое время отсутствовали правовые основы для создания организаций, занимающихся предоставлением займов под проценты. Их роль выполняли частные ростовщики, которые зачастую подвергались моральному осуждению. Соборное уложение 1649 г. официально запретило взимание процентов по

¹¹² См.: Боханов А. Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. М.: Наука, 1992. С. 229.

займам, и эта норма оставалась в силе до 1754 г.¹¹³. Вместе с тем, ряд историков считает, что первым учреждением с банковскими функциями стала Монетная контора в Санкт-Петербурге, что позволяет отнести начало российской кредитной системы к середине XVIII в.¹¹⁴

Первые попытки создания кредитной системы связаны с деятельностью Петра II. В 1729 г., во время его недолгого правления, Монетная контора, которая изначально занималась только чеканкой монет, получила право предоставлять займы под залог золота и серебра¹¹⁵. Основными заемщиками были приближенные к царскому двору дворяне, где в качестве залога принималась золотая и серебряная посуда, которая в случае невыплаты долга могла быть переплавлена в монеты. Однако правовые нормы, регулирующие выкуп имущества, были недостаточно разработаны, что позволяло заемщикам находить лазейки для сохранения своих залогов.

Правовую основу для кредитных операций заложил Вексельный устав, введенный в действие 16 мая 1729 г. (Указ № 5410)¹¹⁶. Данный документ стал отправной точкой для формирования банковской системы Российской империи, поскольку впервые законодательно установил взимание процентов по займам. На основании Вексельного устава Монетная контора начала выдавать займы, а основные положения устава позже были подтверждены Указом императрицы Анны Иоанновны от 8 января 1733 г. «О правилах займа денег из Монетной конторы»¹¹⁷. В результате денежной реформы 1839–1843 гг., в России фактически установилась биметаллическая денежная система, хотя официально власти продолжали декларировать серебряный стандарт. Бумажные деньги можно было обменивать как на серебро, так и на золото.

Период правления Александра II (1855–1881 гг.) стал эпохой «Великих реформ», которая кардинально преобразила Российскую империю, включая ее финансовую и банковскую систему. Это было время перехода от старой,

¹¹³ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIV. № 10.235. С. 87–94.

¹¹⁴ См.: Андрюшин С. А. Указ. соч. С. 91.

¹¹⁵ См.: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 189–190.

¹¹⁶ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. № 5410. С. 147–197.

¹¹⁷ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. IX. № 6300. С. 6–7.

феодальной экономики к капиталистическим отношениям. При Александре II банковская система Российской империи не просто «окончательно сформировалась» – она совершила качественный скачок от феодальной архаики к современной, по меркам XIX в., капиталистической модели. Это была одна из самых фундаментальных реформ той эпохи, заложившая финансовый фундамент для экономического рывка России на рубеже XIX – XX вв. Так, 31 мая (12 июня) 1860 г.: Указом императора Александра II Государственный коммерческий банк был преобразован в Государственный банк Российской империи. Данный акт стал основой для создания единого центрального банка, который стал эмиссионным центром и главным регулятором кредитной системы, который начал проводить единую денежно-кредитную политику. После создания Госбанка начала формироваться двухуровневая банковская система, характерная для современных экономик: уровень государственного регулятора (государственный сектор) и частные кредитные учреждения (частный сектор). Таким образом, сформировался синтез частного и государственного капиталов в единой и централизованной системе.

1.2. Формирование региональной банковской системы в Орловской губернии в середине XIX в

Губернские банки Российской империи играли важную роль в экономическом развитии страны в XIX – начала XX вв. Данные учреждения стали ключевыми звеньями в финансовой системе империи, обеспечивая кредитование, эмиссию банкнот, а также способствовали развитию предпринимательства и улучшению инфраструктуры. Исследование истории и функционирования губернских банков позволяет понять, как развивалась экономическая система Российской империи в период перехода от аграрной экономики к индустриальному обществу, а также какие вызовы стояли перед финансовыми учреждениями в условиях политической и социальной нестабильности.

В процессе изучения региональной финансовой инфраструктуры Российской империи целесообразно обратить внимание на многообразие кредитных учреждений, функционировавших в непосредственно на уровне

губерний. Так, несмотря на внешнюю разнородность, подобные финансовые институты в совокупности образовывали систему, где каждый элемент выполнял специализированную роль в поддержании экономических процессов. Для иллюстрации динамики развития данной системы полезно опираться на ключевые количественные индикаторы, отраженные в таблицах 1.1, 1.2, 1.3. Приложения № 1 настоящей диссертации, охватывающие период конца XIX – начала XX вв. Важно отметить, что в вышеуказанных материалах не учитываются данные по частным банкирским конторам ввиду отсутствия надежных сведений о их деятельности.

Спустя десятилетие городские банки сохраняли количественное лидерство, однако по объему ресурсов их обогнали филиалы Государственного банка и провинциальные акционерные коммерческие банки. К рубежу 1900-х гг., не смотря на тот факт, что городские банки по-прежнему составляли наибольшую группу, их удельный вес в общей структуре провинциальных кредитных институтов сократился примерно до трети, а в плане ресурсной базы пальму первенства захватили провинциальные акционерные банки. Наконец, в преддверии Первой мировой войны отчетливо проявилось превосходство отделений столичных банков и провинциальных обществ взаимного кредита. Следует отметить тот факт, что географическое распространение сети кредитных учреждений по территории империи характеризовалось неравномерностью: в одних районах она отличалась высокой плотностью, в других – напротив, была относительно разряженной, что напрямую отражало уровни экономического развития соответствующих регионов. В филиальной сети также выделялись своеобразные узловые точки, аккумулировавшие множественные финансовые связи; количество населенных пунктов, где функционировало не менее трех таких институтов, превышало две сотни¹¹⁸.

В контексте анализа региональных финансовых центров Российской империи, особое внимание заслуживает Варшава, которая, за исключением

¹¹⁸ См.: Русские банки: полный перечень городов и селений, в которых находятся государственные, общественные и частные кредитные учреждения и их филиальные отделения к 1 февраля 1912 года. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. С. 3–15.

столичных городов, лидировала по количеству функционирующих кредитных учреждений. В данном городе располагались 5 местных банковских институтов, включая Коммерческий, Учетный, Промышленный, а также банк Кооперативных товариществ. Более того, на вышеуказанной территории действовали 14 обществ взаимного кредита, контора Государственного банка, филиалы 3 Петербургских акционерных банков (Азовско-Донского, Волжско-Камского и Международного), двух лодзинских (Купеческого и Торгового), а также более 40 частных банкирских контор. Кредитные институты Царства Польского, ориентированные на обслуживание одного из наиболее индустриально развитых районов империи, не ограничивались локальными рамками и устанавливали связи с другими ее территориями: например, Петербургское отделение варшавского Коммерческого банка играло значимую роль в финансовой жизни столицы.

Губернские банки были учреждены в Российской империи в середине XIX в. Так, в период с 1860 по 1870 гг. в стране наблюдался рост торговли, промышленности, а также потребность в финансовых учреждениях, способных обслуживать потребности регионов. Основной задачей губернских банков было содействие экономическому развитию на местах, обеспечение кредитования местных предприятий и фермеров, а также предоставление финансовых услуг в разных сферах жизни. Первоначально губернские банки были созданы в столицах губерний и крупных торговых центрах, таких как Санкт-Петербург, Москва, Казань и Одесса. Главной их задачей было обеспечение эмиссии местных банкнот, которые использовались в расчетах на территории соответствующей губернии. Данные банкноты имели хождение только в пределах одной губернии, что создавало определенные проблемы, связанные с обменом валюты и конвертацией. Кроме эмиссии денег, губернские банки также занимались предоставлением кредитов на развитие местной торговли, сельского хозяйства и промышленных предприятий. Важной особенностью их деятельности было то, что они могли оказывать долгосрочные кредиты под залог недвижимости, что способствовало развитию сельского хозяйства, а также стимулировало строительство железных дорог и развитие инфраструктуры в регионах. Эмиссия

банкнот губернскими банками была одной из важнейших функций этих учреждений. Каждый губернский банк мог выпускать банкноты, обеспеченные золотыми и серебряными запасами, однако каждая губерния имела свою валюту, что усложняло финансовые операции и создавало дефицит доверия к деньгам, эмитированным местными учреждениями. В целом эмиссия была строго контролируемой государственными органами, что было необходимо для предотвращения инфляции и финансовых кризисов. Губернские банки, в отличие от Государственного банка, не могли выпустить большие объемы банкнот, что снижало риски гиперинфляции в отдельных регионах. Монетарная политика губернских банков была направлена на поддержку стабильности финансовых потоков внутри губерний. В условиях, когда железные дороги только начинали развиваться, а торговля между регионами была ограничена, валютное обращение оставалось локализованным. Хотя банкноты губернских банков не имели хождения за пределами губернии, их роль в обеспечении кредитования и проведении расчетов на месте была значимой.

Губернские банки сыграли ключевую роль в развитии региональной экономики Российской империи. Они способствовали финансированию сельского хозяйства, а также малого и среднего бизнеса, что в условиях аграрной экономики было важным фактором роста. Благодаря им предприниматели могли получать кредиты на строительство фабрик и заводов, а фермеры – на расширение сельскохозяйственного производства. Важной чертой губернских банков было их влияние на развитие транспортной инфраструктуры. В XIX в. строительство железных дорог становилось важным экономическим направлением, и банки активно финансировали проекты в этой области. Губернские банки предоставляли кредиты на строительство железных дорог, которые связывали различные регионы страны, что в свою очередь, способствовало развитию торговли и укреплению экономики. Более того, губернские банки играли важную роль в социальной сфере. Например, они активно поддерживали местные инициативы, связанные с улучшением инфраструктуры городов, созданием учебных заведений, медицинских учреждений и других объектов социальной значимости.

В финансовой структуре Российской империи во второй половине XIX в., объединявшей государственные, общественные и частные кредитные учреждения, особую роль играли городские банки. Вышеуказанные организации находились под управлением Городских дум и функционировали в рамках нормативного документа – «Положения о городских банках». Первая редакция данного акта, принятая в 1857 г., ограничивала спектр операций городских банков теми, которые не выполнялись государственными кредитными институтами¹¹⁹. Основной капитал таких банков формировался в основном за счет частных пожертвований, при этом две трети прибыли направлялись на городские нужды, включая развитие инфраструктуры и реализацию социальных программ¹²⁰.

На основе Городового положения 1870 г. и инструкций Министерства финансов к 1873 г. в различных регионах страны было создано 34 единицы городских общественных банков¹²¹. Увеличение их числа продолжалось вплоть до 1880-х гг., что было связано с искусственным сдерживанием развития коммерческих банков в этот период. Таким образом, городские банки стали важным элементом финансовой системы Российской империи, способствуя развитию местной экономики, поддержке предпринимательства и решению социальных задач на уровне городов. Их деятельность регулировалась как местными властями, так и государственными нормативными актами, что обеспечивало баланс между интересами государства и потребностями городских сообществ.

Необходимо также подчеркнуть, что в вышеуказанный период времени наблюдался устойчивый рост ключевых показателей, характеризующих деятельность городских общественных банков, включая увеличение основного и резервного капитала, рост числа клиентов и объемов проводимых операций. Так,

¹¹⁹ См.: Назырова Е. А., Шелкоплясова Н. И. Генезис системы российских городских общественных банков в середине XIX – начале XX вв. // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2019. № 1–2. С. 200–202.

¹²⁰ См.: Судейкин В. Т. Наши общественные городские банки и их экономическое значение. СПб.: Типо-Лит. Дома Призр. Малолет. Бедных, 1884. С. 11.

¹²¹ См.: Казимагомедов А. А. Услуги коммерческих банков населению: учеб. пособие / Санкт-Петербург. ун-т экономики и финансов, Каф. ден. обращения и кредита. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов, 1994. С. 30–32.

капиталы настоящих учреждений выросли с 500 тыс. до 46 млн руб.¹²² Более того, количество заемщиков превысило 1 тыс. человек. Пик развития городских общественных банков пришелся на 1881 г., когда сумма вкладов в 281 банке достигла 202 млн руб. На их долю приходилось наибольшее количество учетных операций (28%), тогда как аналогичный показатель для отделений Государственного банка составлял 21%, а для обществ взаимного кредита – 20%.¹²³ Вместе с тем, необходимо отметить тот факт, что Положение от 1863 г., регулировавшее деятельность общественных банков, не охватывало все аспекты их функционирования, что привело к принятию руководством банков рискованных и недостаточно обоснованных с финансовой точки зрения решений. Отсутствие эффективного контроля со стороны Министерства финансов и Министерства внутренних дел способствовало злоупотреблениям со стороны правлений банков, что негативно сказывалось на интересах вкладчиков. Экономические и финансовые кризисы 1880-х гг. выявили слабые стороны в работе городских общественных банков, и многие из них оказались на грани банкротства. Наиболее заметным стало разорение в октябре 1882 г. известного городского банка в Скопине Рязанской губернии.¹²⁴

В условиях экономической нестабильности и неопределенности вкладчики начали массово изымать свои средства, что поставило банки в крайне сложное положение. Надеяться на поддержку городских дум не приходилось, поскольку две трети прибыли банков должны были направляться на нужды муниципалитетов. Кроме того, банки не имели права привлекать средства населения через выпуск ценных бумаг. Наглядным примером вышеуказанного кризиса служит тот факт, что из более чем 200 городских общественных банков, действовавших в стране в 1884 г., к началу 1894 г. более 40 из них прекратили свою деятельность¹²⁵. Масштабы операций банков, переживших кризис,

¹²² См.: Назырова Е. А., Шелкоплясова Н. И. Городские общественные банки как элемент банковской системы Российской империи второй пол. XIX в. // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2020. № 1. С. 345–347.

¹²³ См.: Андрюшин С. А. Указ. соч. С. 32–35.

¹²⁴ См.: Саломатина С. А. Банковский кризис 1880-х гг. в Российской империи: новые количественные данные и оценки // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 1. С. 85–108.

¹²⁵ См.: Грузицкий Ю. Л. Городские общественные банки дореволюционной России (история возникновения и развития) // Финансы и кредит. 2002. № 11(101). С. 58–62.

сократились вдвое: объем учетных операций уменьшился на 59%, ссудных операций – на 56%, а привлечение депозитов снизилось на 48%.¹²⁶ Настоящие данные свидетельствуют о значительном ухудшении финансового положения городских общественных банков в результате кризиса и отсутствия эффективных механизмов регулирования их деятельности.

Вышеуказанная социально-экономическая ситуация не способствовала повышению заинтересованности органов местного самоуправления в учреждении новых общественных банков. Вследствие этого, рост числа подобных кредитных организаций был практически приостановлен на протяжении десяти лет. Так, в период с 1884 по 1894 гг. было открыто всего 9 городских общественных банков, в результате чего уже к концу XIX в. их общее количество составило 240 единиц.¹²⁷ Частые случаи банкротства вышеуказанных учреждений побудили Правительство пересмотреть существующие законодательные нормы и ужесточить требования к кредитным организациям. Согласно «Положению о городских банках» от 1883 г., обязательства банка не могли превышать пятикратного размера его капитала, а также предусматривалась необходимость поддержания наличности в кассе в размере 10% от обязательств. Более того, был установлен порядок контроля со стороны местных властей, а также введен правительственный контроль в виде внезапных ревизий, проводимых Министерством финансов и Министерством внутренних дел. В период с 1883 по 1894 гг., 76 городских общественных банков были подвергнуты детальному аудиту¹²⁸.

Замедление развития городских общественных банков, особенно на фоне успешной деятельности коммерческих банков, привело к необходимости созыва съезда, на котором были проанализированы причины отставания и обозначены проблемы, требующие срочного решения. Данный анализ привел к инициативе о

¹²⁶ См.: Назырова Е. А., Шелкоплясова Н. И. Указ. соч. С. 345–347.

¹²⁷ См.: Чумакова А. С. Зарождение и развитие системы городских общественных банков в России, вторая половина XIX – начало XX вв. (на материалах Симбирской губернии): монография. 3-е изд. М.: ФЛИНТА, 2021. 208 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/198140> (дата обращения: 12.02.2025).

¹²⁸ См.: Печерин Я. П. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1904. С. 97–98.

внесении изменений в законодательство с целью расширения полномочий городских банков. Так, 13 января 1912 г. было утверждено новое «Положение о городских общественных банках»¹²⁹, которое расширило перечень разрешенных операций, включая долгосрочное кредитование под залог городской недвижимости и земельных участков, ломбардные операции, а также соло-вексельное кредитование, обеспеченное залогом сельскохозяйственных земель. Введение настоящих нововведений способствовало стабилизации ситуации: увеличились активы, началась ростовая динамика прибыли, а сотрудники банков начали более тщательно подходить к учету векселей и оценке кредитоспособности заемщиков. К 1914 г. в России насчитывалось 48 городских общественных банков в губернских центрах и 271 в уездных городах¹³⁰. Вместе с тем, политические изменения 1917 г. приостановили дальнейшее развитие данного типа кредитных организаций.

Таким образом, развитие городских общественных банков в конце XIX – начале XX вв., прошло через сложный, но относительно короткий путь, включавший как периоды экономического подъема, так и серьезные кризисы. Основные задачи, такие как финансирование местных органов власти и кредитование малого и среднего бизнеса, были выполнены. В начале XX в., перед страной встали более амбициозные задачи, связанные с преодолением экономического отставания и развитием крупного машинного производства. Решение этих проблем требовало привлечения значительных финансовых ресурсов, что способствовало росту роли акционерных банков с крупным капиталом и иной организационной структурой.

Переходя к теме формирования банковской системы Орловской губернии в XIX в., следует отметить тот факт, что оно было обусловлено целым рядом экономических, социальных и политических факторов. Настоящий процесс стал частью общероссийских преобразований, направленных на создание организованной финансовой системы, способной поддерживать развитие

¹²⁹ См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXXII. Отд. 1. С. 48–67.

¹³⁰ См.: Там же. С. 97–98.

экономики и торговли. Орловская губерния, как один из ключевых регионов Центрального Черноземья, играла важную роль в аграрном и торговом секторе Российской империи, что делало развитие банковской системы здесь особенно актуальным. Основными предпосылками, которые способствовали становлению банковского сектора в Орловской губернии, являлись следующие факторы:

Аграрный характер экономики. Орловская губерния в XIX в. была преимущественно аграрным регионом. Сельское хозяйство составляло основу экономики, обеспечивая не только внутренние потребности, но и поставки продукции в другие регионы империи. Однако отсутствие доступного кредита сдерживало модернизацию сельского хозяйства. Помещики и крестьяне нуждались в средствах для приобретения инвентаря, семян и улучшения земель, что создавало спрос на кредитные услуги.

Развитие торговли. Орловская губерния занимала выгодное географическое положение, находясь на пересечении торговых путей. Данное обстоятельство способствовало развитию торговли, особенно хлебом, который был основным экспортным товаром региона. Купцы и торговцы нуждались в кредитах для финансирования своих операций, что также стимулировало создание банковских учреждений.

Промышленный рост. Хотя промышленность в Орловской губернии была развита слабее, чем в других регионах, здесь существовали небольшие предприятия, такие как винокуренные, сахарные и текстильные заводы. Данные предприятия нуждались в финансировании для расширения производства и модернизации оборудования, что создавало дополнительный спрос на банковские услуги.

Роль дворянства и купечества. Дворянство и купечество играли ключевую роль в экономической жизни Орловской губернии. Помещики, владевшие крупными земельными наделами, были заинтересованы в получении кредитов для развития своих хозяйств. Купцы, занимавшиеся торговлей, также нуждались в финансовой поддержке. Настоящие социальные группы стали основными клиентами первых банковских учреждений.

Рост городского населения. В XIX в. наблюдался рост городского населения, особенно в таких городах, как Орел, Ливны и Мценск. Горожане, включая ремесленников, мелких торговцев и служащих, нуждались в услугах сберегательных касс и кредитных учреждений. Это способствовало развитию банковской инфраструктуры в городах.

Государственная политика. В контексте институциональной эволюции финансовой сферы Российской империи на протяжении второй половины XIX в., формирование банковской инфраструктуры в Орловской губернии демонстрировало органичную интеграцию с общенациональной государственной стратегией, направленной на централизованное регулирование экономических процессов и стимулирование капиталистических трансформаций. Вышеуказанная взаимосвязь подчеркивала роль региональных финансовых структур как периферийных элементов единой империалистической системы, где локальные инициативы подчинялись императиву центральной власти, обеспечивая синхронизацию с макроэкономическими приоритетами. На заре XIX столетия органы государственного управления Российской империи инициировали систематическое создание сети государственных банковских институтов, среди которых особое место занимал Государственный коммерческий банк, выступавший в роли флагманского учреждения для распространения кредитных механизмов на территориальном уровне. Настоящие институты, открывая филиалы в провинциальных центрах, включая Орловскую губернию, преследовали цель капитализации торгово-промышленного оборота через предоставление целевых финансовых ресурсов, в частности, кредитных линий купеческому сословию и промышленным предпринимателям, что способствовало аккумуляции капитала, диверсификации производства и интеграции регионов в общероссийский рынок. Подобная политика не только минимизировала дефицит ликвидности в периферийных районах, но и служила инструментом социально-экономической модернизации, стимулируя переход от традиционных аграрных укладов к более динамичным формам хозяйствования, подкрепленным государственными гарантиями и регуляторными нормами. В итоге, данная

стратегия отражала диалектику централизма и региональной адаптации, где банковская система выступала в качестве проводника имперской воли, обеспечивая баланс между фискальными интересами государства и потребностями локального предпринимательства в условиях нарастающей глобализации экономических связей.

Законодательная база. Развитие банковской системы было невозможно без создания соответствующей законодательной базы. В XIX в. были приняты законы, регулирующие деятельность банков, сберегательных касс и кредитных учреждений. Данные законы создали правовые основы для функционирования банковской системы в регионах, включая Орловскую губернию. Важным этапом в развитии банковской системы стали реформы 1860-х гг., включая отмену крепостного права и создание земских учреждений. Земства получили право создавать собственные банки, которые финансировали сельское хозяйство и инфраструктуру.

На рубеже XIX столетия Орловская губерния представляла собой одну из ведущих аграрных и коммерческих узлов Центрального Черноземного района. Экономическая основа территории опиралась на сельскохозяйственный сектор, обеспечивавший как локальные нужды, так и экспорт продукции в другие части империи. Тем не менее, дефицит структурированной финансовой системы ограничивал прогресс в сфере торговли, промышленности и транспортной инфраструктуры. Начальные шаги по учреждению кредитных организаций в губернии коррелировали с государственной стратегией развития банковского дела. В начале XIX в. в России возникли государственные банки, ориентированные на предоставление займов коммерсантам, промышленникам и землевладельцам. Благодаря стратегическому расположению и развитой торговле, Орловская губерния стала одним из регионов, где финансовая система начала интенсивно формироваться.

Ранние формы кредитования в Орловской губернии опирались на примитивные механизмы, такие как ростовщичество и ассигнационные операции, которые начали институционализироваться в конце XVIII в. Уже в 1781 г. в Орле

функционировала контора Ассигнационного банка, выпускавшая ценные бумаги на значительные суммы и способствовавшая переходу к бумажному денежному обращению вместо металлических монет¹³¹. До середины XIX в. основным кредитором для дворянства оставался Приказ общественного призрения, однако отсутствие специализированных учреждений ограничивало доступ к капиталу для торговцев и крестьян, что тормозило экономическое развитие аграрно-ориентированного региона.

Финансовые взаимодействия преимущественно документировались через залоговые документы и векселя, применявшиеся в банкирских домах и частных фирмах. Первое значимое кредитное учреждение, оперировавшее ассигнациями, открылось в Орле в 1781 г. в виде Орловской конторы Ассигнационного банка, выпускавшей ценные бумаги номиналом 200 тыс. руб. каждая.¹³² Необходимо отметить, что основанием для учреждения Ассигнационных банков и их региональных подразделений послужил указ от 29 декабря 1768 г. о эмиссии ассигнаций.¹³³ В соответствии с этим нормативом, институты, начавшие функционировать с 1 января 1769 г., изначально выполняли роль исключительно депозитных организаций. Основная цель создания Ассигнационных банков заключалась в решении проблем, связанных с циркуляцией медных монет, и внедрении бумажных денег в форме ассигнаций с 1 января 1769 г. Вышеуказанные банки, также именуемые «Поменными конторами», обеспечивали бесперебойный обмен ассигнаций на металлические деньги, что способствовало их широкому распространению благодаря удобству по сравнению с медными монетами¹³⁴. В первые годы деятельности Ассигнационные банки развернули сеть филиалов в различных городах России, включая Орел. Как указывал З.П. Евзлин, «Дефицит подходящих для оборота денежных средств (медная монета не соответствовала требованиям) и высокие ставки частных

¹³¹ См.: Чугунов В. Е. Указ. соч. С. 41–45.

¹³² См.: Бугров А. В. Ассигнационный банк // Вестник Банка России. 2000. № 58(486).

¹³³ См.: Россиина Н. С. История развития кредитных учреждений России в восемнадцатом столетии // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 3(40). С. 146–153.

¹³⁴ См.: Чугунов В. Е. Указ. соч. С. 39–42.

кредиторов (20% и выше) побудили правительство в середине XVIII в. рассмотреть возможность учреждения новых кредитных организаций»¹³⁵.

Банковская система Орловской губернии, подобно финансовому сектору Российской империи в целом, эволюционировала через ряд этапов, отражая ключевые аспекты экономической и социальной трансформации государства. От первоначальных инициатив по формированию кредитных институтов в XIX столетии до радикальных преобразований начала XX в., региональная финансовая инфраструктура играла существенную роль в стимулировании экономической активности, коммерческих операций и аграрного производства.

Становление банковского дела в Орловской губернии в XIX в. представляло собой процесс перехода от неорганизованных ростовщических практик к институционализированной системе финансового кредитования, которая была стимулирована реформами 1860-х гг. и экономическим ростом региона как аграрного центра Российской империи. Вышеуказанный период ознаменовался созданием первых общественных и государственных банков, которые обеспечивали финансирование торговли зерном и другими сельскохозяйственными продуктами, способствуя интеграции губернии в общероссийский рынок. Ключевыми вехами стали открытие городского общественного банка в 1864 г., отделения Государственного банка в 1865 г. и Орловского коммерческого банка в 1872 г., что заложило основу для региональной банковской инфраструктуры. Таким образом, предреволюционному периоду финансовая инфраструктура Орла характеризовалась присутствием филиалов ключевых государственных и частных банков, включая учреждения, специализирующиеся на коммерческом и земельном кредитовании, а также международно-ориентированные банки¹³⁶.

В качестве выводов по настоящему подразделу следует отнести следующие положения:

¹³⁵ См.: Евзлин З. П. Банки и банкирские конторы в России: справ.-стат. сведения о всех оперирующих в России кредит. учреждениях. СПб.: Тип. М. И. Троянского, 1904. С. 7.

¹³⁶ См.: Орловские известия. 1918. 23 июня. № 99.

Период правления Александра II (1855–1881 гг.) стал эпохой «Великих реформ», которая кардинально преобразила Российскую империю, включая ее финансовую и банковскую систему. Это было время перехода от старой, феодальной экономики к капиталистическим отношениям. При Александре II банковская система Российской империи не просто «окончательно сформировалась» – она совершила качественный скачок от феодальной архаики к современной, по меркам XIX в., капиталистической модели. Данные события стали фундаментом реформ той эпохи, заложивший основу для экономического рывка России на рубеже XIX–XX вв. Так, 31 мая (12 июня) 1860 г.: Указом императора Александра II Государственный коммерческий банк был преобразован в Государственный банк Российской империи. Данный акт стал основой для создания единого центрального банка, который стал эмиссионным центром и главным регулятором кредитной системы, который начал проводить единую денежно-кредитную политику. После создания Госбанка начала формироваться двухуровневая банковская система, характерная для современных экономик: уровень государственного регулятора (государственный сектор) и частные кредитные учреждения (частный сектор).

В финансовой инфраструктуре Российской империи наблюдалась четкая дифференциация кредитных механизмов, где коммерческое краткосрочное финансирование, ориентированное на оперативные нужды торгово-промышленного оборота, противопоставлялось долгосрочному ипотечному кредитованию, предназначенному для капиталоемких инвестиций в недвижимость и земельные активы. Нормативно-правовая база империи, воплощенная в соответствующих законодательных актах, устанавливала строгий запрет на интеграцию этих двух направлений в рамках единого института, за исключением узкоспециализированных организаций, наделенных особыми полномочиями для комбинированных операций. Такая институциональная сегментация способствовала углубленной специализации банковского сектора, позволяя каждому типу учреждений фокусироваться на оптимальном спектре задач, минимизировать риски кросс-функциональных конфликтов и повышать

эффективность аллокации капитала в динамичной среде социально-экономических трансформаций.

Государственные кредитные институты, такие как Государственный банк, выступавший в роли центрального регулятора монетарной политики и краткосрочного кредитования, а также Дворянский земельный банк и Крестьянский поземельный банк, специализировавшиеся на долгосрочном финансировании аграрных реформ и земельных транзакций, формировали основу централизованного контроля над стратегическими направлениями экономического развития. Настоящие структуры, подчиненные министерству финансов, не только обеспечивали стабильность национальной валюты и поддержку ключевых отраслей, но и служили инструментами государственной интервенции в периоды кризисов, способствуя перераспределению ресурсов в пользу приоритетных секторов, таких как сельское хозяйство и промышленность.

Губернские банки, созданные в 1860-е гг., обеспечивали локальную эмиссию банкнот, кредитование сельского хозяйства, промышленности и инфраструктуры (включая железные дороги), способствуя переходу от аграрной к индустриальной экономике, несмотря на ограничения хождения валюты. Городские общественные банки, регулируемые Положениями 1857, 1862, 1883 и 1912 гг., финансировали муниципальные нужды (2/3 прибыли на социальные программы), с ростом капитала (с 0,5 млн руб. до 46 млн руб.) и операций (202 млн руб. вкладов в 281 банке к 1881 г.), но столкнулись с кризисами 1880-х (сокращение операций на 48–59%, 44 банкротства к 1894 г.), что привело к ужесточению контроля и стабилизации к 1914 г.

В целом, такая многоуровневая структура кредитной системы, подкрепленная законодательными барьерами против функционального дублирования, не только предотвращала концентрацию рисков в отдельных институтах, но и способствовала синергетическому эффекту от специализированного разделения труда, где каждый компонент государственный, общественный или частный – вносил вклад в баланс между стабильностью и динамикой экономического роста.

1.3. Становление банковского дела в Орловской губернии на рубеже XIX–XX вв

Первые финансовые институты в Орловской губернии возникли в середине XIX в. в форме филиалов Государственного коммерческого банка, специализировавшихся на кредитовании купечества и промышленных предприятий. Основная миссия банка заключалась в активизации коммерческой и индустриальной сфер, что гармонировало с приоритетами экономической политики Российской империи. Ключевым этапом эволюции финансовой системы стало учреждение сберегательных касс в середине XIX в. Данные организации предназначались для аккумуляции сбережений населения и их последующего инвестирования в экономику. В Орловской губернии сберегательные кассы пользовались значительным спросом среди городского населения и состоятельных крестьян, способствуя консолидации капитала и расширению кредитных инструментов.

Реформы 1860-х гг. стали катализатором для создания первых банковских институтов в губернии, начиная с Орловского городского общественного банка, открытого 1 февраля 1864 г. под эгидой городской думы и местных купеческих обществ. Однако его деятельность завершилась банкротством в 1883 г. из-за финансовых махинаций и растрат на сумму свыше 4,5 млн руб., что привело к судебным разбирательствам и потере доверия вкладчиков, подчеркивая риски ранней банковской системы без строгого государственного контроля.

До учреждения филиала Государственного Дворянского Земельного Банка в Орле, в соответствии с Сенатским указом от 8 октября 1865 г., опирающимся на императорское распоряжение от 20 декабря 1863 г., 15 сентября 1865 г. был открыт филиал Государственного банка¹³⁷. Функционирование Орловского филиала Государственного банка стартовало 1 декабря 1865 г., с первым отчетным циклом, охватывающим период с 1 декабря 1865 г. по декабрь 1866 г.¹³⁸

¹³⁷ См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXVIII. Ст. 40411.

¹³⁸ См.: Памятная книжка (Адрес-календарь) Орловской губернии на 1868 год. ГАОО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

К 1 декабря 1866 г. все финансовые транзакции и счета кредитного профиля Орловского Приказа общественного призрения были интегрированы в компетенцию Орловского филиала Государственного банка, в то время как аспекты, связанные с благотворительностью, перешли под юрисдикцию Орловской губернской земской управы¹³⁹. В 1866 г. финансовый ландшафт Орловской губернии обогатился новым элементом – Орловским Городским Общественным Банком. На протяжении свыше двух десятилетий это учреждение эффективно расширяло ассортимент услуг. Тем не менее, в 1881 г. банк зафиксировал значительные финансовые потери. Нормативная база четко определяла ответственность муниципальных органов за кредитные организации: депозиты гарантировались собственными активами банка, а городская Дума обязана была восполнять дефицит капитала при возникновении убытков. Такая система защиты могла оказаться несостоятельной лишь в случае, если годовые потери превышали объем основного капитала, однако вероятность подобного развития событий оценивалась как минимальная.

Открытие Орловского отделения Государственного банка 15 сентября 1865 г. ознаменовало переход к централизованной банковской модели, с фактическим началом операций 1 декабря того же года, когда оно переняло кредитные функции Приказа общественного призрения. Первым руководителем был назначен Николай Иванович Анненков. Изначально подразделение размещалось на улице Садовой, в помещении, совмещенном с казенной Палатой. Однако в 1885 г. для банка возвели самостоятельное сооружение на той же улице. В начальный период филиал фокусировался на привлечении депозитов с начислением процентов, выдаче краткосрочных кредитов (до 9 месяцев) под обеспечение ценными бумагами, драгоценными металлами, товарами и недвижимостью. Дополнительно банк занимался дисконтом векселей и иных срочных обязательств, сделками по приобретению и реализации ценных бумаг, а также обменом кредитных билетов. Со временем масштабы транзакций Орловского филиала существенно возросли, что привело к расширению клиентского круга и повышению доходности. В 1884

¹³⁹ См.: ГАОО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.

г. ввели кредитование землевладельцев под соло-векселя. Увеличение операционной нагрузки обусловило рост персонала: в 1877 г. насчитывалось 11 сотрудников, к 1888 г. – 17, а к 1 января 1917 г. – 124 специалиста¹⁴⁰.

Вышеуказанный банк расширил доступ к депозитам и краткосрочным ссудам для всех социальных слоев, включая сельских производителей, и сыграл ключевую роль в финансировании железнодорожного строительства, способствуя экспорту зерна и конопли из губернии. К 1870-м гг. отделение значительно увеличило штат и объемы операций, став опорой для региональной экономики и демонстрируя эффективность государственной монополии в кредитовании.

В 1872 г. формирование акционерной банковской системы в губернии получило импульс с учреждением Орловского коммерческого банка, основанного коммерческими советниками Дмитрием Русановым и Самуилом Поляковым при участии банкирских домов «Винекен и К^о» и «Оболонский и К^о», с начальным капиталом в 2 млн руб. Банк специализировался на учете векселей, выдаче ссуд под залог сельскохозяйственной продукции и торговых операциях, первоначально сосредоточившись на Орловской губернии с филиалами в Орле, Брянске, Ельце и Ливнах. К 1890-м гг. он расширился на 12 губерний, достигнув к 1901 г. 21 отделения и капитала в 5 млн руб., что иллюстрировало его роль в интеграции аграрных регионов в общероссийский финансовый рынок, хотя кризисы 1900-х гг. привели к его слиянию с Соединенным банком в 1908 г.

Дальнейшее развитие банковского дела в 1880-х гг. включало создание специализированных земельных банков, таких как отделение Государственного Дворянского Земельного банка в 1885 г. и Крестьянского Поземельного банка в 1886 г., ориентированных на ипотечное кредитование помещиков и крестьян под залог земли. Данные институты облегчали земельные сделки и поддерживали аграрную реформу, дополняя коммерческие операции и формируя многоуровневую систему, где государственные банки обеспечивали стабильность, а акционерные – динамику роста.

¹⁴⁰ См.: Отделение Банка России по Орловской области // Банк России. URL: <https://cbr.ru/orel/history/> (дата обращения: 18.02.2026).

Орловский губернский банк был основан в первой половине XIX в. Его приоритетной функцией являлось финансирование местных землевладельцев, коммерсантов и бизнесменов. В условиях преобладания аграрного сектора в губернии, где сельскохозяйственное производство доминировало, банк выдавал заимствования под залог земель и иного имущества. Это позволяло собственникам оптимизировать управление хозяйствами, инвестировать в технику и наращивать объемы продукции. Одним из главных событий стало формирование земских банков, функционировавших в губернии с 1860-х гг. Земские кредитные организации играли ключевую роль в поддержке аграрного комплекса, предлагая заимствования как помещикам, так и крестьянам. Их вклад способствовал интенсивному развитию инфраструктуры: сооружению транспортных магистралей, мостов и хранилищ, что стимулировало коммерцию и повышало уровень жизни жителей. Наряду с земскими банками, в губернии возникали частные финансовые структуры, инициированные местными купцами и аристократами. Данные институты кредитовали промышленные объекты, торговые предприятия и индивидуальных заемщиков, способствуя региональному экономическому прогрессу.

В интервале с 1897 по 1900 гг., в Орловской губернии наблюдался бум железнодорожного строительства, существенно повлиявший на банковскую практику. Филиал начал предоставлять кредиты под дубликаты железнодорожных накладных на зерновые грузы. После утверждения обновленного Устава Государственного банка в 1894 г. Орловский филиал расширил спектр промышленных кредитов. В соответствии с нормами, ратифицированными министром финансов 2 августа 1896 г., банк приступил к выдаче заимствований под «продукты земледелия», а также под сельскохозяйственную технику и инвентарь.

До обозначенного периода в Орловской губернии кредитные организации отсутствовали, за исключением Приказа общественного призрения, ориентированного на финансирование дворянства. Однако его ограниченная сфера не оказывала заметного воздействия на региональную экономику.

Первоначально Орловский филиал Государственного банка размещался в одном комплексе с Казенной Палатой на Садовой улице (ныне ул. Горького). В 1882–1885 гг. на той же улице построили отдельное здание для филиала. Данное сооружение эксплуатировалось банком до национализации в 1926 г. 5 октября 1926 г. Президиум горсовета рабочих и красноармейских депутатов издал постановление о передаче бывшего здания Соединенного банка в распоряжение Государственного банка. С 1926 г. и по сей день Орловский филиал Государственного банка базируется в здании бывшего Соединенного банка по адресу ул. Кооперативная, 13 (актуальный адрес: ул. Гостиная, д. 6). Вышеуказанное строение исторически ассоциировано с Орловским коммерческим банком (Соединенным банком), открытым 15 декабря 1872 г. и действовавшим до 1926 г.

Орловский филиал Государственного банка был учрежден 15 сентября 1865 г., о чем свидетельствует запрос в Орловское губернское правление на печать 480 экземпляров объявлений о запуске его операций. Начало фактической деятельности филиала датируется 1 декабря 1865 г., с первым отчетным периодом, охватывающим интервал с 1 декабря 1865 по декабрь 1866 г. Штатная структура филиала включала управляющего, контролера, старшего и двух младших ассистентов контролера, старшего и младшего ассистентов кассира, а также бухгалтера, ответственного за дела Приказа общественного призрения. В связи с упразднением Приказов общественного призрения, их кредитные обязательства и документация были переданы филиалам Государственного банка. 16 октября 1862 г. императорским указом был ратифицирован Устав о городских сберегательных кассах, предназначенных для замещения сберегательных касс при Приказах общественного призрения. 9 сентября 1863 г. Министр финансов санкционировал создание Орловской сберегательной кассы при Орловском уездном казначействе. Однако 17 сентября 1865 г. Орловский филиал Государственного банка направил предложение в Орловскую городскую думу об открытии сберегательной кассы при банковском филиале. 3 декабря 1865 г.

Министр финансов выдал разрешение на учреждение такой кассы при Орловском филиале Государственного банка, которая начала операции с 26 апреля 1866 г.

Необходимо отдельно отметить тот факт, что в финансовой сфере Орловской губернии спектр кредитных операций простирался за рамки институционализированных банковских структур, интегрируя кооперативные модели, такие как кредитные товарищества и общества взаимного кредита, которые воплощали принципы коллективной финансовой солидарности¹⁴¹. Хронологическая последовательность их генезиса указывала на приоритет обществ взаимного кредита, возникших в конце 1860-х гг., в сравнении с кредитными товариществами, консолидировавшимися в начале XX в. Анализ земской экономической активности в Орловской губернии накануне Первой мировой войны демонстрировал значительную экспансию этих институтов: к началу 1914 г. их сеть охватывала сотни организаций с существенным оборотом капитала и аккумулированными депозитами, вовлекая в процесс значительную долю крестьянских домохозяйств региона¹⁴². Функционал кооперативов не ограничивался операционными транзакциями, распространяясь на залоговые механизмы с аграрной продукцией, что способствовало стабилизации сельскохозяйственного сектора. В том же году произошла институционализация союза кредитных товариществ, объединившего структуры из различных административных единиц губернии, усиливая координацию и эффективность их деятельности.

Исходя из всего вышеуказанного, необходимо выделить тот факт, что Орловский уезд, как административный центр губернии, обладал наиболее развитой банковской инфраструктурой. Данный тезис обусловлен тем фактом, что вышеуказанный город являлся не только административным, но и экономическим центром уезда с наибольшей концентрацией банковских учреждений. Вместе с тем, прежде чем переходить к изучению банковских структур данного уезда, необходимо отметить, что в целях всестороннего и полного рассмотрения

¹⁴¹ См.: Протоколы общих собраний. ГАОО. Ф. 613. Д. 7. Л. 2-15.

¹⁴² См.: Чугунов В. Е. Исторический очерк развития банковского сектора Орловской области // Деньги и кредит. 2008. № 5. С. 39–42.

предмета настоящего исследования, возникает объективная необходимость дать общую характеристику состава иных уездов Орловской губернии и осуществить анализ банковских структур, действовавших на их территории. Так, состав Орловской губернии включал в себя 12 уездов: Орловский, Болховский, Брянский, Дмитровский, Елецкий, Карачевский, Кромской, Ливенский, Малоархангельский, Мценский, Севский и Трубчевский (См. Приложение № 2: рисунок 2.1.).

Обращаясь к истории дореволюционного Ельца, необходимо подчеркнуть тот факт, что он был одним из крупнейших городов губернии: согласно переписи населения, в уезде проживало 280 тыс. человек.¹⁴³ Экономика настоящего региона базировалась на сельском хозяйстве (выращивание зерновых, особенно ржи и овса), кожевенном деле, производстве елецких кружев и торговле. Город был важным железнодорожным узлом (по линиям, ведущим на Москву, Орел и Воронеж), что способствовало развитию торговли хлебом, скотом и промышленными товарами. Ярмарочное дело также привлекало купцов из соседних губерний, а наличие фабрик и ремесел (гармошки, иконостасы) делало Елец центром региональной экономики. Следует отметить тот факт, что несмотря на неурожай 1880 г. и последующие экономические кризисы, которые существенно сказались на развитие региона, Елецкий уезд, в отличие от более малых уездов, сохранил развитую кредитную систему, включая филиалы крупных банков.

Первые инициативы по созданию первого кредитного учреждения в Елецком уезде Орловской губернии были осуществлены в 1863 г., благодаря усилиям почетных граждан и купцов Дмитрия Васильевича Валуйского и Дмитрия Сергеевича Русанова, был учрежден городской коммерческий банк с начальным капиталом в 15 тыс. руб. Официальное открытие состоялось 26 апреля 1863 г., где среди учредителей числились более 50 наиболее состоятельных жителей города. В контексте настоящего вопроса, необходимо отметить, что подробные сведения о прогрессе банковской сферы в Елецком уезде удалось

¹⁴³ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Орловская губерния. 1904. С. 22.

получить из справочного издания «Спутник пассажира по Юго-Восточным железным дорогам» за 1899 г., содержащего детальное описание уездного центра, включая его финансовые учреждения¹⁴⁴. Первым в перечне значится Городской общественный (коммерческий) банк, размещавшийся на первом этаже здания на Успенской улице (ныне Советская). Надзор и ответственность за его деятельность возлагались на Городскую думу, а операции проводились на коммерческих принципах. К сожалению, само здание не сохранилось к настоящему времени, будучи разрушенным в период Великой Отечественной войны. Вместе с тем, в электронной экспозиции Елецкого краеведческого музея сохранились дореволюционные фотографии, которые позволяют идентифицировать вышеуказанное учреждение (См. Приложение № 2: рисунок 2.2.).

В 1913 г. директором банка стал Николай Александрович Ростовцев, в качестве товарищей выступили Николай Дмитриевич Володин и Василий Васильевич Кожухов, кандидатами в товарищи – Василий Петрович Россихин и Иван Митрофанович Жаворонков. В июне 1915 г., после внезапной смерти Россихина, его место занял Александр Николаевич Заусайлов, владелец дома, в котором ныне располагается Музей купечества и сословий, что подтверждается материалами «Елецкой газеты» № 7 от 24 июня 1915 г. и № 11 от 10 июля 1915 г. Согласно статистическим данным, указанным в перечне «Русские банки» от 01.02.1912 г., кредитная система Елецкого уезда включала в себя следующие учреждения: отделение Государственного Казначейства, отделение Госбанка, отделение Соединенного банка, отделение Русско-Азиатского банка, городской ломбард и городской общественный банк¹⁴⁵.

В Елецком уезде также существовало отделение Орловского коммерческого банка на Соборной улице; в настоящее время в этом здании размещается корпус колледжа искусств имени Т.Н. Хренникова¹⁴⁶. Согласно публикации в газете

¹⁴⁴ См.: Родзевич А. И. Спутник пассажира по юго-восточным железным дорогам / сост. А. И. Родзевич, коммерч. агент юго-вост. ж. д. Вып. 1–3. Козлово-Воронежско-Ростовская линия. М.: О-во юго-вост. ж. д., 1899. С. 61–66.

¹⁴⁵ См.: Русские банки: полный перечень городов и селений, в которых находятся государственные, общественные и частные кредитные учреждения и их филиальные отделения к 1 февраля 1912 года. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. С. 27.

¹⁴⁶ См.: Банковское дело в Ельце до революции (по материалам выставки). URL: <https://kupech.eletsmuseum.ru/%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B>

«Жизнь Ельца» № 84 от 25 декабря 1912 г., в том же здании функционировал Соединенный банк.¹⁴⁷ Правление Соединенного банка располагалось в Москве, а его филиалы охватывали крупные и малые города России, включая Елец, Липецк и Ефремов.

На основе дореволюционных фотографий также было подтверждено наличие в Елецком уезде отделения Государственного банка на Орловской улице в доме Петрова (ныне Коммунаров, д. 6), открытого 1 июня 1882 г. (См. Приложение № 2: рисунок 2.3.). Далее, в 1914 г. для вышеуказанного отделения было возведено новое здание по проекту архитектора И.П. Машкова, которое с момента постройки и до недавнего времени использовалось по прямому назначению, а с 2020 г. в нем размещен Музей воинской славы города Ельца.¹⁴⁸

Помимо перечисленных кредитных организаций, в Елецком уезде действовало отделение Русско-Азиатского банка на Торговой улице в доме Ростовцева (ныне второй корпус школы № 15). Русско-Азиатский банк, основанный в 1910 г., быстро стал ведущим кредитным учреждением с рекордным акционерным капиталом в 50 млн руб. и сетью из 175 филиалов в России и за рубежом. К 1914 г. данный банк лидировал среди акционерных коммерческих банков по основным активам, вексельным и подтоварным кредитам, вкладам и текущим счетам. Следует отметить тот факт, что правление кредитной организации располагалось в Санкт-Петербурге. Председатель правления Алексей Иванович Путилов входил в число наиболее влиятельных финансистов как в России, так и за ее пределами. Управляющим Елецкого отделения с 1910 по 1917 гг., был Иван Федорович Комиссаров.

В Ельце также функционировало отделение Северного банка, правление которого размещалось на Невском проспекте в Санкт-Петербурге. Банк располагался вблизи Русско-Азиатского и начал работу в 1907 г. под управлением Михаила Александровича Николаева. Согласно материалам экспозиции Елецкого

E%D0%B5-%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE-%D0%B2-%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%86%D0%B5-%D0%B4%D0%BE-%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D0%B8/ (дата обращения: 05.02.2026).

¹⁴⁷ См.: Там же.

¹⁴⁸ См.: Там же.

музея купечества и сословий, основные операции включали прием вкладов, исполнение биржевых обязательств, ссуды под процентные бумаги, страхование билетов, обмен иностранной монеты, выдачу аккредитивов как внутри России, так и за границей (См. Приложение № 2: рисунок 2.4.).

На территории Елецкого уезда располагалось еще одно учреждение, которое практиковало подтоварное кредитование: ломбард. Учитывая тот факт, что данный институт ранее не упоминался в тексте работы, возникает объективная необходимость дать развернутую характеристику вышеуказанному элементу региональной банковской сети. Так, в конце XIX столетия в Российской империи сформировался особый институт подтоварного сельскохозяйственного кредита, получивший название «хлебных ломбардов». Они представляли собой специализированные склады (преимущественно зернохранилища), которые выполняли двойственную функцию: с одной стороны, они предоставляли крестьянам и мелким землевладельцам краткосрочные ссуды под залог сдаваемой на хранение сельскохозяйственной продукции, главным образом зерна; с другой – выступали в роли надежных элеваторных комплексов, обеспечивавших сохранность заложенного имущества. По своей экономической сути именно элеваторы стали основными операторами подобных операций. Главной целью создания хлебных ломбардов было освобождение сельских производителей от вынужденной осенней реализации зерна по демпинговым ценам, к которой их вынуждали ежегодные налоговые платежи. Таким образом, институт позволял крестьянину сохранить урожай до более благоприятной конъюнктуры рынка и избежать разорения в период сезонного ценового спада. Следует отметить, что ссудные операции под зерновой залог быстро приобрели широкое распространение. Склады открывались практически во всех значимых селах и волостях под контролем земских гласных и волостных старшин, что обеспечивало прозрачность и минимизировало риски злоупотреблений. Уже на рубеже 1880 – 1890 гг. действовало более 70 подобных складов. Активный рост был обеспечен не только посредством дохода от операционной деятельности, но и за счет

финансирования целевого кредитования со стороны Государственного банка Российской империи.

Ярким региональным примером служит Орловская губерния. В конце 1880-х гг. здесь был построен Елецкий элеватор, полностью выполнявший функции хлебного ломбарда. Инициатива создания Елецкого элеватора исходила от влиятельной группы земских деятелей – С. С. Бехтеева, А. Д. Поленова, С. А. Хвостова и их единомышленников, которые остро осознавали кризисное состояние хлебной отрасли¹⁴⁹. Стоимость строительства и технического оснащения составила около 128 тыс. руб., полностью покрытых средствами губернского земства. Операции начались уже в октябре 1888 г. Первоначально учреждение несло убытки: к 1894 г. их накопленная сумма достигла 461 руб. Вместе с тем, уже вскоре ситуация кардинально изменилась, и земство стало получать стабильную прибыль: от 148 до 1 630 руб. ежегодно, что подтвердило экономическую жизнеспособность модели¹⁵⁰. Вышеуказанное учреждение принимало в залог 2 категории зерна: озимое и яровое. Яровое, возвращаемое владельцам весной, предназначалось исключительно для семенных целей. Поэтому в ломбардах внедрялись специальные агротехнические и организационные меры: тщательная сортировка партий, очистка от примесей и обустройство особых отсеков с усиленным режимом хранения. Настоящие мероприятия были направлены на повышение посевных качеств семенного материала и, в конечном итоге, на рост урожайности последующих сезонов.

Обращаясь к общеимперской практике подобных учреждений, необходимо подчеркнуть тот факт, что опыт деятельности хлебных ломбардов не имел достаточных успехов. Главными сдерживающими факторами выступили, во-первых, относительно высокая стоимость банковского ресурса, а во-вторых – устойчивое повышение цен на хлеб как на внутренних, так и на мировых рынках, начавшееся со второй половины 1890-х гг. В итоге, исчез сам фундаментальный мотив, который ранее стимулировал развитие подтоварного кредита:

¹⁴⁹ См.: Артемьева В. С. Хлебные ломбарды как форма подтоварного кредита в конце XIX – начале XX века // Аграрная история. 2022. № 10. С. 79.

¹⁵⁰ Там же. С. 80-81.

необходимость защитить крестьянина от осеннего ценового обвала. Более того, после утверждения новых, более жестких правил выдачи ссуд под хлебные залоги в конце XIX в. подобные операции практически прекратились. Вопрос об организации сети хлебных ломбардов вплоть до начала XX в. почти не поднимался. Исключение составляли лишь отдельные земства Орловской губернии (Елец), Воронежской губернии и несколько уездных земств Тверской губернии, продолжавшие поддерживать локальные практики залогового кредитования.

Согласно статистике, также указанной в спутнике пассажира по Юго-Восточным железным дорогам, торгово-промышленная деятельность уезда носила развитый характер: в городе насчитывалось 63 фабрики и заводов с годовой производительностью в 1,5 млн руб., а общее население Елецкого уезда составляло 37 тыс. человек.¹⁵¹ Производственная структура уезда выглядела следующим образом: мыловаренные цеха (16 единиц), крупорушные цеха (16 единиц), кирпичных заводов (9 единиц), свечновосковых и воскобелильных (4 единицы), клееварные и красильные заводы (2 единицы), а также чугунолитейный завод¹⁵². Ключевой деятельностью Ельца являлась хлебная торговля и его производство (мучное дело). По сумме оборотов главную отрасль местной экономики выступала мукомольная промышленность по переработке пшеницы. Так, в 1898 г., по сведениям Елецкого биржевого комитета, местные мельницы переработали около 2 млн пудов пшеницы, ввозимой из Харьковской, Курской и Воронежской губернии, которая была известная на территории Российской империи под названием «Елецкая крупчатка»¹⁵³.

Переходя к характеристике Ливенского уезда Орловской губернии, необходимо подчеркнуть, что данный уезд представлял собой важный торговый и аграрный центр Центрального Черноземья. Экономика города и самого уезда (общей площадью около 3,5 тыс. квадратных верст и состоявший из 18 волостей) базировалась на зерновом хозяйстве, мукомольной промышленности и торговле, с

¹⁵¹ См.: Родзевич А. И. Указ. соч. С.63.

¹⁵² См.: Родзевич А. И. Указ. соч. С.64.

¹⁵³ См.: Родзевич А. И. Указ. соч. С.65.

экспортом продукции через железные дороги (по Либаво-Роменской линии). Само же банковское дело в Ливнах развивалось как часть губернской финансовой системы, ориентированной на поддержку сельскохозяйственной торговли и землевладения. В период с 1860 по 1917 гг. характеризовался открытием муниципальных кредитных учреждений, филиалов акционерных банков и кооперативных форм, что способствовало капитализации аграрного сектора.

Организованное банковское дело в Ливнах возникло уже во второй половине XIX в., в рамках общероссийских финансовых реформ, включая создание Государственного банка, а также активного распространения института городских общественных банков. Первым значимым учреждением вышеуказанного уезда стал Ливенский городской общественный банк, открытый 13 августа 1865 г. Настоящее кредитное учреждение функционировало под контролем городской думы и ориентировалось на местное купечество, землевладельцев и торговцев. Данный банк выполнял стандартные операции муниципальных институтов: прием вкладов от населения (включая купцов, монастыри и частных лиц) с выплатой процентов (3–5% годовых), выдачу краткосрочных ссуд под залог недвижимости, товаров (зерна, пеньки) и векселей, учет торговых обязательств и размен кредитных билетов. Банк обслуживал местную торговлю, особенно экспорт сельскохозяйственной продукции.

В 1873 г. в городе открылось отделение Орловского коммерческого банка – акционерного учреждения, учрежденного 3 августа 1872 г., учредителями, включая Елецкого купца Д.С. Русанова и железнодорожного предпринимателя С.С. Полякова. Орловский коммерческий банк входил в группу банков московского банкира Л.С. Полякова и изначально ориентировался на аграрные регионы, включая Ливенский уезд, где он выступал в качестве узла в кредитовании зерновой торговли и экспорта. Отделение Орловского коммерческого банка в Ливнах специализировалось на кредитовании зерновой торговли и экспорта, выдавая ссуды под соло-векселя и железнодорожные накладные. Само кредитное учреждение позиционировало себя как посредника для сбыта продуктов сельского хозяйства на заграничные и внутренние рынки, с

сетью в Ливнах, Ельце, Брянске и Орле. К 1908 г., после финансовых трудностей Полякова, банк вошел в состав Соединенного банка, который открыл отделение свое отделение в Ливенском уезде. Также с начала XX в. в Ливнах действовало агентство Русско-Азиатского банка (учрежденного в 1910 г.), ориентированного на промышленные и торговые кредиты.

Болховский уезд представлял собой провинциальный регион Центрального Черноземья с населением около 137 тыс. человек¹⁵⁴. Настоящий уезд был ориентирован на аграрную экономику: зерновое хозяйство, мелкую торговлю и ремесла. Банковское дело в дореволюционном Болхове Орловской губернии развивалась в рамках общероссийских реформ 1860-х гг., однако, оставалась менее разветвленной по сравнению с губернским центром. Отсутствие крупных промышленных предприятий и удаленность от основных транспортных артерий (железнодорожная ветвь появилась лишь в конце XIX в.) определяли фокус местных кредитных учреждений на обслуживании землевладельцев, купцов и крестьянских хозяйств.

Зарождение банковской системы Болховского уезда, как и в Орловской губернии в целом, восходит к реформам 1860 гг., когда были созданы первые муниципальные кредитные учреждения на основе «Положения о городских общественных банках» от 1857 г. Болховский уезд имел в своей структуре следующие учреждения: Государственное Казначейство, агентство Соединенного банка, Болховский общественный банк¹⁵⁵. Основным учреждением в Болхове стал Болховский городской общественный банк. Вышеуказанное кредитное учреждение функционировало под контролем Городской думы и ориентировался на местное купечество и землевладельцев. Деятельность Болховского городского общественного банка включала стандартные операции муниципальных институтов: прием вкладов от населения (включая купцов, монастыри и частных лиц), выдачу краткосрочных ссуд под залог недвижимости, товаров (зерна) и векселей, учет торговых обязательств и обмен кредитных билетов. Банк

¹⁵⁴ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Орловская губерния. Указ. соч. С. 22.

¹⁵⁵ См.: Русские банки. Указ. соч. С. 19.

обслуживал местную торговлю, особенно экспорт сельскохозяйственной продукции через Орловский губернский центр. К началу XX в. в Болхове также появилось агентство Соединенного банка, образованного в 1908 г. из группы банков Л.С. Полякова, включая бывший Орловский коммерческий банк. Соединенный банк, как акционерный институт, расширил сеть в уездах губернии, включая Болхов, для кредитования аграрной торговли. Агентство Соединенного банка в Болхове фокусировалось на межрегиональных операциях: кредитовании зерновой торговли, ссудах под железнодорожные накладные и интеграции в сеть акционерных банков.

Наряду с вышеуказанным положением, в Болховском уезде также развивались кооперативные формы ссудной деятельности: общества взаимного кредита (с 1869 г.) и иные частные кредитные товарищества. Настоящие организации объединяли крестьянское хозяйство региона, более того, уездные кооперативы занимались преимущественно взаимным кредитованием: ссудами крестьянам на покупку семян, орудий и земли. Стоит отметить, что общий объем операций в Болхове был скромным по сравнению с Орлом: банки способствовали лишь минимальной капитализации хозяйства и зависели от губернских институтов (например, Орловского отделения Государственного банка, открытого в 1865 г., которое косвенно влияло на уездные операции через кредиты и контроль). Таким образом, банковская система Болхова эволюционировала от ассигнационных контор (с 1769 г.) к развитой сети муниципальных и кооперативных институтов к 1917 г., интегрируясь в губернскую инфраструктуру (Орловский коммерческий банк расширил сеть в уездах в 1890 г., включая возможные операции в Болхове через зерновую торговлю).

Брянский уезд в дореволюционный период являлся примером развитого региона Орловской губернии с населением 203 тыс. человек (по переписи 1897 г.)¹⁵⁶. Экономика уезда базировалась, в отличие от предыдущих уездов, не только на зерновой торговле, но и на крупной промышленности: на территории региона действовали следующие заводы: рельсопрокатный, механический и

¹⁵⁶ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Орловская губерния. Указ. соч. С. 22.

чугунолитейный, что стимулировало развитие транспортной инфраструктуры (особенно железнодорожного сообщения в период с 1860 по 1917 гг.), а также финансового сектора. Наряду с вышеуказанным положением, Брянский уезд был также транспортным узлом, связывающим Москву, Орел, Харьков и Киев.

Обращаясь к банковскому делу уезда, следует отметить, что согласно статистическим данным, указанным в перечне «Русские банки» от 01.02.1912 г., кредитная система Брянского уезда включала в себя следующие учреждения: отделение Государственного Казначейства, отделение Госбанка, отделение Соединенного банка, а также общество взаимного кредитования.¹⁵⁷ Более того, в 1872 г., в вышеуказанном уезде открылось отделение Орловского коммерческого банка – акционерного учреждения, учрежденного 3 августа 1872 г. Орловский коммерческий банк входил в группу банков московского банкира Л.С. Полякова и изначально ориентировался на аграрные регионы, включая Брянский уезд, где он стал ключевым для кредитования зерновой торговли и промышленности. Кооперативные формы развивались с конца XIX в.: общества взаимного кредита появились в Брянске, также частные кредитные товарищества. Таким образом, банковское дело уезда эволюционировало от муниципальных кредитных учреждений к филиалам акционерных банков, интегрированных в губернскую и общероссийскую систему.

Обращаясь к характеристике дореволюционного Дмитровска, необходимо отдельно отметить тот факт, что данный уезд был одним из самых малочисленных по количеству населения: 105 тыс. человек, согласно официальной переписи¹⁵⁸. Экономика города и Дмитровского уезда, площадь которого составляла около 2,5 тыс. квадратных верст и включал в себя 17 волостей, базировалась сугубо на аграрном хозяйстве: зерновом производстве, мелкой торговле и ремеслах. В контексте настоящего вопроса, следует отметить роль Брянско-Орловской железной дороги, которая поддерживала малое предпринимательство. Банковское дело в Дмитровском уезде развивалось в рамках губернской системы,

¹⁵⁷ См.: Русские банки. Указ. соч. С. 19.

¹⁵⁸ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Орловская губерния. Указ. соч. С. 22.

ориентированной на поддержку сельского хозяйства и торговли, но было ограниченным из-за малого масштаба экономики. Более конкретные данные о Дмитровске носят крайне ограниченный характер, поскольку город не был финансовым центром. В дореволюционном перечне банковских организаций Российской империи, применительно к Дмитровскому уезду Орловской губернии, указывалась информация о нахождении только отделения Государственного Казначейства.¹⁵⁹ Исходя из всего вышеуказанного, следует сделать вывод о недостаточно развитой системе банковских структур на территории данного уезда.

Мценский уезд Орловской губернии также специализировался на зерновом хозяйстве, мукомольной промышленности и торговле, с экспортом продукции через железные дороги (Орловско-Витебская линия). Согласно данным, полученным из первой всероссийской переписи населения Российской империи, общая численность населения Мценского уезда составляла 104 тыс. человек¹⁶⁰. Банковское дело во Мценске развивалось как часть губернской финансовой системы, ориентированной на поддержку сельскохозяйственной торговли и землевладения, но было ограниченным из-за периферийного положения уезда. Следует отметить тот факт, что конкретные данные о характере и количестве кредитных организаций носит ограниченный характер. Так, достоверно известно, что в 1912 г. на территории уезда находился филиал Мценского Государственного Казначейства¹⁶¹. Обращаясь к архивным источникам, необходимо отметить, что в списке кредитных организаций также указывается Крестьянский поземельный банк Орловской губернии Мценского уезда (1884–1917гг.).¹⁶² Настоящий банк ориентировался на кредитовании крестьян в целях выкупа помещичьих земель, что было обусловлено высоким уровнем доли дворянского землевладения (около 40% угодий в губернии принадлежали помещикам). С 1884 г. банк предоставлял ссуды на покупку земель, оставшихся после выкупных платежей 1861 г.

¹⁵⁹ См.: Русские банки. Указ. соч. С. 26.

¹⁶⁰ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Орловская губерния. Указ. соч. С. 22.

¹⁶¹ См.: Русские банки. Указ. соч. С. 40.

¹⁶² См.: РГИА. Ф. 592. Оп. 21. Д. 2269. Л. 1–35.

Дореволюционный Севск представлял собой провинциальный населенный пункт Орловской губернии с населением около 9 тыс. человек (по всему уезду: 152.145 тыс.) к началу XX в.¹⁶³ Отдельного упоминания в истории Севска заслуживает тот факт, что в XVII в. данный город был важным административным и военным центром Севского разряда – пограничной территории на границе с Речью Посполитой и Османской империей. В конце XVII в. Россия вела активную внешнюю политику, включая подготовку к Крымским походам (1687–1689 гг.) против Крымского ханства и Османской империи. Вышеуказанные военные кампании требовали значительных финансовых ресурсов, и одной из мер по их обеспечению стала организация временного монетного двора в Севске. Чеканка монет в вышеуказанном приказе была частью более широкой реформы денежного обращения при регентстве царевны Софьи Алексеевны (1682–1689 гг.), правившей от имени малолетних царей Ивана V и Петра I. История монетного двора в Севске, к сожалению, продлилась недолго – в период с 1686 по 1687 гг. Вместе с тем, настоящий опыт эмиссии представлял собой уникальный эпизод в истории становления финансовой системы империи, поскольку Севск стал одним из немногих провинциальных городов, где производилась массовая чеканка монет за пределами Москвы и Санкт-Петербурга. В целом, банковская система Севска была скромной по сравнению с губернским центром (Орлом), где располагались отделения Государственного, Дворянского и Крестьянского земельных банков. По данным государственного архива Брянской области, на территории уезда существовал городской общественный банк¹⁶⁴. Севский городской общественный банк представлял собой типичное муниципальное кредитное учреждение, аналогично банкам в вышеуказанных уездах губернии, данная кредитная организация была ориентирована на обслуживание местного купечества, землевладельцев, монастырей и зажиточных крестьян, способствуя капитализации аграрной экономики региона.

¹⁶³ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Орловская губерния. Указ. соч. С. 31.

¹⁶⁴ См.: ГАБО. Ф. 133. Оп. 1. Л. 1-10.

Карачевский уезд Орловской губернии, наряду с соседними уездами, являлся провинциальным центром Центрального Черноземья с населением около 135 тыс. жителей¹⁶⁵. Экономика города и Карачевского уезда, площадь которого составляла 3 тыс. квадратных верст и включавший в себя 14 волостей, базировалась на аграрном хозяйстве: зерновом производстве, мелкой торговле и ремеслах, с элементами зарождающейся промышленности (мукомольные мельницы, кирпичные заводы). Железнодорожная ветвь (Брянско-Орловская линия) стимулировала торговлю, связывая Карачев с Москвой, Орлом и Брянском, однако, сам город все еще оставался периферийным по сравнению с губернским центром. Банковское дело в Карачеве развивалось в рамках губернской системы, ориентированной на поддержку сельского хозяйства и торговли, но было ограниченным из-за аграрного характера уезда.

Организованное банковское дело в Карачеве, как и в других уездных городах губернии (Болхове, Брянске и многих других), возникло под влиянием реформ Александра II, включая «Положение о городских общественных банках» от 1857 г. Основным учреждением стал Карачевский городской общественный банк, открытый в 1884 г. Данная кредитная организация функционировала под контролем Городской думы и Министерства финансов, ориентируясь на местное купечество, землевладельцев и крестьян. Карачевский городской общественный банк выполнял типичные операции муниципальных институтов: прием вкладов от населения (включая купцов и землевладельцев) с выплатой процентов (3–5% годовых), выдачу краткосрочных ссуд под залог недвижимости, товаров (зерна, пеньки) и векселей, учет торговых обязательств и размен кредитных билетов. Банк обслуживал местную торговлю, особенно экспорт сельскохозяйственной продукции через Орловский губернский центр. Более того, согласно дореволюционной документации, в Карачевском уезде также находился филиал Русско-Азиатского банка и отделение Казначейства¹⁶⁶.

¹⁶⁵ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Орловская губерния. Указ. соч. С. 31.

¹⁶⁶ См.: Русские банки. Указ. соч. С. 31.

Кромской уезд также представлял собой небольшой регион с общим населением в 110 тыс. человек, а доля городских жителей и вовсе колебалась на показателе в 4 – 5 тыс. человек.¹⁶⁷ Экономика уезда в пореформенный период базировалась на зерновом хозяйстве и мелкой торговле, с незначительной промышленностью (мукомольные мельницы, кожевенные мастерские). К сожалению, ввиду небольшой численности населения и скромный характер экономики, в вышеуказанном уезде располагалось лишь отделение Казначейства. Кооперативные формы кредитования были ограничены частными займами. Следует отметить, что вышеуказанный регион не является единственным примером, где банковские структуры не получили широкого распространения. Так, в Малоархангельском и Трубчевском уездах большинство кредитных учреждений были представлены в форме обществ взаимного кредитования, а государственные образования существовали в форме казначейств.

Следует отдельно отметить тот факт, что в целях всестороннего анализа банковской системы Орловской губернии в контексте исторического развития Российской империи, необходимо учитывать не только локальные особенности, но и региональный контекст. Орловская губерния, как часть Центрального черноземного района, была тесно связана экономическими, торговыми и административными узами с соседними территориями, такими как Тульская, Тамбовская, Курская и другие губернии. Включение в содержание настоящего исследования примеров организации банковских институтов в соседних регионах позволяет способствовать выявлению общих закономерностей в становлении кредитно-финансовой инфраструктуры, в частности, воздействия государственной политики, вклада земских органов и частного капитала, а также региональных вариаций, детерминированных преобладанием аграрного сектора экономики. Подобный сравнительный подход не только подчеркивает уникальность Орловской модели, но и помогает избежать изоляционистского взгляда, обеспечивая объективность и глубину диссертационного исследования,

¹⁶⁷ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Орловская губерния. Указ. соч. С. 22.

что особенно важно для понимания эволюции банковского сектора в дореволюционной России.

Учитывая все вышеуказанное, следует рассмотреть опыт банковского дела Тульской губернии. Следует отметить тот факт, что банковская система Тульской губернии Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. представляла собой динамичную, многоуровневую финансовую инфраструктуру, эволюционировавшую под влиянием общенациональных экономических трансформаций, включая Великие реформы 1860-х гг. и Столыпинскую аграрную реформу 1906–1917 гг. Система Тульской губернии интегрировала государственные институты, частно-публичные организации и микрофинансовые учреждения, обеспечивая кредитование аграрного, промышленного и торгового секторов, а также способствуя модернизации региональной экономики. Несмотря на преобладание аграрного характера губернии – с населением около 2 млн человек в 1914 г., из которых примерно 90% составляли сельские жители – банковский сектор адаптировался к промышленному росту, особенно в Туле как ключевом центре оружейного производства и металлургии, отражая общероссийские тенденции финансовой централизации.¹⁶⁸

Банковская система Тульской губернии имела трехуровневую структуру. На верхнем уровне доминировали государственные институты, такие как Тульское отделение Государственного банка (учреждено в 1882 г.), которое осуществляло следующую операционную деятельность: ведение счетов, прием депозитов под ставки 3 – 4 % годовых, дисконт векселей, займы до 5 тыс. руб. и переводы средств¹⁶⁹. На территории губернии также действовали специализированные земельные банки – Крестьянский поземельный (филиал, который был учрежден в 1887 г.)¹⁷⁰ и Дворянский земельный банк (в 1897 г.).¹⁷¹ Целью вышеуказанных кредитных учреждений являлось предоставление долгосрочного ипотечного кредитования под залог недвижимого имущества на сроки от 13–50 лет под 7,5–

¹⁶⁸ См.: Назырова Е. А., Шелкоплясова Н. И. Кредитный рынок Тульской губернии во второй половине XIX – начале XX веков // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12, № 3. С. 28–47.

¹⁶⁹ См.: ГАТО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 2. Л. 8

¹⁷⁰ См.: Памятная книжка Тульской губернии за 1887 г. Тула, 1888. С. 54.

¹⁷¹ См.: ГАТО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 169. Л. 1.

8,5% и 3,5% соответственно¹⁷². Дворянский банк, напротив, ориентировался на реструктуризацию помещичьего землевладения, обслуживая помещиков нескольких губерний через Московское и Тульское отделения.¹⁷³ Дополняли банковскую структуру губернии сберегательные кассы (с 1849 г.), переданные Государственному банку в 1862 г., которые привлекали вклады от широких слоев населения (мещан, крестьян, чиновников), хотя и переживали кризис 1863–1881 гг. из-за низких ставок (3% против 5–6% в банках), с сокращением баланса до 3–4 тыс. руб. к 1872 г.¹⁷⁴

Средний уровень занимали частно-публичные городские общественные банки, возникшие в период с 1860 по 1870 гг. в целях финансового субсидирования муниципальных нужд. В вышеуказанный период развития Тульской губернии, в городах и уездных центрах, включая Ефремов, Богородицк, Крапивну, Алексин и другие, были учреждены городские общественные банки с целью обеспечения коллективных хозяйственных потребностей региона. Формирование уставного капитала осуществлялось преимущественно за счет резервных средств муниципальных фондов, хотя в отдельных случаях ключевую роль играли вклады состоятельных промышленников. Так, в частности, финансовую основу Крапивенского банка составили взносы тульских купцов Ивана Белобородова, Никиты Зотова, потомственных почетных граждан Демьяна Тимофеевского и Михаила Немчинова, а также предпринимателей Алексея Астафьева, Петра Юдина, Григория Баркова и братьев Залесковых.¹⁷⁵

В банковскую структуру Тульской губернии также входил городской общественный банк, который начал функционировать в 1870 г. и имел первоначальный капитал в размере 15 тыс. руб.¹⁷⁶ Следует отметить тот факт, что вышеуказанные учреждения выполняли операции по дисконтированию векселей, приему депозитов от физических лиц, а также предоставлению кредитов под обеспечение ценных бумаг и недвижимого имущества. Полученная прибыль

¹⁷² См.: Вдовин В. А. Крестьянский поземельный банк (1883–1885 гг.). М.: Госфиниздат, 1959. С. 39.

¹⁷³ См.: ГАТО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 169. ЛЛ. 1–5.

¹⁷⁴ См.: Тульские губернские ведомости. 1849. № 36. С. 3.

¹⁷⁵ См.: Назырова Е. А., Шелкоплясова Н. И. Указ. соч. С. 30–39.

¹⁷⁶ См.: ГАТО. Ф. 364. Оп. 1 Д. 1.Л. 5

направлялась на покрытие муниципальных расходов, связанных с инфраструктурой, поддержку благотворительных организаций и инициативы в сфере образования по решению городской администрации.

Вместе с тем, как отмечает кандидат исторических наук, Назырова Е.А., далеко не все муниципальные кредитные учреждения проявили финансовую устойчивость: рецессия 1881–1882 гг. усугубила структурные слабости, обусловленные запретом на выпуск акций для привлечения капитала и случаями несоблюдения норм банковского регулирования¹⁷⁷. Так, в 1879 г. было объявлено о несостоятельности Ефремовского банка, в 1884 г. – Каширского, а в июне 1886 г. – Тульского банка имени И.Д. Сушкина. Далее, в том же 1886 г., прекратили свою деятельность Алексинский банк и Одоевский банки.¹⁷⁸ Таким образом, из 12 общественных банков Тульской губернии, действовавших до вышеупомянутого кризиса, осталось лишь 4 кредитной организации: Крапивенский, Белевский, Веневский и Новосильский банки.

На последнем уровне финансовой системы Тульской губернии доминировали институты микрокредитования в форме кредитных коопераций, которые к концу XIX столетия приобрели статус фундаментальной основы, обеспечивая доступ к ресурсам для широких социальных слоев. Первые организации мелкого кредита возникли в губернии в 1877 г. (Денисовское товарищество), а к концу XIX в. Функционировало порядка 3–4 тыс. ссудо-сберегательных и 9–10 тыс. кредитных товариществ¹⁷⁹. Капиталы вышеуказанных формировался из оборотных и вспомогательных фондов, пополняемых за счет регулярных ежемесячных взносов, добровольных депозитов, процентов, штрафов и пожертвований, а административное управление возлагалось на правление и общее собрание.

Обращаясь к теме сравнительного анализа банковских систем Тульской и Орловской губерний во второй половине XIX – начале XX вв., необходимо подчеркнуть тот факт, что кредитные учреждения Тульской и Орловской

¹⁷⁷ См.: Назырова Е. А., Шелкоплясова Н. И. Указ. соч. С. 30–40.

¹⁷⁸ См.: Там же. С. 38–39.

¹⁷⁹ См.: Там же. С. 37–40.

губерний, как аграрно-промышленных регионов Центрального Черноземья, развивались в контексте общероссийских финансовых реформ, включая создание Государственного банка (1860 г.), земельных банков (1880-е гг.) и кооперативных институтов мелкого кредита (конец XIX – начало XX вв.). Более того, обе губернии характеризовались трехуровневой структурой: государственные институты на верхнем уровне, частно-публичные коммерческие и городские банки на среднем, микрофинансовые кооперативы на нижнем. Вместе с тем, различия определялись экономической специализацией регионов: Тульская губерния демонстрировала более выраженный промышленный уклон (оружейное производство, металлургия), что способствовало диверсификации кредитования, в то время как Орловская оставалась преимущественно аграрной, с фокусом на зерновую торговлю и вывоз сельскохозяйственной продукции.

Сходство вышеуказанных систем наблюдается на верхнем уровне (имперском): обе системы опирались на отделения Государственного банка, открытые в 1865 г. в Орле и в 1882 г. в Туле, предоставлявших общий спектр базовых услуг: ведение счетов, депозитов, дисконта векселей, предоставление займов и денежные переводы. Настоящие филиалы интегрировали губернии в имперскую финансовую сеть, способствуя межрегиональным расчетам. Специализированные земельные банки – Крестьянский поземельный (открыт в Туле в 1887 г., в Орле – аналогично в 1880-е гг.) и Дворянский земельный (в Туле в 1897 г., в Орле – в составе центрально-земледельческой области) – фокусировались на ипотечном кредитовании под залог земли на долгосрочный период (от 13 до 50 лет). Сберегательные кассы, переданные Государственному банку в 1862 г., в обеих губерниях привлекали вклады от мещан и крестьян.

На уровне региональных банков, Тульская губерния, в отличие от Орловской, имела более развитую уездную систему банков. Так, в Тульской губернии было учреждено 12 самостоятельных городских общественных банков (Александринский 1846–1890 гг., И.Д. Сушкина 1870 г., уездные в Ефремове, Белеве и др.). В Орловской губернии существовало лишь 7 аналогичных структур, вместе с тем, следует отметить, что финансовая система Орловщины носила более

устойчивый характер. Настоящее положение обусловлено тем фактом, что кризисный период экономики в период с 1880 по 1890 гг. нанес более существенный ущерб именно Тульской губернии: из 12 банков регионального значения осталось лишь 4 учреждения. Более того, Орловский коммерческий банк (1872–1908 гг.), основанный Л.С. Поляковым, имел широкую филиальную сеть: банк расширился с 4 отделений в Орловской губернии (Орел, Елец, Брянск, Ливны) до 22 отделений в 12 губерниях к 1901 г., следуя железным дорогам (Риго-Орловское, Либаво-Роменское направления), что свидетельствует о финансовой стабильности вышеупомянутого учреждения.

В сфере частного кредитования в обеих губерниях оно было представлено кооперативами мелкого кредита, возникшими во второй половине XIX в. В Орловской губернии институты мелкого кредита зародились ранее: первый устав Орловского общества взаимного кредита утвержден в 1869 г., с операциями по приему вкладов, выдаче ссуд под залог (процентные бумаги, товары) и учету векселей (до 6 мес.). Однако ранний период характеризовался нестабильностью – к 1876 г. капитал был утрачен, а в 1885 г. объявлено банкротство. Закон 1895 г. о мелком кредите стандартизировал деятельность, регулируя кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, сельские кассы для предоставления краткосрочных (до 12 мес.) и долгосрочных (до 5 лет) ссуд на основе взаимопомощи, с требованиями к членам (трудоспособность, честность). К 1913 г. в районе Орловского отделения Государственного банка функционировало 192 вышеуказанных учреждений. В Тульской губернии процесс стартовал позже: первое Денисовское товарищество возникло в 1877 г. Развитие опиралось на аналогичный закон 1895 г., но ключевым импульсом стал акт 1904 г., расширивший полномочия по выдаче ссуд и привлечению вкладов. До Столыпинской реформы популярность была низкой (4–7 товариществ в 1905 г.), но реформа привела к активному росту: до 200 товариществ к 1915 г. В Орловской губернии Столыпинская реформа стимулировала аналогичный рост: Орловское кредитное товарищество увеличило участников в 4,5 раза с 1905 по 1915 г., фокусируясь на крестьянах для приобретения земли и инвентаря. Кассы

при предприятиях (в Туле с 1875 г. на заводах, в Орле – аналогично) выдавали ссуды под 6% на 9 месяцев. В Орловской к 1914 г. – 222 товарищества для ремесленников, преимущественно под эгидой банка. В целом, сравнение выявляет паритет в количестве данных учреждений к 1915 г.

Таким образом, банковские системы Орловской и Тульской губерний формировались в контексте преобразований 1860-х гг., стимулировавших переход от ростовщических практик к институционализированным кредитным механизмам. Обе губернии, расположенные в Центральном Черноземье, характеризовались аграрно-промышленной специализацией: Орловская акцентировала земледелие и торговлю сельскохозяйственной продукцией, в то время как Тульская интегрировала металлургию и оружейное производство с сельским хозяйством. Государственный банк Российской империи выступал ключевым регулятором, предоставляя заемные ресурсы и стандартизируя операции. Несмотря на общие черты – доминирование государственных и общественных институтов, кризисы 1880-х гг. и рост микрофинансирования после Столыпинской реформы (1906–1911 гг.) – различия проявлялись в темпах институционализации, диверсификации и устойчивости к экономическим спадам. В заключении, банковские системы Тульской и Орловской губерний сходились в государственной основе и кооперативном росте, способствуя модернизации, но различались по специализации: Тульская – промышленно-диверсифицированная и локальная, Орловская – аграрно-экспортная с межрегиональной экспансией.

Сравнив опыт построения банковской системы Орловской губернии, которая имела преимущество аграрный акцент в экономической сфере, с Тульской губернией, которая имела более производственный уклон, возникает необходимость изучить опыт построения кредитных систем, схожих по своей специализации, регионов. Подобным примером может служить история банковского дела в Тамбовской губернии, которая граничила с Орловской губернией.

Следует отметить тот факт, что формирование кредитно-финансовых институтов в Тамбовской и Орловской губерниях Российской империи отражало

общие тенденции модернизации экономики аграрных регионов Центрального Черноземья, где доминировали сельскохозяйственные производства, ориентированные на экспорт зерновых культур. Оба региона, будучи ключевыми поставщиками хлеба, испытывали схожие вызовы: дефицит капитала после отмены крепостного права в 1861 г., миграцию населения и необходимость в долгосрочном кредитовании для освоения земель. Вместе с тем, динамика развития банковских структур различалась по темпам институционализации, роли коммерческих банков и интеграции с транспортной инфраструктурой.

Дефицит финансовых ресурсов, критически важных для устойчивого функционирования реального сектора экономики, выступил в качестве импульса для развертывания сети банковских филиалов в ведущих губерниях¹⁸⁰. Так, Тамбовская губерния вошла в число 20 регионов, где были созданы первые кредитные учреждения. В частности, в Тамбове функционировало отделение II разряда под руководством А.И. Кульжинского в период 1864–1870 гг.; аналогичные филиалы III разряда были открыты в Козлове и Моршанске в 1867 г.¹⁸¹ Финансовая деятельность Тамбовского отделения охватывала широкий спектр экономических направлений губернии, с акцентом на зерновом секторе, поскольку регион являлся ведущим производителем и экспортером зерновых культур. Примечательно, что в 1913 г. Государственный банк возвел собственное здание, что свидетельствует о его устойчивом развитии. Далее, в структуре финансово-кредитной системы губернии появился Городской общественный банк, действовавший под патронажем муниципальных органов власти и начавший операции 15 апреля 1865 г. с уставным капиталом в размере 10 тыс. руб.¹⁸² Банк специализировался на приеме депозитов и предоставлении займов под залог ценных бумаг и ювелирных изделий. Среди основных депозиторов выделялись крупные коммерсанты – братья Асеевы и Толмачев.

¹⁸⁰ См.: Смагин И. И., Смагина В. И. Экономические интересы государства в условиях глобализации: эффективные институты развития // Научные труды Вольного экономического общества России. 2014. Т. 187. С. 433–440.

¹⁸¹ См.: Арнаутова В. Д., Радюкова Я. Ю. Становление банковской системы на Тамбовщине: от прошлого, к настоящему // Саяпинские чтения : сб. материалов круглого стола, Тамбов, 15 января 2015 года / В. М. Юрьев. Тамбов: Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2015. Вып. 8. С. 7–14.

¹⁸² См.: Там же. С.8–9.

Общество взаимного кредита, функционировавшее на принципах коллективной поруки и солидарной ответственности, выступило в качестве третьего кредитного института на территории Тамбова, где его участники одновременно выступали в роли собственников и заемщиков. В дореволюционной России сеть подобных обществ отличалась наибольшей разветвленностью, насчитывая более 500 филиалов. На территории Тамбовской губернии действовали 6 аналогичных структур взаимного капитала, расположенных в Борисоглебске, Шацке, Козлове, Моршанске и Кирсанове.

На территории Тамбовской губернии находились отделения Государственного крестьянского поземельного банка и Дворянского земельного банка, которые были учреждены в 1884 и 1885 гг. соответственно. Государственный крестьянский поземельный банк предоставлял займы на 24,5 года под 8,5% годовых или на 34,5 г. под 7,5% годовых (до 500 руб. на заемщика под залог земли). Дворянский земельный банк, в свою очередь, специализировался на кредитовании под залог имений, где за первые 15 лет деятельности было заложено 1013 поместий¹⁸³. В совокупности Тамбовская губерния занимала второе место в Российской империи по объему выданных кредитов, третье по количеству заложенных имений и пятое по площади заложенных земель. В начале XX в. на территории губернии также активизировались филиалы коммерческих банков, включая Русский торгово-промышленный банк (ориентированный на текстильные предприятия, а также производство и реализацию зерновых), Волжско-Камский и Объединенный банки. В последующий период регион осуществлял сотрудничество с Орловским коммерческим и Русско-Азиатским банками.

Следует отметить, что разница между вышеуказанными губерниями проявлялась в роли муниципальных и кооперативных институтов. Например, Тамбовский Городской общественный банк (открытый в 1865 г.) демонстрировал стабильность, ориентируясь на депозиты и займы под залог ценных бумаг, с

¹⁸³ См.: Смагина В. В., Журавлева Г. П. Экономическая безопасность государства: национальные интересы // Вестник Тамб. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 7(123). С. 33–39.

основной клиентурой среди купцов (Асеевы, Толмачев). В свою очередь, Городской банк Орловской губернии столкнулся с финансовыми трудностями: к 1881 г. убытки достигли порядка 3 млн руб. и привели к банкротству данного учреждения. Общества взаимного кредита в Тамбовской губернии (1870 г.) имели шесть филиалов и фокусировались на купеческом сословии. В случае Орловской губернии, организации малого кредитования делали особый акцент на сфере крестьянского хозяйства.

Таким образом, развитие кредитно-финансовых институтов в Тамбовской и Орловской губерниях Российской империи отражало общенациональные тенденции реформирования денежно-кредитной сферы, стимулированные отменой крепостного права в 1861 г. и последующим экономическим ростом аграрных регионов. Обе губернии, относящиеся к Центрально-Черноземному району, характеризовались преобладанием сельскохозяйственного производства, что определяло ориентацию банков на финансирование землевладения, торговли зерновыми и промышленными инициатив. Тем не менее, траектории их банковских систем демонстрируют как структурные сходства, так и региональные специфики, обусловленные различиями в административных приоритетах и интеграции в общероссийские финансовые структуры.

Курская губерния, как и соседняя Орловская, представляла собой классический аграрный регион Центрального Черноземья с преобладанием зернового хозяйства, развитым экспортом хлеба, пеньки и других сельскохозяйственных товаров. Однако банковская инфраструктура здесь формировалась преимущественно под государственным контролем и с опорой на кооперативные и муниципальные формы кредита, что отличало ее от более коммерциализированной модели Орловской губернии.

Первым кредитным учреждением губернии стал Городской общественный банк Филиппова, открытый 26 марта 1865 г. по инициативе курского купца Филиппова, внесшего в уставный капитал 90 тыс. руб. Банк располагался на втором этаже дома купца Сыромятникова (ныне улица Дзержинского) и в течение полувека обслуживал торгово-промышленные нужды местного

купечества, поддерживая связи даже с европейским «Лионским кредитом». Ровно через полгода, 8 сентября 1865 г., начало работу Курское отделение Государственного банка Российской империи. Открытие состоялось по указу Сената от 31 мая 1860 г. с целью оживления местной промышленности и торговли. Первоначально отделение размещалось в доме купцов Волковых на Большой Московской улице (ныне улица Ленина). Первым управляющим стал А.Т. Фесенков. Основные операции включали учет векселей и срочных обязательств, выдачу ссуд под товары и ценные бумаги, прием вкладов, переводы и комиссионные операции. Уже в ноябре 1866 г. курское купечество официально ходатайствовало о расширении учетной операции, ссылаясь на значительные объемы торговли хлебом, крупчаткой, пенькой, салом, маслом, воском, мануфактурой и колониальными товарами. К началу XX в. обороты отделения выросли с 57 млн руб. (1903 г.) до 64 млн руб. (1912 г.)¹⁸⁴. С 1909 г., по аналогу с Елецким уездом, активно развивались хлебные агентуры для кредитования под залог зерна.

В период с 1884–1885 гг. в губернии действовали отделения Крестьянского поземельного банка и Дворянского земельного банка. До 1895 г. они находились под управлением управляющего отделением Госбанка, затем получили самостоятельное руководство. В 1913 г. для обоих учреждений было построено новое представительное здание (проект инженера Ф.О. Ливчака), сохранившееся до наших дней. Данные банки обеспечивали долгосрочное кредитование под залог земельных владений и способствовали перераспределению земельной собственности.

Характерной чертой Курской губернии стало широкое распространение учреждений взаимного кредита: Курское общество взаимного кредита (1901 г.), Курское купеческое общество взаимного кредита (1908 г.), а также уездные – Путивльское (1907 г.), Тимское (1910 г.), Рыльское (1913 г.). Данные закрытые общества обслуживали средние слои купечества и землевладельцев.

¹⁸⁴См.: Кузнецова Л. А. Финансовые учреждения российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв.: на примере Курской губернии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Курск, 2006. С. 15–24.

Значительное развитие получил мелкий кооперативный кредит: если в 1900 г. действовало всего 5 кредитных товариществ, то к 1916 г. их число выросло до 225 единиц, охватив около половины крестьянских хозяйств губернии. В уездах вышеуказанной губернии также открывались филиалы столичных акционерных банков (Петербургский Международный коммерческий банк, Соединенный банк и др.), однако их роль оставалась вспомогательной.

Подводя итог анализа Курской губернии, Орловская банковская система была более динамичной, коммерциализированной и интегрированной в общероссийский финансовый рынок, что обеспечивало быстрый рост, но повышало риски. Курская модель оказалась более консервативной, устойчивой и социально ориентированной благодаря доминированию государственного и кооперативного секторов. Настоящие различия отражали специфику местных элит: в Орле – сильная купеческо-промышленная группа (группа Полякова), в Курске – преобладание государственного аппарата и земского самоуправления. В итоге Курская губерния продемонстрировала большую устойчивость в периоды кризисов, в то время как Орловская – большой потенциал экономического роста.

Резюмируя все вышеуказанное относительно уездной организации банковского дела в Орловской губернии, необходимо отметить, что вторая половина XIX – начало XX вв. ознаменовалась значительными трансформациями в финансово-кредитной системе Российской империи, обусловленными административными реформами, развитием капиталистических отношений и интеграцией регионов в общероссийский экономический оборот. Орловская губерния, как типичный аграрный регион Центрального Черноземья, с преобладанием сельскохозяйственного производства испытывала острую потребность в кредитных ресурсах для поддержки торговли, землевладения и мелкого предпринимательства. Открытие филиалов банков в этот период способствовало мобилизации капитала, стимулированию товарно-денежных отношений и интеграции губернии в национальную финансовую сеть.

Анализ представленного подраздела также позволяет сделать вывод, что становление банковского дела в Орловской губернии представляло собой

органичный процесс интеграции региональной финансовой инфраструктуры в общероссийскую экономическую систему Российской империи, эволюционировавший под влиянием аграрной доминанты, государственной политики и социально-экономических трансформаций. Начиная с конца XVIII в., когда ранние формы кредитования опирались на ассигнационные конторы и примитивные механизмы ростовщичества, система постепенно институционализировалась, отражая переход от феодальных пережитков к капиталистическим отношениям, стимулированным реформами 1860-х гг. Ключевыми вехами стали открытие Орловского городского общественного банка в 1864 г., филиала Государственного банка в 1865 г. и Орловского коммерческого банка в 1872 г., которые обеспечивали кредитование торговли, сельского хозяйства и промышленности, способствуя интеграции губернии в национальный рынок и преодолению дефицита капитала в аграрно-ориентированном регионе.

Далее, развитие специализированных институтов, таких как земельные банки 1880-х гг. и кооперативные общества взаимного кредита конца XIX – начала XX вв., подчеркивало диверсификацию финансовых инструментов, ориентированных на поддержку помещиков, крестьян и купечества, что способствовало модернизации инфраструктуры и повышению экономической устойчивости. Факторы, обусловившие этот процесс, включали географическое положение губернии как торгового узла, промышленный рост и законодательную базу, гармонизировавшую региональные инициативы с центральной политикой, направленной на централизацию и стимулирование капиталистических трансформаций. Однако уязвимости системы, проявленные в банкротствах и кризисах, таких как финансовые махинации Орловского городского банка в 1883 г., иллюстрировали риски отсутствия строгого контроля и зависимости от внешних факторов.

Революционные события осени 1917 г. ознаменовались переходом контроля над этими филиалами к органам новой власти, что послужило катализатором для радикальных трансформаций в кредитной сфере. Один из начальных декретов Советской власти провозгласил национализацию банков, установив

государственную монополию на финансовые операции и интегрируя частные институты в структуру центрального банка с передачей их ресурсов. В Орловской губернии этот процесс реализовывался через решения местных исполнительных органов: в середине 1918 г. подверглись национализации и последующей ликвидации филиалы земельных банков, с делегированием их функций региональному подразделению государственного банка, включая передачу активов и документации¹⁸⁵.

Аналогичные меры распространились на коммерческие банки и общества взаимного кредита, приводя к их переименованию и ассимиляции в унифицированную систему народного банка. К осени 1918 г. национализация охватила филиалы в ключевых населенных пунктах губернии, включая Брянск, с преобразованием их в подразделения центральной структуры. Нормативные акты того периода также инициировали ликвидацию кооперативных обществ взаимного кредита и слияние казначейских функций с банковскими, консолидируя фискальные и кредитные потоки под единым управлением. В итоге национализационных кампаний 1918 г. под государственный контроль перешли разнообразные локальные финансовые организации, включая купеческие общества и городские банки в Орле, Брянске, Ливнах, Болхове, все из которых были интегрированы в региональный филиал народного банка¹⁸⁶.

Подводя итог всему разделу, можно сделать следующие выводы по разделу:

Кредитные практики в регионе коренятся в XIII в. с доминированием ростовщических отношений, переходящих в XVIII в. к использованию залоговых бумаг и векселей в частных конторах. Отсутствие полноценных банков до отмены крепостного права (1861 г.) обуславливало зависимость от государственных инициатив, направленных на преодоление дефицита капитала и высоких процентов частных кредиторов, что отражало феодальный характер экономики, ориентированной на поддержку дворянства и купечества.

¹⁸⁵ См.: Орловские известия. 1918. 16 июня. № 93.

¹⁸⁶ См.: ГАОО. Ф. 1512. Оп. 1. Д. 1 «а». Л. 21–23.

Отмена крепостного права стимулировала формирование земских банков (с 1860-х гг.), финансировавших сельское хозяйство и инфраструктуру; Орловский Городской Общественный Банк (1866 г.) расширял услуги для горожан и крестьян, но столкнулся с убытками в 1881 г., иллюстрируя риски без строгого контроля, с муниципальной ответственностью за депозиты.

Орловский филиал Государственного банка (открыт 15 сентября 1865 г., операции с 1 декабря) интегрировал функции Приказа общественного призрения, предлагая депозиты, краткосрочные ссуды и вексельные операции; к 1880 г. штат вырос, а услуги расширились (включая соло-векселя в 1884 г.), способствуя росту клиентской базы и экономической стабильности региона.

Деятельность хлебных ломбардов второй половины XIX – начала XX вв. в Орловской губернии представляет собой яркий пример поиска оптимальных институциональных механизмов поддержки аграрного сектора в условиях рыночной нестабильности и фискального давления. Несмотря на ограниченное распространение и последующее угасание, данный опыт продемонстрировал эффективность комбинации кредитно-складских функций и заложил основу для дальнейшего развития кооперативных и элеваторных форм сельскохозяйственного кредита в Российской империи.

Проведенный сравнительный анализ банковских систем Орловской, Курской, Тульской и Тамбовской губерний позволил не только выявить общие закономерности развития кредитно-финансовой инфраструктуры Центрального Черноземья в контексте пореформенной модернизации Российской империи, но и выделить ярко выраженные региональные особенности Орловской губернии, обусловленные ее выраженной аграрно-экспортной специализацией и эффективным балансом государственной регуляции и частной инициативы.

Сравнение с Тульской губернией, где банковская сеть сочетала аграрный и промышленный (оружейный, металлургический) сектора, убедительно демонстрирует чисто аграрно-экспортную направленность Орловской модели. В Туле наблюдалось значительно большее число уездных общественных банков, что отражало более диверсифицированную экономику региона. Однако именно

эти учреждения в наибольшей степени пострадали от кризиса 1880-х гг., когда активы неакционерных коммерческих банков сократились. Орловская губерния, напротив, продемонстрировала большую устойчивость: при меньшем количестве локальных общественных банков здесь доминировал Орловский коммерческий банк (1872–1908 гг.), который не только успешно пережил кризис, но и расширил сеть до 22 отделений в 12 губерниях, обслуживая зерновой экспорт Центрального Черноземья по железным дорогам (Риго-Орловское, Либаво-Роменское направления). Это обеспечило Орловщине более глубокую интеграцию в общероссийский рынок и преимущество в финансировании крупномасштабной хлебной торговли, в то время как Тульская система оставалась более локальной и зависимой от промышленных конъюнктур. Таким образом, аграрная специализация Орловской губернии, в отличие от промышленно-диверсифицированной Тульской, способствовала формированию более устойчивой и экспансивной модели коммерческого кредитования.

Сопоставление с Тамбовской губернией, экономика которой также была преимущественно зерновой и ориентированной на экспорт, выявляет сходство основных вызовов (дефицит капитала после отмены крепостного права, потребность в долгосрочном земельном кредите). Тамбовская губерния сохранила 25 % активов городских банков к 1890 г., что несколько выше орловского показателя, однако Орловская губерния отличалась более динамичной коммерческой составляющей: Орловский коммерческий банк превосходил тамбовские аналоги по масштабам операций и географическому охвату. Кроме того, в Орловской губернии раньше и активнее развивались институты мелкого крестьянского кредита: уже в 1869 г. было создано Орловское общество взаимного кредита, а после закона 1895 г. и Столыпинской реформы число кредитных и ссудо-сберегательных товариществ к 1913–1915 гг. достигло значительных показателей (в районе Орловского отделения Государственного банка действовало около 192 учреждений, а количество участников отдельных

товариществ выросло в 4,5 раза)¹⁸⁷. Вышеуказанное свидетельствует о более выраженной ориентации банковской инфраструктуры Орловской губернии на нужды крестьянского хозяйства и товарного земледелия по сравнению с купеческо-ориентированными формами в Тамбовской губернии.

Таким образом, банковская система Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. представляла собой органичный синтез государственной регуляции, частной инициативы и специфических потребностей аграрно-экспортного региона. От ранних ассигнационных контор и Приказа общественного призрения в конце XVIII в. она эволюционировала к полноценной трехуровневой структуре: отделениям Государственного и земельных банков, мощному Орловскому коммерческому банку и разветвленной сети кооперативных учреждений мелкого кредита. Ключевыми вехами стали открытие городского общественного банка (1864 г.), отделения Государственного банка (1865 г.) и Орловского коммерческого банка (1872 г.), которые обеспечили финансирование зерновой торговли, активизацию товарно-денежных отношений и интеграцию губернии в национальный рынок.

Уникальность Орловской модели заключается в эффективном балансе центрального регулирования и локальной адаптивности: государственные институты обеспечивали стабильность и долгосрочное кредитование землевладения, а частный капитал (в лице Поляковской группы и местных купцов) – оперативность и межрегиональную экспансию. Несмотря на отдельные уязвимости, проявившиеся в банкротстве Орловского городского общественного банка в 1883 г. вследствие растрат, общая система оказалась устойчивой благодаря тесной связи коммерческого банка с региональной элитой (купцы, землевладельцы, земские деятели). Факторы географического положения как торгового узла, развитой сети железных дорог и последовательной государственной поддержки аграрного кредита обусловили успешную адаптацию региона к капиталистическим отношениям, что выделяло Орловскую губернию

¹⁸⁷ См.: Романова А. А. Развитие мелкого кредита в Орловской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Финансы и кредит. 2011. № 3(435). С. 79–80.

среди соседних территорий по степени интеграции в национальный и межрегиональный рынки.

В результате Орловская губерния превратилась в один из наиболее динамичных аграрно-экспортных центров Центрального Черноземья, где банковская инфраструктура не только стимулировала рост товарности сельского хозяйства и капитализацию производства, но и способствовала преодолению феодальных пережитков, формированию единого экономического пространства и закладке основ современной финансовой системы региона. Сравнительный анализ с Тульской и Тамбовской губерниями убедительно демонстрирует, что опыт Орловской модели, сочетавшая в себе аграрную специализацию с мощным коммерческим звеном и активным развитием крестьянского микрокредита, оказалась одной из наиболее эффективных в рамках имперской банковской политики. Она обеспечила региону конкурентные преимущества в условиях пореформенной модернизации России, подчеркнув значение локальных факторов в общенациональном процессе капиталистической трансформации. Полученные результаты вносят вклад в изучение региональных аспектов экономической истории Российской империи и открывают перспективы для дальнейших исследований механизмов взаимодействия центра и периферии в развитии финансовой системы страны.

РАЗДЕЛ 2. СТРУКТУРА И ОРГАНИЗАЦИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1864–1917 ГГ.

2.1. Организация и деятельность Орловского общественного банка (1864 – 1884 гг.)

В контексте экономических преобразований Российской империи второй половины XIX в. городские общественные банки выступали как важные элементы региональной финансовой архитектуры, способствуя локальному развитию торговли, сельского хозяйства и инфраструктуры. Данные учреждения, возникшие в эпоху реформ 1860-х гг., сочетали коммерческие функции с элементами муниципального финансирования, что делало их уязвимыми к локальным кризисам и управленческим рискам. Орловский городской общественный банк, функционировавший в аграрно-ориентированной Орловской губернии, служит показательным примером такого института. Его исторический опыт от основания до краха отражает более широкие процессы модернизации империи, где амбициозные экономические инициативы сталкивались с вызовами несовершенного регулирования и региональных диспропорций. В рамках настоящей диссертации, опираясь на архивные и историографические источники, был рассмотрен процесс создания банка, его операционную деятельность, состав высшего руководства, а также причины и последствия банкротства, подчеркивая взаимосвязь этих аспектов с более широкими тенденциями в банковской системе империи.

Создание Орловского городского общественного банка было напрямую связано с либерализацией финансовой политики в период Великих реформ Александра II. В 1860-е гг., после отмены крепостного права в 1861 г., государство стремилось к децентрализации кредитных ресурсов, чтобы стимулировать экономическую активность в провинциях. Городские общественные банки, регулируемые Положением о городских общественных банках от 1862 г., учреждались под эгидой местных дум и сословных обществ, с обязательным внесением части прибыли в муниципальный бюджет. В случае

Орла инициатива исходила от Орловской городской думы и обществ купцов и мещан, которые видели в банке инструмент для поддержки локальной торговли, преимущественно аграрной.

Главным зданием банка выступил дом купца Перелыгина, который представляет собой отдельный памятник архитектурного наследия Орловской губернии. Так, в рамках урбанистической эволюции провинциальных центров Российской империи вторая половина XIX в. ознаменовалась активным строительством купеческих особняков, которые не только отражали социально-экономический статус их владельцев, но и интегрировались в общественную инфраструктуру городов. Дом купца Перелыгина в Орле, расположенный на улице Московской, 29, представляет собой типичный пример такого сооружения, сочетающего элементы жилой архитектуры с последующим многофункциональным использованием. Данное здание, возникшее в период промышленного подъема Орловской губернии, иллюстрирует переход от частного владения к общественному назначению, отражая более широкие процессы модернизации империи.

Строительство дома купца Перелыгина было тесно связано с экономическим расцветом Орловской губернии в середине XIX в., когда аграрный регион начал развивать промышленные предприятия. Инициатива принадлежала братьям Перелыгиным – Петру и Алексею Николаевичам, орловским купцам, основавшим в 1854 г. чугунолитейный завод, который стал предшественником современного предприятия «Текмаш». Заложенный 9 июня 1856 г. Алексеем Николаевичем Перелыгиным, дом предназначался для личного проживания и демонстрации статуса почетного гражданина. Проект был разработан архитектором Николаем Тимофеевичем Ефимовым, что подчеркивало профессиональный подход к строительству в провинции. Возведение основной части и правого крыла завершилось к 1858 г., хотя левое крыло так и осталось незавершенным из-за финансовых обстоятельств. Данное сооружение стало символом купеческого предпринимательства, интегрируя элементы промышленного производства: чугунные детали, такие как балконы и перила,

были изготовлены на собственном заводе Перелыгиных. В 1863 г., столкнувшись с необходимостью финансирования реконструкции Покровской церкви, поврежденной пожаром 1848 г., Алексей Перелыгин продал недостроенный дом городу, что ознаменовало переход от частной собственности к муниципальному использованию. Этот акт не только отразил филантропические мотивы купца, но и заложил основу для дальнейшей интеграции здания в городскую жизнь Орла.

Архитектурная структура дома купца Перелыгина воплощает принципы эклектики, характерной для городской застройки империи того периода, с элементами классицизма и промышленного дизайна. Вышеуказанное двухэтажное кирпичное угловое здание, состоящее из центрального корпуса и правого крыла, ориентированного на перекресток улиц. Внутренняя планировка включала жилые помещения на верхнем этаже и служебные – на нижнем, с подвалом, где позже обустроили хранилища. Необходимо отметить тот факт, что долгое время не удавалось достоверно подтвердить первоначальный план здания, однако, уже в 2016 г., в работе К.А. Седойкиной¹⁸⁸ были представлены чертежи и эскизы дом купца Перелыгина (См. Приложение № 2: Рисунок 2.5).

Исходя из анализа вышеуказанного источника, можно установить, что первоначально, помимо центрального здания, план предусматривал два боковых флигеля с отдельными входными воротами, которые, к сожалению, не сохранились в настоящее время. В 1877 г. под руководством городского архитектора Ивана Федоровича Тибо-Бриньоля, академика архитектуры, были проведены реконструкции подсобных построек и каменного корпуса, усилившие функциональность здания.

Основной капитал каждого общественного городского банка (Орловской губернии, в частности), на момент его учреждения, составлял не менее 10 тыс. руб. В соответствии с Положением о городских банках¹⁸⁹, кредитное учреждение несло полную отчетность пред городской Думой.

¹⁸⁸ См.: Тибо-Бриниоль И. Ф. Расцвет архитектуры Орла XIX века: ист. лит. / К. А. Седойкина. М.: Наша молодёжь; Орёл: Орловский дом литераторов, 2016. 279 с.

¹⁸⁹ См.: ГАОО. Ф. 714. Оп 1. Д. 362. Л. 245 «б».

Переходя к исследованию структуры банка, в первую очередь, следует рассмотреть роль и деятельность Правления как центрального органа управления. В Правление Орловского городского банка входил сам Директор банка и два товарища, избираемых простым большинством голосов из числа его членов. Необходимо отметить тот факт, что учредительные документы банка не исключали возможность вступления в должность Директора городского банка городским главой, однако, совмещение должностей не допускалось¹⁹⁰.

Отдельного внимания заслуживает процесс формирования капитала городских банков в Российской империи, например, формирование минимального капитала осуществлялось не только за счет государственных средств, но и посредством частных вложений и пожертвований¹⁹¹. Способ образования минимального капитала существенно влиял на структуру кредитной организации. Так, в случае, когда банк был образован за счет частных инвестиций, инвестор был вправе самостоятельно определять форму и срок полномочий Директора и его товарищей. Более того, вышеуказанному учредителю предоставлялось право занимать пост попечителя или же почетного Директора с правом получать все необходимые сведения об операционной деятельности банка.

В состав Правления также входили структурные подразделения:

1. Касса, заведование которой возлагалось на одного из товарищей Директора по назначению Правления.
2. Канцелярия, во главе которой состоял бухгалтер, а также лица, которые обеспечивали учет и введение документации.
3. Операционные работники, которые непосредственно обслуживали финансовые операции между банком и его клиентами.

В функциональные обязанности Директора и его Товарищей входило: контроль и надзор за операционной деятельностью банка; обеспечение безопасности хранения капитала в ячейках банка (в кассах); рассмотрение

¹⁹⁰ См.: Там же. Л. 247.

¹⁹¹ См.: Там же. Л. 248.

трудовых споров, а также введение деловой переписки; созыв общих собраний с предварительной публикацией в местной газете.

При вступлении в должность Директор, а также Товарищи подписывали нормативные документы, которые в современной юриспруденции относятся к соглашению о неразглашении банковской тайны¹⁹². Помимо административного поста, Директор банка и его Товарищи на все время исполнения своих обязанностей также освобождались от службы в иных государственных структурах. Более того, вышеуказанным лицам предоставлялось право носить мундир Министерства Финансов: для Директора – знаки отличия седьмого разряда, а для его Товарищей – мундир восьмого разряда.

Юридическое положение городского общественного банка характеризовалось наличием отдельного адреса регистрации юридического лица, а также собственной гербовой печати. Аренда, покупка здания или помещения осуществлялось по соглашению Правления и собственника здания. Вся деловая переписка, залоговые документы и иные ценности хранились в выделенном месте (кладовой банка). По всем распоряжениям банка составлялся журнал, который утверждался Директором общественного банка. Все журналы с корреспонденцией пронумеровывались и направлялись на хранение в Канцелярию. По всем операциям банк был обязан ввести следующие формы отчетности: журнал корреспонденции, кассовую и главную книги. Ответственность за материальную базу финансовой организации возлагалась не только на само юридическое лицо, но и на его учредителей. По истечению каждого финансового года, Правление составляло отчет о действиях банка в минувшем финансовом году. В данном документе указывались сведения о состоянии финансовых капиталов кредитного учреждения: учет и размер всех вкладов, векселей и залоговых обязательств. Вышеуказанный отчет издавался на ежегодной основе, но не позднее 15 февраля следующего финансового периода.¹⁹³ Настоящую документацию Правление представляло в городскую Думу, которая осуществляла финансовый мониторинг.

¹⁹² См.: Там же. Л. 249.

¹⁹³ См.: Там же. Л. 250.

Обращаясь к теме операционной деятельности Орловского общественного банка, представляется необходимым систематизировать общие направления деятельности данного кредитного учреждения. К ключевым операциям банка относились: принятие и выдача вкладов; учет векселей; выдача ссуд; покупка и продажа ценных бумаг (акций и облигаций).

При оказании депозитарных услуг Орловский общественный банк руководствовался рядом руководящих правил. Так, согласно учредительному документу, выдача займов сроком свыше 9 месяцев производилась лишь в рамках имеющихся у банка свободной суммы к ее погашению. Также в целях сохранности активов банка, сумма всех обязательств кредитной организации не должна превышать его оборотов самого (основного и запасного капиталов). Также следует отметить тот факт, что наличные средства, которые не использовались в экономическом обороте, подлежали уплате в Государственный банк.

Сопровождение вкладов играло ключевую роль в жизни Орловского Общественного банка. В соответствии с материалами архивных данных¹⁹⁴, вверенные банку вклады обеспечивались поручительством городского общества (Думой). Вклады принимались как от физических лиц любой сословной принадлежности, так и от казенных обществ, государственных учреждений и иных организаций. Под открытием вклада частным лицом подразумевалось внесение денежных средств или иных материальных ценностей на хранение в пользу банка под уплату процента за пользования средствами сроком от 3 до 20 лет с правом востребования или же на неопределенных срок без такого. Условия договора вклада носили гибкий характер, так, например, вкладчик мог установить по своему усмотрению выгодоприобретателя по процентам при условии отдельного письменного заявления¹⁹⁵. Вместе с тем, следует отметить, что Орловский общественный банк принимал вклады только крупными суммами в наличной форме в размере не менее 50 руб. Исключением из вышеуказанного

¹⁹⁴ См.: Там же. Л. 250–260.

¹⁹⁵ См.: Там же. Л. 251.

правила составляли «специальные вклады», которые подразумевали отказ от выплат за пользование денежными средствами со стороны банка.

При открытии вклада, банк выделял каждому вкладчику соответствующий билет, утвержденный подписью всех членов Правления. Билеты банка на сумму до 300 руб. были исключительно именными, а в случаях, когда сумма превышала указанный порог – неименными (также по личному усмотрению самого вкладчика). Именные вклады составляли исключительную собственность вкладчиков и не могли быть переданы другим лицам. Таким образом, неименные вклады могли быть инструментом не только накопления капитала, но предметом залоговых отношений. Размер выплат (процентов) по вкладам определялся Правлением совместно с городской Думой. Средний размер выплаты по вкладам, исходя из ведомостей Орловского Общественного банка, составлял 5 % годовых¹⁹⁶. Следует отметить тот факт, что банки могли предоставлять дополнительные выплаты или же более высокий процент по вечным вкладам.

Особый исследовательский интерес вызвал тот факт, что при подсчете итоговых выплат за пользование финансовыми средствами вкладчиков, банк не учитывал сложный процент (проценты на процент прибыли по вкладу). Банк брал на себя обязательство по возврату вложенных средств как в полном объеме, так и по частям (отдельными траншами). Выплата производилась исходя из реквизитов билета кредитной организации. В случаях утраты настоящего документа, банк в ускоренном порядке предоставлял новый, однако, если сумма билета превышала сумму в 1000 руб., клиент был обязан письменно уведомить об этом сам банк и не менее чем за год до момента его востребования¹⁹⁷. Пролонгация договорных обязательств по вкладным операциям предусматривалась лишь исключительно в заявительном порядке. В случае смерти вкладчика, его именные билеты переходили по наследству.

Не менее важной деятельностью в жизни Орловского Общественного банка являлся учет векселей. К учету в банк допускались векселя от лиц, имеющих

¹⁹⁶ См.: Там же. Л. 270–360.

¹⁹⁷ См.: Там же. Л. 252.

обязательство в форме векселя, под 5 % годовых купонами кредитной организации. Банк принимал к учету векселя от лиц: обеспеченных финансовой благонадежностью; не состоявшими в долговых обязательствах более 12 месяцев; проживавшими в том же регионе, где был зарегистрирован сам банк.

Вексель подлежал к учету банк исключительно на гербовой бумаге государственного образца. Запрашиваемая сумма по векселю, при благонадежности подписанта, не могла служить основанием для отказа. Прием к учету векселей, выданных членам Правления банка, осуществлялся в случае, когда сам банк не был имел интереса к переоценке благосостоянию заемщика. По общим правилам, банк принимал вексель у учета или отказывался от такого основываясь на степени доверия, которого заслуживали участвующие в векселе лица, а также на основании их торгового оборота. Допущенные к учету бумаги должны были быть засвидетельствованы Директора банка и его Товарищей.

Вексель, признанный неблагонадежным, мог быть предоставлен вновь к учету только в тех случаях, когда он будет гарантирован поручительством. Ученный процент определялся Правлением кредитной организации совместно с городским главой и членами Думы. Проценты по вышеуказанному обязательству взымались по числу дней, оставшихся со дня разрешения выдачи денежных средств из банка и до последнего льготного дня. Если векселедатель оказывался несостоятельным, то до истечения срока бумаги, учтенной банком, в письменной форме извещался сам предъявитель с требованием в течении 20 дней выкупить неблагонадежный актив либо осуществить его замену. Платеж по векселям мог быть принят как от векселедателя, так и от предъявителя, поручителя или третьего лица. В случаях, когда надлежащие платежи по векселю не исполнялись, тогда он поступал в протест с последующим исполнительным производством. В рамках процедуры взыскания долга, банк назначал одного из своих членов, который отвечал за опись и реализацию долга в пользу кредитной организации.

Центральную роль в деятельности Орловского общественного банка служило предоставление займов (ссуд). Так, городской общественный банк был вправе предоставлять кредит под залог: ценных бумаг, товаров, драгоценных

вещей, а также под залог недвижимого имущества. В ссуду одному лицу могла быть предоставлена сумма, не превышающая одной десятой части собственного капитала банка. Вместе с тем, в «особых случаях»,¹⁹⁸ при несомненной благонадежности залога, размер займа мог составлять не более одной пятой части капитала кредитной организации. Размеры процентов по ссудам определялись Правлением банка совместно с городским главой и представителями местной Думы. Выплата процентов по кредитам осуществлялась на следующие сроки: в случае займа до 1 года – выплата осуществлялась сразу на все время кредита; в случае займа на срок более 2 лет – выплата процентов осуществлялась на ежегодной основе.

Следует обратить внимание на тот факт, что заемщику не запрещалось исполнить свое обязательство досрочно, однако, сумма уплаченных процентов за пользование денежными средствами не компенсировалась.

Орловский городской общественный банк также предоставлял своим клиентам ссуды под залог ценных бумаг Государственного Казначейства и Государственного Комитета Погашения Долгов. В число наиболее распространенных билетов входили: государственные билеты под 5 % годовых, билеты Центрального банка под 4 % годовых. Следует отметить, что в предмет залога входили билеты, срок возврата по которым, составлял не более 9 месяцев. Акции и облигации частных компаний принимались в залог в случаях, когда их биржевой курс был не ниже их номинальной стоимости или первоначальной цены размещения. В случаях, когда цена акций и облигаций частных компаний понижались более чем на 10 %, то компания была обязана обеспечить банк новым залоговым активом или уплатить дополнительную выплату¹⁹⁹.

Таким образом, ссуды по ценным бумагам не могли превышать вышеупомянутых пределов относительно их цен по биржевому курсу²⁰⁰, а именно:

1. По билетам Государственного Казначейства – 95 %.

¹⁹⁸ См.: Там же. Л. 255.

¹⁹⁹ См.: Там же. Л. 257.

²⁰⁰ См.: Там же. Л. 257–258.

2. По билетам Государственного Комитета Погашения Долгов – 90 %.
3. По билетам городских общественных банков – 75 %.
4. По акциям и облигациям государственных компаний – 60 %.
5. По иным видам активов – 50 %.

При предоставлении вышеуказанного вида ссуды, банк брал от заемщика письменное обязательство предоставить предмет залога и исполнить обязательства по договору займа к назначенному сроку. Следует отметить, что заемщик отвечал не только предметом самого залога, но и нес субсидиарную ответственность по займам. Срок выдачи кредитов под залог ценных бумаг варьировался от 3 месяцев до 1 года.

Широкое распространение в деятельности Орловского городского общественного банка получило кредитование под залог товаров. В предмет настоящего залога принимались важнейшие производимые или привезенные товары, которые могли быть реализованы посредством оптового сбыта. Предоставляемые в залог товары должны были быть переданы на хранение в городской банк. Закладываемые товары, за исключением металлов, должны были быть застрахованы от огня в полной их стоимости. При прошении о выдаче ссуды под залог товаров, банк назначал двух своих представителей для первичного осмотра предмета залога, его качества и количества. После процедуры оценки материальных ценностей, банк самостоятельно определял лимиты по кредиту. Поверка товара, который находился на хранении в банке, осуществлялся на еженедельной основе. Как правило, срок займа, с учетом запросов заемщика и степенью прочности товара, составлял от 3 месяцев до 9 месяцев включительно. По мере выплаты в рамках кредитного договора, заемщик был вправе получать соответствующую часть залога (если было предоставлено несколько единиц товара). При выдаче подобного кредита, заемщик брал на себя обязательство по выкупу предмета залога по оговоренной цене у городского банка. Более того, в случае неисполнения своих обязанностей, заемщик отвечал не только суммой самого залога, но и всем другим своим имуществом.

Под категории «товары» также входили драгоценные металлы, однако, банк предусматривал несколько иные условия для их залога. Так, кредит под залог ценных металлов предусматривал предоставление со стороны заемщика следующие виды драгоценностей: жемчуг, золото, платина, серебро, драгоценные камни и иные ювелирные изделия, которые не были подвержены порче. Следует отметить тот факт, что залогов в форме икон или драгоценных вещей с изображением религиозного характера банком не принимались. В компетенцию Правления городского банка, в данном вопросе, входило наблюдение за сохранностью предмета залога, его надлежащего хранения, а также проверка сделки на предмет незаконного сбыта. Подобные товары принимались в залог исключительно в специальных сундуках, ящиках и футлярах. Банк нес полную материальную ответственность за сохранность вышеуказанных предметов. Оценка данного предмета залога осуществлялась представителями банка, ювелирами на основе веса, пробы, а также количества драгоценных камней и инкрустаций. Следует отметить тот факт, что кредит предоставлялся на сумму, которая не превышала половины стоимости от суммы оценки самой кредитной организации. Срок предоставления ссуды по драгоценным металлам составлял от 6 до 12 месяцев.

Наиболее крупными видами залоговых отношений Орловского городского общественного банка составляли кредиты под залогов недвижимого имущества. Подобные займы предусматривали учет следующих видов зданий и сооружений: торговые дома, лавки, фабрики, заводы и иные жилые и нежилые постройки, расположенные на территории города. В пакет документов для предоставления данной ссуды входили: купчая на имущество, свидетельство городской палаты или местного Магистрата о принадлежности объекта недвижимости заемщику и об отсутствии на него иного обременения, страховое свидетельство от огня. В случаях, когда собственник хотел осуществить капитальный ремонт или возвести новую пристройку, он обращался с прошением к банку при условии, что итоговая рыночная стоимость предмета залога не уменьшится. При предоставлении настоящего залога также проводилась процедура оценки имущества со стороны

банка. Так, кредитная организация обращалась в городскую Думу для проведения соответствующей процедуры. При оценке имущества учитывалось степень доходности участка, рыночная стоимость и качество материалов постройки. Ценность земельного участка определялась комиссией, исходя из доходов и выгод местоположения объекта. Следует отметить тот факт, что земля, которая не приносила доходности банком в залог не принималась. В зависимости от сословной принадлежности заемщика, акты описи недвижимого имущества удостоверялись либо Уездным Предводителем дворянства или городской Думой для мещан и купцов всех гильдий. Срок ссуды по вышеупомянутым операциям составлял от 1 до 3 лет для деревянных построек, а для каменных строений – до 12 лет включительно.

Распределение прибыли в данной финансовой организации осуществлялась исходя из показателей годового оборота. Как правило, от 10 до 12 % чистой прибыли банка направлялась в резервный фонд (запасной капитал банка). Резервный капитал предназначался преимущественно под покрытие убытков городского банка по операциям. В отдельных случаях, с предварительного разрешения городской Думы, часть средств из запасного капитала могла быть обращена на усиление основного капитала, а также могла быть направлена на благотворительные нужды.

Опираясь на опись имущества²⁰¹, принадлежащему Орловскому городскому банку, удалось реконструировать строение и внутреннее убранство отделения банка в 1884 г., а также изучить распределение и назначение комнат главного корпуса дома купца Перелыгина. Следует отметить тот факт, в газете «Орловский вестник» от 25 августа 1884 г. (выпуск № 226)²⁰² впервые упоминается об описи имущества банка, которая представляет собой объемный документ, содержащий предварительный валовой счет имущества и долгов Орловского общественного банка, заверенный подписями присяжных попечителей Я.А. Лебединского и Н.П.

²⁰¹ См.: Там же. Л. 32–35.

²⁰² См.: Там же. Л. 64.

Афонского. В разделе «недвижимое имущество» вышеуказанного документа²⁰³ указывается два каменных двухэтажных дома с флигелями, надворными строениями и усадебным местом на Московской улице, принадлежащему прежде потомственному Почетному гражданину Алексею Николаевичу Перельгину, доставшимся банку за 62151.34 руб. Переходя к теме организации пространства банка, в зависимости от целевого назначения, она подразумевала следующее деление: присутственная комната, приемная комната, кладовая, комната для экспертов и столовая. В каждом помещении располагались диваны, письменные столы, кресла, преимущественно выполненные из дуба и ясеня. Для удобства клиентов были оборудованы специальные зоны ожидания с отдельными столами и водоочистительными машинами. Помимо канцелярских товаров, в предмет декора входили иконы (с оправами и без), а также портреты всех директоров банка (Чибисова и Авилова). Содержание и состав внутреннего убранства банка говорили об успешном характере его деятельности.

Финансовые показатели Орловского общественного банка с момента его основания в 1864 г. и по 1882 г. носили исключительно положительный характер. Так, база вкладчиков постоянно расширялась, превысив показателей более чем в 3 тыс. человек. Однако, на уже рубеже 1883–1884 гг. банк, к неожиданности его клиентов и массовой общественности, объявляет о своем банкротстве. Исходя из материалов газеты «Орловские ведомости» от 25 августа 1884 г. (выпуск № 64),²⁰⁴ определением Орловского окружного суда от 27 июня 1884 г. было объявлено о несостоятельности Орловского общественного банка. В рамках вышеуказанного документа, было принято решение о наложении ареста на недвижимое имущество финансовой организации, а также начале процесса по принятию исковых требований от вкладчиков. Присяжными попечителями по делу о банкротстве были назначены присяжные поверенные Я.А. Лебединский и Н.П. Афонский.

К сожалению, в Государственном архиве Орловской области не сохранились подлинные финансовые отчеты за каждый год деятельности

²⁰³ См.: Там же. Л. 67.

²⁰⁴ См.: Там же. Л.63.

Орловского общественного банка, которые позволили бы отследить динамику и причины подобного регионального финансового коллапса. Вместе с тем, благодаря архиву Орловского окружного суда, материалах ликвидационной комиссии и исковых требований клиентов, в рамках настоящего исследования удалось воссоздать хронику и причины резонансного банкротства Орловского банка.

Орловский окружной суд Гражданского отделения приступил к рассмотрению дела о несостоятельности Орловского общественного банка 29 мая 1884 г.²⁰⁵ Процесс конкурсного производства, согласно газете «Орловский вестник» № 75 от 3 октября 1884 г.²⁰⁶, начался 14 октября 1884 г. в целях выбора кураторов и учреждения конкурсного управления по делу о несостоятельности банка. Следует отметить, что данный судебный процесс носил публичный характер и получил широкое освещение в средствах массовой информации того периода. Так, в газета «Орловский вестник» в своем номере (№261) от 15 октября 1884 г.²⁰⁷, в целях внесения ясности для вкладчиков финансовой организации, опубликовала проект валового счета Орловского общественного банка.

В основу обвинения легли материалы временной комиссии, избранной для ревизии банка. Она была учреждена накануне гражданского процесса – 23 апреля 1884 г. Настоящий надзорный орган детально проанализировал деятельность Орловского общественного банка за период с 14 марта 1883 г. по 1 апреля 1884 г. На рассмотрение в судебной инстанции комиссией был предоставлен доклад²⁰⁸, содержащий комплексный анализ операционной деятельности банка и деятельности его сотрудников. Изучив ведомость о движении средств, отраженных в кассовой книге банка (оригинала не сохранилось), комиссия отметила, что баланс кредитного учреждения на 1 августа 1883 г. не соответствовал «действительному положению дел банка...отчет был составлен

²⁰⁵ См.: Там же. Л.2.

²⁰⁶ См.: Там же. Л. 220.

²⁰⁷ См.: Там же. Л..221.

²⁰⁸ См.: Там же. Л.14.

неверно»²⁰⁹. Как известно, Орловский общественный банк производил широкий спектр операций по векселям, вкладам и ссудам. Именно они стали предметом особого внимания для комиссии. Согласно вышеуказанному докладу, банк при осуществлении залоговых операций по векселям никогда не ввел списка кредитуемых лиц, не отмечая действительного размера предоставляемых займов. Более того, комиссия установила следующее: «...часть кредитуемых лиц у членов Правления и учетного Комитета банка состояли в родственных или деловых связях. Более того, вышеуказанной группе лиц предоставлялись большие льготы в пользовании векселями без учета суммы имеющегося долга и текущего достатка. Прямым последствием такого порядка оказалось, что сумма просроченных векселей достигла до 1.876.328. руб. 59 коп., из них было взыскано лишь 5259 руб. 41 коп.»²¹⁰ Более того, были отмечены случаи принятия векселей к учету от несовершеннолетних лиц.

В деятельности банка по выдаче ссуд также были выявлены финансовые нарушения. Так, в нарушение 137 статьи Положения о городских банках²¹¹, в соответствии с которой в ссуду выдается сумма, не превышающая половины стоимости обеспечения кредитного обязательства. В ходе проведения проверки, были выявлены факты предоставления кредитов по завышенной стоимости. Например, в деле приводится случай мещанина Красновского, которому был предоставлен займ в размере 11 тыс. руб. под залог дома, оценочная стоимость которого была оценена также в 11 тыс. руб.²¹² Таким образом, банк нарушил правило о предоставлении кредита в размере не превышающую половину стоимости залога. Фактически, вышеупомянутое лицо получило беспроцентный кредит для своих нужд. Более того, комиссия утверждала факты предоставление кредитов под залог недвижимости, которая оценивалась по завышенной цене либо вовсе не принадлежащей заемщику. На ряду с этим, в докладе описываются случаи предоставление займа без оформления обязательной описи имущества,

²⁰⁹ См.: Там же. Л. 13.

²¹⁰ См.: Там же. Л. 14.

²¹¹ См.: Там же. Л. 245 «б» – 260.

²¹² См.: Там же. Л. 13.

оформление документов «задним числом», а также оформление документов не на типовых бланках и без гербовой печати. В качестве примера описывается прецедент гражданки Генриховой, где на основе описи имущества от 1874 г. ссуда была выдана и оформлена в 1882 г.²¹³

Исходя из анализа отчетной и деловой документаций, оценка деятельности Правления банка также носила неудовлетворительный характер. Так, по мнению комиссии, Правление не принимало своевременных мер по устранению финансовых убытков банка. В докладе указывается тот факт, что руководство не принимало никаких мер, связанных с финансовыми убытками и эксплуатации здания. Так, расходы на обслуживание дома купца Перелыгина (здания банка) выделялось 5094 руб., а фактический приход средств финансовой организации составлял 835 руб.

Нарушения были обнаружены и при осуществлении операций с ценными бумагами. Комиссией было установлено, что при выдаче ссуд под обеспечение ценных бумаг на сумму в 14500 руб., однако, по виду акций и облигаций банк эмитировал свои же билеты, выдавая кредит самому себе²¹⁴. Злоупотребления были обнаружены в обслуживании вкладов клиентов: в зависимости от благосостояния лиц, банк предоставлял разные условия и ставки по вкладам.

В заключительной части доклада пришла к выводу о том, что вышеуказанные действия банка «... носили умышленный характер с целью возбудить доверие публики к банку и ввести в заблуждение Думу»²¹⁵. В качестве аргументации своей позиции, надзорный орган указывал на ложные сведения в балансе организации, которая наиболее ярко проявлялась в завышении показателей вновь открывшихся вкладов. Фактически, новых вложений в капитал банка не только не поступало, но и большинство вкладов были вовсе сфальсифицированы путем переписи старых билетов банка на новые. Таким образом, банк отразил в своей отчетности доход на сумму 184194 руб. 15 коп. Помимо ложного прихода, общественный банк прокатывал выдачу билетов

²¹³ См.: Там же. Л. 14.

²¹⁴ См.: Там же. Л. 14.

²¹⁵ См.: Там же. Л.15.

юридическим лицам, проценты по которым направлялись в другие финансовые учреждения за пределами Орловской губернии без предварительного одобрения со стороны городской Думы. По расчетам комиссии, из всей суммы вкладов в 171292 руб. 88 коп., лишь 110442 руб.73 коп. оказались достоверными²¹⁶.

Согласно залоговой книге банка²¹⁷, вышеуказанной кредитной организации было должно под залог недвижимого имущества 119 лиц на сумму в 685506.95 руб., а под залог движимого – 11500 руб. Среди наиболее известных лиц, упоминаемых в залоговой книге Орловского общественного банка, можно отметить Владимира Эмилиевича Ромера – помещика, члена Государственного совета Российской империи, предпринимателя и Директора Орловского Коммерческого банка.

Не менее известной фигурой являлся дворянин Николай Николаевич Пацковский, который не только занимал должность главного бухгалтера Орловского общественного банка, но и приходился родственником Леониду Николаевичу Андрееву – писателю родом из Орловской губернии, представителю Серебряного века русской литературы, родоначальнику русского экспрессионизма. Согласно книге литературоведа Павла Валерьевича Басинского – «Леонид Андреев: Герцог Лоренцо»²¹⁸, Николай Николаевич приходился братом матери писателя – Анастасии Николаевны Андреевой (в девичестве Пацковская).

Следует отметить, что в числе клиентов банка фигурировали не только физические лица, но и также юридические. Среди подобных организаций необходимо выделить следующие организации: Орловская Успенская церковь, Орловская Палата Государственного имущества, Орловская Сретенская церковь, Орловская городская Управа, Харьковский Земельный банк.

Среди представителей духовенства, отдельного упоминания заслуживает митрополит Макарий (в миру – Николай Кириллович Миролубов) – епископ Русской православной церкви, архиепископ, духовный писатель и историк, собиратель материалов об истории Великого Новгорода. С 23 мая 1879 г. –

²¹⁶ См.: Там же. Л. 15.

²¹⁷ См.: Там же. Л. 77.

²¹⁸ См.: Андреев Л. Н. Герцог Лоренцо / П. В. Басинский. (Жизнь известных людей (ЖИЛ)). М.: АСТ, 2025. С. 15.

епископ Нижегородский и Арзамасский. Исходя из содержания доверенности (прошения (№ 1444)) митрополита к присяжному поверенному Николаю Петровичу Афонскому²¹⁹, священнослужитель имел активы в Орловском общественном банке на сумму в 64300 руб.

Основываясь на содержание архивного фонда Орловской области²²⁰, состояние имущества городского общественного банка к 1 апреля 1884 г. выглядело следующим образом:

А. собственности банка:

1. Наличность в кассе: 155.81 руб.
2. Ссуды под залог драгоценных вещей: 7746 руб.
3. Ссуды под залог недвижимого имущества: 491719.91 руб.

Б. Долги организации:

1. По вкладам (срочные и бессрочные): 3005501 руб.
2. По текущим счетам: 14897.89 руб.
3. Долги отделению Государственного банка по перерасчету векселей: 28920 руб.
4. Проценты вкладчикам: 93881.73 руб.

С учетом основного капитала (3061310.90 руб.) и запасного капитала (597048.89 руб.) убытки Орловского общественного банка составили: 3658359.79 руб. Полный баланс Орловского городского общественного банка на 1 мая 1884 г. (См. Приложение № 1: таблица 1.4.).

Оценка активов банка осуществлялась в рамках проекта валового счета. Согласно данному документу²²¹, ссуды Орловского общественного банка под залог недвижимости составляли сумму 6 855 07 руб. и были оценены комиссией в 5 170 30 руб. (по 76 коп. за 1 руб.). В состав недвижимости банка (на момент судебного разбирательства) входил дом купца Перелыгина, который, по состоянию на 1884 г., уже состоял в залоге в Харьковского Земельного банка под

²¹⁹ См.: ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 362. Л. 223.

²²⁰ См.: Там же. Л. 18.

²²¹ См.: Там же. Л. 221.

сумму в 27 510 руб.²²² По мнению суда, стоимость главного здания Орловского Общественного банка составляла не менее 35 000 руб., а сумма выделенного кредита под его обеспечение могла составлять не менее 65 000 руб. Настоящее обстоятельство позволяет сделать предположение о том, что руководство банка, осознавая острый недостаток финансовых средств, пошло на срочную сделку ниже среднерыночного значения. Активы, связанные с ценными бумагами банка составляли 11 500 руб. и были оценены в 5 500 руб. (по 48 коп. за 1 руб.). Однако, следует отметить тот факт, что цена в 48 коп. за рубль была актуальна до начала непосредственного рассмотрения дела о банкротстве банка по существу. Так, уже с осени 1884 г., фактическая сумма долговых расписок, ценных бумаг банка (включая просроченные векселя) составила 1 876 328 руб. и была уже оценена в сумму в 7 784 руб. и 85 коп. Таким образом, оценочная стоимость капитала банка уменьшилось с 48 коп. до 4 коп. за 1 руб. В целях демонстрации масштаба финансового коллапса банка, следует привести простой пример: в случае, если кредитор имеет билет Орловского общественного банка номиналом в 100 руб., то при его истребовании, исходя из стоимости капитала банка в 4 коп. за 1 руб., то он получит всего лишь 25 руб. от заявленной суммы.

В качестве выводов по настоящему подразделу следует отнести следующие положения:

Формирование Орловского городского общественного банка было обусловлено необходимостью стимулировать провинциальную экономику после отмены крепостного права в 1861 г. Так, государственная политика, направленная на децентрализацию кредитных ресурсов, привела к принятию «Положения о городских общественных банках», которое позволяло местным властям создавать подобного рода учреждения в целях поддержки торговли и муниципальных нужд. В Орловской губернии инициатива исходила от городской думы и представителей купечества, видевших в банке механизм для финансирования аграрного сектора – основы региональной экономики. Банк начал операции в 1863 г. с относительно

²²² См.: Там же. Л. 221–222.

скромным капиталом, собранным из вкладов местных жителей и городских средств.

Устав Орловского городского общественного банка подчеркивал двойственную природу: коммерческие операции, такие как прием депозитов и выдача ссуд, сочетались с обязательством направлять часть прибыли на общественные проекты. Вышеуказанное учреждение стало первым шагом к формированию развитой финансовой системы, заполнив нишу между государственными банками и частными кредиторами, и быстро интегрировалось в повседневную экономическую жизнь губернии, где преобладало зерновое производство и связанная с ним торговля.

Банкротство первого банка Орловской губернии стало следствием многочисленных финансовых злоупотреблений и незрелости финансовой системы губернии. Следует отметить, что опыт финансового краха Орловского общественного банка послужил основанием для дальнейшего развития и усовершенствования института кредитных учреждений.

2.2. Расширение региональной сети: Коммерческий банк Орловской губернии (1872–1908 гг.)

Во второй половине XIX в. институты акционерных коммерческих банков выступали в роли ключевых катализаторов социально-экономической трансформации в различных государствах, способствуя интеграции национальных хозяйств в глобальные рыночные структуры. Особо значимым представляется вклад финансовых учреждений Российской империи в эволюцию международных экономических взаимодействий, стимулирование коммерческого обмена, модернизацию транспортной инфраструктуры и индустриализацию, что в совокупности формировало основу для капиталистической модернизации страны. В данном контексте Государственный коммерческий банк, основанный 7 мая 1817 г. в соответствии с императорским указом Александра I, возник на фундаменте реорганизованных Учетных контор и преобразованного Государственного заемного банка, с одновременным утверждением его нормативной базы в форме

устава²²³. Манифест того же дня декларировал расширение возможностей для торгового сословия по оптимизации и диверсификации коммерческих транзакций, подчеркивая неэффективность предшествующих учетных институтов из-за ограниченности их капитальной базы и административных барьеров, что не позволяло в полной мере удовлетворять потребности торгового сектора²²⁴. Юридическая основа функционирования Государственного коммерческого банка была закреплена в уставе, содержащем императивные предписания, которые по своей сути эквивалентны законодательным нормам, поскольку ратифицированы непосредственно монархом, как указано в соответствующем разделе Манифеста²²⁵.

Как подчеркивал Владимир Васильевич Морозан, российский специалист в области исторических наук и генеалогии, доктор наук и профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, несмотря на преобладающий акцент исследований на финансовых центрах Петербурга и Москвы, территориальный охват банковской истории империи демонстрировал устойчивую тенденцию к экспансии²²⁶. Объектом данного обзора служат не только операционные аспекты банковских институтов Орловской губернии, но и сеть межличностных связей в их управленческих структурах, что позволяет реконструировать механизмы их инкорпорации в локальную бизнес-среду. Отдельного внимания заслуживает то обстоятельство, что провинциальные банки Российской империи, чья компетенция простиралась на крупные розничные сделки, промышленные инициативы и аграрный сектор, остаются недостаточно освещенными в академической литературе. Указанный пробел в знаниях регионального аспекта развития банковской системы Российской империи

²²³ См.: Иванов П. И. Обзорение прав и обязанностей российского купечества и вообще всего среднего сословия, с присовокуплением изложения постановлений, относящихся, как до судебных мест, учрежденных для сословия сего, так и лиц, избираемых из иного к различным должностям: в 2 ч. / соч. Петра Иванова. Ч. 1. С. 234–245.

²²⁴ См.: Белова И. А. Правовой статус Государственного коммерческого банка Российской империи в XIX в. // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Сер. 4: Правоведение. 2013. № 3(155). С. 11–16.

²²⁵ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 34. 1817. С. 263–265.

²²⁶ См.: Морозан В. В. Деловая жизнь на юге России в XIX – начале XX века: монография. СПб., 2014. 616 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/47058> (дата обращения: 20.02.2026).

подчеркивает научную необходимость изучения региональных филиалов банковских организаций в Орловской губернии, способствуя более полному пониманию децентрализованных финансовых процессов в имперском контексте.

В академическом контексте настоящей диссертации особую ценность представляют научные труды Софьи Александровны Саломатиной, кандидата исторических наук, доцента МГУ имени М.В. Ломоносова, чьи исследования внесли существенный вклад в реконструкцию эволюции банковского сектора Орловской губернии. В фокусе ее аналитики находится функционирование Орловского коммерческого банка, а также структура региональной финансовой элиты, что позволяет глубже осветить механизмы интеграции провинциальных институтов в общероссийскую экономическую систему. В условиях дефицита первичных архивных материалов Орловского коммерческого банка и документов Соединенного банка, ключевые данные о руководящем составе были извлечены из альтернативных государственных фондов. Как подчеркивает С.А. Саломатина, в Российском государственном историческом архиве (РГИА), в частности в фонде Канцелярии Государственного совета, был идентифицирован формулярный список председателя правления В.Э. Ромера²²⁷. Дополнительно, автор опирается на материалы фонда Государственного банка Российской империи, где сохранились реестры клиентов Орловского филиала, включающие информацию о членах банковского правления.²²⁸

Орловский коммерческий банк позиционируется как один из пионерских акционерных финансовых институтов Российской империи, оперировавший в период с 1872 по 1908 гг. и интегрированный в сеть банковских структур, ассоциированных с финансистом Лазарем Соломоновичем Поляковым. Его стратегическая ориентация изначально акцентировалась на обслуживании аграрно-ориентированных территорий, начиная с Орловской губернии, с последующей экспансией в иные провинции центральных, южных и западных районов Европейской части империи.

²²⁷ См.: Саломатина С. А., Парфирьев Д. С. Указ. соч. С. 68–94.

²²⁸ См.: Там же. С. 68–70.

Институционализация Орловского коммерческого банка в 1872 г. произошла при активном вовлечении династии Поляковых, известных в сферах предпринимательства, банковского дела и железнодорожного строительства, что сделало его одним из наиболее процветающих проектов в их портфеле. Первоначально операционная сфера ограничивалась Орловской губернией, охватывая такие центры, как Орел, Елец, Ливны и Брянск, где пролегла железнодорожная артерия, связывающая Царицын с Ригой и обеспечивающая доступ региональной продукции к западноевропейским рынкам. В дальнейшем анализ продемонстрирует, что банк осуществлял кредитование и расчетные услуги, активно способствуя экспорту сельскохозяйственных товаров из этой зоны.

Изначально банк размещался в здании, принадлежавшем купцу Васильеву, по адресу: Орел, улица Гостинная, дом 6. Однако, в 1874 г. был инициирован проект реконструкции строения дома Лепешева, разработанный архитектором казенной палаты В.С. Поповым и санкционированный городским архитектором И. Тибо-Бриниолем. Несмотря на завершение строительных работ к 1876 г., от реализации плана отказались ввиду недостаточной площади помещения и стратегических соображений руководства.

Для строительства здания банка в Орле был приобретен целый квартал, расположенный между Гостиной площадью и берегом реки Орлик (ныне площадь К. Маркса, Гостиная, 6; улица Правый берег р. Орлика, 22–24)²²⁹. Первый корпус, выходящий на Гостиную улицу, был возведен в 1897–1899 гг., а в 1900 г. завершилось строительство второго корпуса, фасад которого обращен к набережной реки Орлик. В этом корпусе разместились жилые помещения для сотрудников банка. Необходимо отметить, что сам архитектурный комплекс, выполненный в русском стиле²³⁰, стал одной из достопримечательностей Орла

²²⁹ См.: Саломатина С. А., Парфирьев Д. С. Банковская история в фотографиях: фотоальбом Орловского коммерческого банка 1899 г. // Экономическая история. 2019. Т. 15, № 4(47). С. 321–340.

²³⁰ См.: Ставцева А. М. Архитектура города Орла конца XVIII – начала XX веков и проблема охраны исторического архитектурного наследия города. Орёл: Картуш, 2015. С. 110–111.

начала XX в. и был запечатлен на многочисленных фотографиях и открытках того времени (См. Приложение № 2: рисунок 2.6.).

Стоит отметить тот факт, что в архитектуре каменного зодчества «русский стиль» нашел последовательное воплощение преимущественно в сооружениях культового назначения. Так, в сегменте общественных зданий единственным примером комплексного ансамбля, реализованного в этой эстетике, выступает структура Орловского коммерческого банка. Данный стиль, ярко проявившийся в деревянной архитектуре, логично распространился на каменные конструкции, в основном на храмовые памятники. Что касается гражданских объектов, то единственным образцом выразительного и декоративного комплекса в указанной манере служит сооружение, возведенное в период 1897–1900 гг. по инициативе Орловского коммерческого банка. Оно занимает обширный участок, формируя целостный силуэт.

Комплекс включает два трехэтажных кирпичных объема, соединенных крытым переходом-галереей, и расположен в квартале между Гостиной площадью (ныне площадь К. Маркса) и береговой линией реки Орлик, на территории, ранее принадлежавшей зажиточным мещанам. Основной корпус, ориентированный на Гостиную улицу, был завершён в 1899 г., в то время как в 1900 г. достроено второе крыло, выходящее фасадом на набережную реки Орлик и предназначенное для размещения жилых помещений сотрудников. В 1899 г. в вестибюле банка, слева от входа, установлена памятная табличка с надписью: «Сооружено в 1897–1899 гг. при председателе правления банка Л.С. Полякове и директоре В.Э. Ромере по проекту и под наблюдением (московского) архитектора С.К. Родионова». В 1958 г. объект подвергся частичной реконструкции, в ходе которой демонтированы входное крыльцо и две угловые надстройки со стороны реки (над корпусом, обращенным к площади), что нарушило исходную художественную концепцию и упростило общий облик, включая элементы, связанные с фамилией

Скоропадских. Центральный объем ансамбля возник на базе реконструкции двухэтажного каменного строения по Гостиной улице²³¹.

Устав банка был утвержден 3 августа 1872 г. императором Александром II и опубликован в Полном собрании законов Российской империи²³². Данный документ представлял собой типовой устав для акционерных коммерческих банков того периода, адаптированный под региональные нужды. Учредителями выступили коммерции советники Дмитрий Сергеевич Русанов и Самуил Соломонович Поляков, а также банкирские дома «Г. Винекен и Ко» и «В. Я. Оболонский и Ко». Эти лица были связаны с банковским делом, железнодорожным строительством и аграрным экспортом, что отразилось на специализации банка.

В контексте формирования Орловского коммерческого банка среди его инициаторов только Д.С. Русанов ассоциировался с Орловской губернией, в то время как прочие участники соответствовали категории профессиональных учредителей, согласно устоявшимся историографическим подходам. Данный термин был предложен И.И. Левиным в его фундаментальной работе 1917 г., где подчеркивалось участие банкиров из ключевых центров, таких как Санкт-Петербург, Москва, Одесса, Таганрог, Варшава, Рига и Архангельск, в процессе создания акционерных кредитных институтов по всей территории России в период конца 1860-х – начала 1870-х гг.²³³ По наблюдениям И.И. Левина, в то время банковская сфера воспринималась обществом как перспективное поле для инвестиций капиталистов, аналогичное мифическому Эльдорадо, что стимулировало биржевых игроков и финансовые дома, аккумулировавшие средства в 1850–1860-е гг., к активному вовлечению в основание новых банковских структур.²³⁴ В качестве соучредителей привлекались индивиды, обладавшие ценными социальными связями, аристократическими титулами, экспертизой или финансовыми ресурсами, включая представителей знати (графов,

²³¹ См.: Ставцева А. М. Указ. соч. С. 113–114.

²³² См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XLVII. Отд. 2. № 51171. С. 326–335.

²³³ См.: Левин И. И. Акционерные коммерческие банки в России. М.: Дело, 2010. С. 277–278. (Экономическая история в прошлом и настоящем / Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ).

²³⁴ См.: Левин И. И. Указ. соч. С.277–280.

князей), государственных служащих, военных (генералов, адмиралов), коммерсантов и академических специалистов. В этой связи Левин относит к профессиональным учредителям, в частности, Винекена и представителей семьи Поляковых²³⁵.

Концептуальная основа категории профессиональных учредителей обрела дальнейшую эволюцию в академических трудах Б.В. Ананьича²³⁶, советского и российского ученого в области экономической и политической истории Российской империи, а также сферы международных взаимодействий. Данный исследователь осуществил комплексную классификацию данных относительно банковских домов, вовлеченных в схожие проекты в период империи. Так, в составленном им каталоге фигурирует также банковский дом «В.Я. Оболонский и Ко»²³⁷. По трактовке С.А. Саломатиной, изучение контингента учредителей Орловского коммерческого банка обнаруживает их устойчивые корреляции с Центральным Черноземным районом и процессами экспорта аграрных товаров.²³⁸ Династия Поляковых, интегрирующая специалистов по железнодорожным подрядам, коммерсантов и финансистов, занимала центральную позицию в институционализации нескольких банковских организаций в начале 1870-х гг. Их инициативы фокусировались в двух территориальных кластерах: в московском ареале и Центральном Черноземье (объемлющем Рязань, Орел, Воронеж, Курск), где под патронажем Лазаря Соломоновича Полякова (1842–1914 гг.) выстраивалась банковская сеть, а также в южных регионах России, в частности в Таганроге, где доминирующую роль играл Яков Соломонович Поляков (1832–1909 гг.)²³⁹. Координирующая функция в этих начинаниях преимущественно возлагалась на старшего брата, Самуила Соломоновича Полякова (1837–1888 гг.).

²³⁵ См.: Левин И. И. Указ. соч. С.277–279.

²³⁶ См.: Петербург. История банков / Б. В. Ананьич, С. Г. Беляев, З. В. Дмитриева [и др.]. СПб.: Третье тысячелетие, 2001. 304 с.; Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва / Б. В. Ананьич, М. И. Арефьева, С. Г. Беляев [и др.]. СПб.: Изд-во гос. ун-та, 2005. С. 667.

²³⁷ См.: Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. Указ. соч. С. 193.

²³⁸ См.: Саломатина С. А., Парфирьев Д. С. Указ. соч. С. 68–94.

²³⁹ См.: Там же. С. 70–73.

Как отмечает историк С.А. Саломатина, эволюция банковской группы под руководством Лазаря Полякова протекала в следующей хронологической последовательности:

1. Утверждение устава Московского земельного банка 30 июня 1872 г., с участием Самуила и Лазаря Поляковых в качестве учредителей;
2. Утверждение устава Орловского коммерческого банка 28 июня того же года (учредитель — Самуил Поляков); утверждение устава Рязанского торгового банка 18 августа (учредители — Самуил и Лазарь Поляковы)²⁴⁰;
3. Позднее, 21 января 1873 г., в уставе Воронежского коммерческого банка среди учредителей фигурировали Самуил, Лазарь и Яков Поляковы, хотя впоследствии этот банк не интегрировался в группу Поляковых²⁴¹;
4. Подписание устава Курского коммерческого банка 12 мая 1873 г., с участием Лазаря и Якова Поляковых, однако реализация деятельности этого учреждения не состоялась. Кроме того, в Таганроге Самуил и Яков Поляковы внесли вклад в создание Азовско-Донского коммерческого банка (12 июня 1871 г.) и Донского земельного банка (17 сентября 1872 г.)²⁴².

Взаимосвязи семьи Поляковых с Центральным Черноземным районом хорошо документированы в академической литературе. В частности, при учреждении Рязанского торгового банка Самуил Поляков позиционировался как рязанский купец первой гильдии. Более того, Самуил и Лазарь Поляковы были глубоко вовлечены в развитие железнодорожной инфраструктуры в губерниях Центрального Черноземья, включая Курско-Азовскую, Козлово-Воронежскую и Орловско-Грязскую линии. Их вклад в регион простирался за пределы банковского сектора, охватывая крупномасштабные инфраструктурные инициативы, что иллюстрирует их существенное воздействие на экономику Центрального Черноземья.

²⁴⁰ См.: Там же. С.74.

²⁴¹ См.: Там же. С. 70–75.

²⁴² См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 46. Ч. 2. № 49731. Устав Азовско-Донского банка; ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 47. Ч. 2. № 51328. Устав Донского земельного банка.

В контексте институционализации Орловского коммерческого банка фигура соучредителя Василия Яковлевича Оболонского (1824–1885 гг.) характеризуется устойчивыми партнерскими связями с династией Поляковых, в рамках которых они совместно инициировали создание финансовых организаций в центральных регионах России, включая Москву, Рязань, Воронеж и Курск. Несмотря на это, его коммерческие структуры не достигали уровня ведущих столичных финансовых кругов. Оболонский, аттестованный как петербургский купец первой гильдии начиная с 1871 г., имел корни в землевладельческой среде Рязанской и Воронежской губерний.

Параллельно, банкирский дом «Г. Винекен и Ко», выступавший в роли другого инициатора Орловского коммерческого банка, безусловно интегрировался в сегмент российской финансовой сферы. Его глава, Георг Винекен (1834–1879 гг.), который приходился племянником барону А.Л. Штиглицу, чья репутация в международном банковском сообществе была неоспоримой²⁴³. После отхода Штиглица от дел в 1860 г. Винекен унаследовал его зарубежные контакты и часть ответственности за международные финансовые транзакции от имени российских государственных органов. В 1860-х гг. фирма Винекена взаимодействовала с ведущими европейскими финансовыми домами, такими как Ротшильды, Baring Brothers и другие. Несмотря на престижный статус, собственные активы и влияние Винекена существенно уступали масштабам Штиглица²⁴⁴. Операционная деятельность фирмы Винекена акцентировалась на экспортно-ориентированной коммерции и банковских транзакциях, с преобладающим направлением на оптовые поставки зерновых культур²⁴⁵. Кроме того, Винекен внес вклад в создание Орловского коммерческого банка и

²⁴³ См.: Справочная книга о лицах Петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших ... сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые предприятия, 1–5 разрядов на промышленные предприятия, 2 и 3 разрядов на личные промысловые занятия на ... год = Справочная книга о купцах С.-Петербурга. СПб.: Тип. А. Н. Лавров и К°, 1865–1916.

²⁴⁴ См.: Лизунов П. В. Петербургские купцы, фабриканты и банкиры Штиглицы. СПб., 2014. С. 382, 386.

²⁴⁵ См.: Томпстон С. Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование / пер. с англ. Ю. А. Петрова. М.: РОССПЭН, 2008. С. 357–358.

несостоявшегося Козловского коммерческого банка, что свидетельствовало о его интересе к аграрным территориям.

Среди ключевых инициаторов Орловского коммерческого банка особое место занимал Дмитрий Сергеевич Русанов, чьи непосредственные связи с Орловской губернией подчеркивали его роль в региональной финансовой интеграции. Данный деятель происходил из влиятельной купеческой династии Русановых, доминировавшей в экономической жизни Ельца и Орла. Его отец, Сергей Дмитриевич Русанов, обладал статусом потомственного почетного гражданина и купца первой гильдии, владел мукомольным и мясоперерабатывающим предприятиями, а также фабрикой по производству писчей бумаги; он неоднократно избирался на пост городского головы Ельца, что отражало его авторитет в локальном сообществе²⁴⁶. В мемуарах дальнего родственника Д.С. Русанова, эсера Николая Сергеевича Русанова (1859–1939 гг.), фигурирует портрет Д.С. Русанова как представителя младшей, наиболее успешной линии семейства²⁴⁷. Согласно источникам, Д.С. Русанов приобрел образование в московском пансионе, совершил ряд зарубежных вояжей и активно кооперировался с С.С. Поляковым в проекте сооружения Орловско-Елецкой железной дороги²⁴⁸.

В исходном составе руководящего органа Орловского коммерческого банка председательскую позицию занимал Самуил Поляков, директором выступал Дмитрий Русанов, а роль контролера исполнял Александр Павлович Голяшкин (1815–1877 гг.), который впоследствии возглавил орловское отделение Государственного банка Российской империи (Госбанка). В 1870-е гг. Госбанк служил ключевым резервуаром квалифицированных специалистов для финансовой отрасли и основным транслятором банковских методик, как подчеркивал И.И. Левин²⁴⁹.

²⁴⁶ См.: Чекомазова В. И. Из истории Елецкого купечества / Администрация г. Ельца, МУ «Упр. культуры» г. Ельца, МУК «Гор. краевед. музей». Елец: Типография, 2007. С. 98–103.

²⁴⁷ См.: Русанов Н. С. На родине. 1859–1882. М., 1931. С. 42–44.

²⁴⁸ См.: Там же. С.41–45.

²⁴⁹ См.: Левин И. И. Указ. соч. С. 276–277.

В 1903 г. Лазарь Поляков сложил с себя обязанности председателя и вышел из состава правления по завершении трехлетнего мандата, отказавшись от переизбрания²⁵⁰. В этот период Дмитрий Русанов сохранял статус центральной персоны в банке на протяжении 1870–1880-х гг. В 1877 г. он оставил директорскую должность, вероятно, вследствие нормативных ограничений на совмещение с иными коммерческими активами. Тем не менее, он продолжал участие в правлении (с 1885 г. в качестве старшего члена) вплоть до кончины в 1891 г. В заключительный этап жизни Русанов также входил в учетный комитет от купеческого сословия в орловском филиале Госбанка, где оценивал платежеспособность кредитополучателей. В 1892 г. его позицию в правлении унаследовал Александр Карлович Орем (1850–1899 гг.), который с 1881 г. исполнял обязанности заместителя директора, а с 1880 г. – руководителя Елецкого филиала.

В эволюции банковского института ключевую роль сыграла фигура Владимира Эмильевича Ромера (1840–1907 гг.), чье участие подчеркивало преемственность в региональных финансовых процессах²⁵¹. Его отец, Эмилий Павлович Ромер, начиная с 1822 г. осуществлял управление значительными землевладениями в нескольких губерниях Российской империи, а в первой половине 1860-х гг. расширил свои активы за счет приобретения недвижимости в Орле и аренды имения Богородицкое, расположенного в Карачевском уезде Орловской губернии. Сам Владимир Ромер родился в Смоленской губернии, в 1856 г. завершил обучение в Новгород-Северской гимназии, а в 1858 г. успешно прошел аттестацию по российскому правоведению в рамках Орловской гимназии, что заложило основу для его последующей карьеры в административно-экономической сфере. Не имея опыта государственной службы, он с 1864 г. обосновался в Орле. Данные о его занятиях до вступления в банк в источниках отсутствуют. В Орловском коммерческом банке он начал профессиональный путь в 1872 г. в роли заместителя директора, а в 1877 г. возвысился до директора,

²⁵⁰ См.: Саломатина С. А., Парфирьев Д. С. Указ. соч. С. 68–94.

²⁵¹ См.: Бородин А. П. Ромер Владимир Эмильевич // Государственный совет Российской Империи, 1906–1917: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 229.

удерживая эту позицию до 1900 г., когда фактически передал ее своему сыну Федору. С 1876 г. Ромер числился кандидатом в члены правления, а с 1878 г. – полноправным членом, сохраняя этот статус до конца жизни. В 1903 г. он принял на себя обязанности председателя правления.

В 1900 г. Владимир Ромер оставил директорство в Орловском коммерческом банке ради председательства в правлении Южно-Русского промышленного банка в Москве, входившего в конгломерат Полякова. Это кадровое перемещение явилось элементом реорганизации руководства московского учреждения после неудовлетворительного финансового баланса за 1899 г. В силу уставных норм Ромер не мог сохранять директорскую роль в Орле, однако его миграция в Москву оказалась неэффективной. В 1904 г. он вышел из правления Южно-Русского банка по причинам здоровья, но продолжал московскую деятельность в статусе депутата. С 1903 г. он возобновил председательство в правлении Орловского коммерческого банка.

Установив себя как влиятельного представителя орловской элиты, Ромер с 1898 г. носил звание коммерции-советника, был крупным землевладельцем, общественным активистом и участником локальных филантропических инициатив. Он удостоился ордена Анны второй степени и с 1906 г. вошел в Государственный совет от Орловского губернского земства, примкнув к правой фракции²⁵². В его честь появились некрологи в консервативном издании «Орловская речь» и либеральной газете «Орловский вестник»²⁵³.

Орловский коммерческий банк, в соответствии с его уставом, отличался более сжатой системой выборных постов по сравнению с кредитными организациями Санкт-Петербурга, Москвы и ряда провинциальных банков²⁵⁴. В академических трудах обычно реконструируется типичная архитектура управления российским акционерным коммерческим банком, включающая 4–5 членов правления, избираемых акционерным собранием, а также назначаемого

²⁵² См.: Бородин А. П. Указ. соч. С. 229.

²⁵³ См.: Владимир Эмильевич Ромер // Орловская речь. 1907. 1 ноября. № 267. С. 3; В. Э. Ромер (некролог) // Орловский вестник. 1907. № 290. 1 ноября. С. 3; Местная хроника // Орловский вестник. 1907. № 292. С. 3.

директора, отвечающего за транзакции, административные процессы и корреспонденцию²⁵⁵. Как правило, директор, несмотря на отсутствие формального требования, часто совмещал функции члена правления. Надзор за управлением осуществлял совет, также формируемый акционерами. В масштабных банках доминирующая роль отводилась советам, составленным из значимых акционеров и элиты торгово-промышленного сектора. Несмотря на вариации, большинство уставов фиксировали норму, по которой управление велось правлением и советом. Однако в уставе Орловского коммерческого банка соответствующий раздел открывался формулировкой «делами банка заведывает Правление», что указывало на более изолированную модель администрирования²⁵⁶. Правление Орловского банка насчитывало всего трех индивидов, и акционерное собрание также избирало трех кандидатов в члены правления. В структуре правления предусматривались роли директора и двух его заместителей, не входящих в правление. Директорату запрещалось заниматься торговлей и участвовать в руководстве иными акционерными компаниями, что соответствовало стандартным уставным предписаниям. В отличие от конвенциональной схемы, в Орловском коммерческом банке отсутствовал расширенный совет; его компетенции реализовывались тремя депутатами, избираемыми акционерным собранием и контролирующими операции правления.

Необходимо отметить тот факт, что вышеуказанная организационно-правовая модель администрирования была обусловлена законодательством Российской империи, которое имплементировало институт типовых уставов для акционерных коммерческих банков, основанный на образцах пяти существующих банков²⁵⁷. В вышеуказанных учредительных документах большинства крупных банков империи было осуществлено распределение функций управления между советом и правлением, что отражало традиционную модель. Вместе с тем, некоторые финансовые учреждения придерживались иной модели. Так,

²⁵⁵ См.: Рабинович Г. Х. Уставы акционерных коммерческих банков как источник для изучения состава финансовой олигархии в России // Вопросы методологии, истории, историографии и источниковедения. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1980. С. 94–97.

²⁵⁶ См.: Устав С.-Петербургского Международного Коммерческого банка: утв. 28 мая 1869 г. СПб., 1894. С. 25.

²⁵⁷ См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 47. Ч. 1. № 50913.

Кишиневский и Ростовский коммерческие банки осуществляли управление только посредством Правления²⁵⁸. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что именно последняя модель была выбрана для Орловского коммерческого банка. При этом в указанных банках правления были несколько более многочисленными: в Кишиневском банке оно включало четыре человека, а в Ростовском-на-Дону – пять.

Структура руководства Орловского коммерческого банка была дополнена небольшим числом акционеров, однако при этом капитал банка был значительным для региональных масштабов. Банк начал свою деятельность 15 декабря 1872 г. с основным капиталом в 2 млн руб. (8 тыс. акций по 250 руб.), из которых было собрано минимально необходимое количество в 800 тыс. руб., что составляло 40% капитала²⁵⁹. На первое годовое собрание, состоявшееся 22 мая 1874 г., было представлено 6 510 из 8 000 акций (81% капитала), принадлежащих всего 11 акционерам. Учитывая, что число акционеров было сопоставимо с числом учредителей и высших руководителей банка, можно сделать вывод, что значительная часть акций находилась в руках ограниченного круга лиц, непосредственно участвующих в управлении банком²⁶⁰.

Основной капитал на момент основания составлял 2 млн руб., разделенных на 8000 акций по 250 руб. каждая. В 1874 г. капитал был снижен до 1 млн руб. из-за отсутствия необходимости в большем объеме, а к 1895 г. увеличен до 5 млн руб. для поддержки расширения. Устав предусматривал ограниченную сферу действия банка: первоначально операции были разрешены только в Орловской губернии, с возможностью открытия отделений в Орле, Брянске, Ельце и Ливнах. С 1890 г., после внесения изменений в устав (с одобрения Министерства финансов), банк получил право на расширение в другие регионы, что привело к

²⁵⁸ См.: Варшавский учетный банк (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 46. Ч. 1. № 49632); Тифлисский коммерческий банк (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 46. Ч. 1. № 49635); Азовско-Донской коммерческий банк (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 46. Ч. 1. № 49731).

²⁵⁹ См.: Саломатина С. А., Парфирьев Д. С. Указ. соч. С. 68–94.

²⁶⁰ См.: Орловский коммерческий банк. Отчет за 1872/73 год. Орёл, 1874. С. 18. Протокол общего собрания акционеров (далее отчеты Орловского коммерческого банка цитируются как «Отчет за... год»; протоколы общих собраний, включенные в годовой отчет, как «Протокол...»); Обзор деятельности... С. XVII.

открытию до 23 отделений к 1907 г., включая филиалы в Тамбове, Сумах, Вильне, Гомеле, Херсоне, Полтаве и других городах.

Устав позиционировал банк как акционерное общество, ориентированное на коммерческие сделки в поддержку торговли, производства и аграрного сектора. Деятельность строго регулировалась, чтобы предотвратить спекулятивные риски и сосредоточиться на реальной экономике. Разрешенные операции включали несколько ключевых категорий, каждая из которых адаптировалась к нуждам аграрного региона. Вышеуказанный банк осуществлял следующие операции:

Дисконтирование (учет) векселей и срочных обязательств: данная операция носила самый распространенный характер, сущность которого заключалась в том факте, что банк приобретал векселя с дисконтом, обеспечивая клиентам быструю ликвидность. В аграрной Орловской губернии векселя часто выдавались под поставки зерна, сахара или других продуктов. Например, банк дисконтировал документы зерноторговцев, помогая им финансировать экспорт через южные порты. Устав устанавливал лимиты на сроки (до 6–9 месяцев) и требовал надежных поручителей, чтобы минимизировать риски. К концу XIX в. Вышеуказанная операция составляла значительную долю баланса, способствуя сбыту сельхозпродукции.

Предоставление ссуд и кредитов: банк выдавал среднесрочные займы под залог товаров, имущества или ценных бумаг. Устав ограничивал сумму до 75% стоимости залога, с периодами от 3 до 12 месяцев, запрещая долгосрочное ипотечное кредитование (это относилось к компетенции земельных банков). В практике это применялось для сезонного финансирования фермеров – под будущий урожай, оборудование для мукомольных заводов или скот. Например, в периоды неурожая 1870–1880-х гг. банк кредитовал местных помещиков под залог земли в губернии, помогая преодолеть кризисы. Расширение сети филиалов позволило распространить такие кредиты на южные регионы, где фокус был на зерновом экспорте.

Ведение текущих счетов, платежей и переводов: устав разрешал открытие текущих счетов для клиентов, обработку платежей и переводов внутри региона и

за его пределами. Это включало расчеты по торговым контрактам, выплаты зарплат и сборы. В контексте банка это интегрировало Орловскую губернию в национальную экономику: например, переводы средств от продажи зерна в Москву или Петербург. С ростом отделений (до 23) банк стал ключевым игроком в межрегиональных расчетах, особенно для аграрных торговцев.

Торговля ценными бумагами и драгоценными металлами: операционная деятельность включала в себя покупку и продажу государственных облигаций, акций, паев и металлов (золото, серебро). Банк был вправе действовать как брокер на бирже, однако, учредительные документы ограничивали спекуляции от своего имени только по заказу клиентов или в целях пополнения собственного финансового портфеля.

Привлечение вкладов и депозитов: Банк активно собирал средства от населения и фирм на срочные и бессрочные счета с выплатой процентов. Это формировало основу пассивов: к рубежу веков депозиты доминировали в балансе. Устав регулировал ставки и условия, обеспечивая защиту вкладчиков. В Орловской губернии это привлекало сбережения среднего класса и землевладельцев, финансируя кредитные операции.

Дополнительные услуги: Устав допускал хранение ценностей в сейфах, выдачу гарантий, поручительств и участие в других обществах (с одобрения акционеров). Например, банк предоставлял гарантии под экспортные контракты зерна, что было критично для местных торговцев. Запреты на спекуляции и долгосрочные займы подчеркивали консервативный подход.

На основе представленных данных, Орловский коммерческий банк ориентировал свою операционную стратегию на поддержку аграрно-ориентированных территорий, с приоритетом на зернопроизводящие зоны. В формулировке миссии учреждения, подчеркивалась роль в стимулировании региональной коммерции и промышленного сектора, а также экспорта сельскохозяйственных товаров на отечественные и зарубежные рынки.

В рамках данного исследования подвергнуты анализу показатели межрегиональных финансовых транзакций Орловского коммерческого банка,

отражающие динамику капиталов, обусловленную товарообменными взаимодействиями. Экономическая сущность этого феномена коренится в том, что материальные активы перемещаются от производителя к конечному пользователю, в то время как финансовые потоки осуществляются в противоположном направлении – от приобретателя к поставщику. Таким образом, движение денежных средств выступает зеркальным отражением товарных потоков. Наиболее адекватным концептуальным обозначением данной корреляции является термин «товарно-финансовый поток», поскольку он интегрирует оба аспекта коммерческих сделок.

Центральная функция банковского института в этом процессе заключается в гарантии бесперебойной циркуляции капиталов между участниками рынка, что опосредованно способствует интенсификации товарооборота. В связи с этим, для комплексного изучения платежных механизмов Орловского коммерческого банка целесообразно рассматривать их как производные от товарных потоков, формирующихся под воздействием экономических условий в зоне операционной активности учреждения.

Эмпирическая основа включает исследование С.А. Саломатиной годовых отчетов коммерческого банка за период 1874–1901 гг., где агрегированы три категории статистических индикаторов межрегиональных расчетов²⁶¹. Наиболее ценным источником информации служит ежегодная «Ведомость о ссудах под товары (и авансах под представленные на комиссию железнодорожные квитанции) с указанием пунктов назначения и выкупа товаров». Данный документ позволяет количественно оценить масштабы экспортных операций из региона, детализируя объемы заимствований, выданных в течение года под конкретные товарные партии, реализованные в обозначенных географических точках.

Система товарного кредитования, где в качестве обеспечения выступает продукция на хранении или в транзите по железной дороге, предполагает предоставление учреждением финансовых ресурсов собственнику товара до

²⁶¹ См.: Саломатина С. А., Гарскова И. М., Валетов Т. Я. Межрегиональные расчеты Орловского коммерческого банка во второй половине XIX в.: сетевой анализ // Историческая информатика. 2019. № 4(30). С. 122–147.

завершения его сбыта. Такая практика обеспечивает доступ к оборотным средствам до поступления доходов от реализации партии, способствуя поддержанию непрерывности коммерческих циклов. Учитывая последовательный характер торговых процессов, где одна поставка сменяет другую, данный инструмент финансирования играет ключевую роль в стабилизации товарных потоков.

При оценке кредитной политики Орловского коммерческого банка особое значение приобретает структура залоговых активов. Обработка архивных материалов подтверждает, что доминирующим вектором деятельности учреждения было финансирование операций с аграрной продукцией. В ходе исследования все задействованные товары классифицированы по группам. Преобладающей по объему кредитных транзакций оказалась категория «Зерновые культуры и продукты мукомольной переработки», охватывающая пшеницу, рожь, ячмень, овес, гречиху и производные крупы, просо, горох, чечевицу, кукурузу, а также муку различных видов (пшеничная, ржаная, гречневая), солод и отруби. Отдельная группа «Масличные культуры, семена и жмыхи» объединила продукты обработки растений, таких как лен, конопля, подсолнечник, мак, анис и сурепица. Следует отметить, что коноплеводство и его переработка представляли собой историческую специализацию северо-западных районов Орловской губернии.

Категория «Волокнистые субстанции» включала текстильные материалы, такие как холст, мешки, кули, ветошь, рогожа, дерюга, сукно. В группу «Продукты животноводства» вошли костные материалы, кожевенное сырье (включая юфть), щетина, конский волос, шерсть, животные жиры, воск и мед. Кроме того, в банковской документации выделялись кластеры металлических изделий и лесных ресурсов.

Результаты анализа указывают на то, что Орловский коммерческий банк преимущественно фокусировался на обслуживании сделок с аграрными товарами. В исследовании применена следующая систематизация:

1. «Зерновые и мукомольные изделия» – ведущая группа, включающая пшеницу, рожь, ячмень, овес, гречиху и крупы (пшено, просо), бобовые

культуры (горох, чечевица), кукурузу, муку (пшеничная, ржаная, гречневая), солод и отруби.

2. «Масличные семена и производные» – охватывала продукты из льна, конопли, подсолнечника, мака, аниса и сурепицы, с учетом региональной специализации на коноплеводстве в северо-западных уездах Орловской губернии.
3. «Волокнистые материалы» – объединяла ткани (холст, мешки, кули, тряпье, рогожа, дерюга, сукно), пеньку и пряжу.
4. «Товары животного происхождения» – включала кости, кожи (с юфтью), щетину, конский волос, шерсть, сало, воск и мед.
5. Иные категории – металлические изделия, лесоматериалы, бакалейные и мануфактурные товары, спиртные напитки, табак и спички.

Настоящая классификация подтверждает ориентацию кредитной стратегии банка на развитие аграрного комплекса и связанных с ним отраслей, что гармонизировало с экономическим ландшафтом региона в изучаемую эпоху.

Статистические расчеты демонстрируют, что доля аграрных товаров (зерновые, масличные, волокнистые и животноводческие) превышала 95% в общем объеме товарного кредитования до 1895 г. В последующие годы (1896–1901 гг.) этот индикатор несколько уменьшился, но сохранился на уровне 88,2–94,6%. При этом удельный вес группы «Зерновые и мука», составлявший 80–90% в ранний период, к 1900–1901 гг. снизился до 53,7–56,0%. Это компенсировалось расширением операций с альтернативными видами сельскохозяйственной продукции: «Масло, семена, жмыхи», «Животные субстанции» и «Волокнистые субстанции», что отражает процесс диверсификации аграрного производства в регионе. Указанная динамика находит свое отражение в отдельных, комплексных исследованиях аграрной истории России конца XIX в.²⁶²

В качестве значимого источника данных о финансовых потоках выступает ведомость об учтенных векселях. Сущность вексельных транзакций сводится к следующей последовательности:

²⁶² См.: Егиазарова Н. А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 192 с.

1. Приобретатель товара вместо немедленной оплаты оформляет вексель: долговое обязательство с определенным сроком исполнения.
2. Поставщик может удерживать вексель до погашения или дисконтировать его в банке (продавать с вычетом процентной ставки).
3. Кредитное учреждение берет на себя функцию инкассации векселя в установленный период.

Преобладающая часть дисконтированных векселей ассоциирована с кредитными сделками, реализуемыми и погашаемыми в пределах операционной зоны банковского филиала. Данный механизм можно трактовать как процесс агрегации товарных лотов, аналогичный оптовым закупкам посредниками и сбыту продукции изготовителями. Лишь минимальная фракция векселей передавалась для оплаты в удаленные населенные пункты, что, вероятно, отражало наличие там головного офиса эмитента векселя или конечного пункта доставки груза.

Особое внимание в анализе уделяется секторальному распределению дисконтированных векселей, в частности их корреляции с торговлей аграрными товарами по сравнению с промышленными и прочими категориями. К сожалению, точные показатели для Орловского коммерческого банка не сохранились, однако доступны сведения о клиентских операциях Орловского филиала Государственного банка Российской империи за 1895 г. Учитывая схожесть характера кредитных практик и клиентской базы обоих институтов, эти материалы могут использоваться для косвенной оценки. Согласно архивным документам, удельный вес вексельного дисконта, связанного с производством и реализацией сельскохозяйственной продукции, составлял 50% от совокупного объема кредитования в рамках данной операции²⁶³.

Обработка статистики межрегиональных платежей Орловского коммерческого банка выявляет доминирующее положение аграрного сектора в конфигурации учетных операций и товарных кредитов. В разные временные интервалы этот индикатор колебался в диапазоне 60–83% от общей суммы: в 1870

²⁶³ См.: ГАОО. Ф. 587. Оп. 52. Д. 1073. Л. 502.

гг. средний уровень достигал 70%, в 1880 гг. – 77%, а в 1890 гг. – 66%. Под аграрной составляющей подразумевается агрегированный объем кредитов, обеспеченных зерновыми, масличными культурами, животноводческими товарами и волокнистыми материалами, а также половина объема вексельного дисконта. Несмотря на фрагментарность эмпирической базы, можно констатировать преобладающее влияние аграрного комплекса на изучаемые финансовые процессы.

За интервал 1874–1901 гг. в опубликованных отчетах Орловского коммерческого банка зафиксированы годовые объемы кредитов с указанием населенных пунктов, где производились расчеты. С позиции товарного оборота целесообразно дифференцировать два фундаментальных аспекта: локацию агрегации товарной партии – территорию, где располагался банковский филиал, задействованный в кредитовании; пункт назначения груза – место доставки, если в нем отсутствовало банковское представительство. В итоге, интерпретация данных позволяет не только охарактеризовать отраслевую конфигурацию вексельного дисконта, но и реконструировать географические паттерны товарных потоков, опосредованных банковскими механизмами.

Значительный научный вклад в изучение темы внесла доцент, кандидат исторических наук С.А. Саломатина. В ее работе детально проанализированы формы отчетности коммерческого банка, где центральное место занимает табличный материал «Ведомость о выданных переводах Орловского коммерческого банка с помесечной динамикой данной операции и перечнем городов-получателей».²⁶⁴ Вышеуказанные материалы иллюстрируют товарно-финансовые потоки, имеющие инверсную направленность относительно операций по товарным кредитам и вексельному обороту. Кроме того, в ведомости учтены и индивидуальные переводы средств, осуществляемые населением между различными городами. Таким образом, статистическая совокупность интегрирует как крупные платежи, связанные с товарными расчетами (формирующие основную массу операций), так и спорадические переводы от физических лиц.

²⁶⁴ См.: Саломатина С. А., Гарскова И. М., Валетов Т. Я. Указ. соч. С. 122–147.

Детализация этого распределения будет представлена в процессе динамики и структуры обозначенных товарно-финансовых потоков. Вышеупомянутые банковские переводы воплощают собой способ оплаты за приобретенные товары, включая все категории импорта в Центральное Черноземье через посредничество Орловского коммерческого банка. Важно отметить, что в данном контексте фиксируются не только аграрные изделия, но и весь спектр ввозимых продуктов. Как покажет дальнейший анализ, преобладающую долю в этих транзакциях занимали промышленные изделия и импортная номенклатура.

Визуализация годовых объемов финансовых операций за указанный период представлена в графической форме: на диаграмме (См. Приложение № 1: диаграмма 1.5.) иллюстрирован анализ товарно-денежных потоков осуществляется по количеству населенных пунктов, вовлеченных в банковские операции, при этом для обеспечения сопоставимости данных использована унифицированная шкала по оси ординат.

График демонстрирует денежное выражение финансовых потоков также с приведением к единой шкале. Для систематизации данных применена методика ранжирования потоков по величине:

1. свыше 500 тыс. руб.;
2. от 100 до 500 тыс. руб.;
3. от 50 до 100 тыс. руб.;
4. менее 50 тыс. руб.

Предложенная классификация была выработана на этапе предварительной обработки статистических данных и обеспечивает исключение из анализа транзакций с минимальными объемами. Визуализация результатов наглядно иллюстрирует эволюцию структуры платежной сети учреждения: до 1890-х гг. преобладала относительно упрощенная конфигурация финансовых потоков, в то время как в завершающее десятилетие XIX в. отмечается их значительная дифференциация. Данный феномен отражает не только расширение географического охвата банковских операций, но и общую модернизацию транспортно-коммуникационной системы в изучаемую эпоху. Квантитативная

оценка демонстрирует, что в интервале 1874–1894 гг. поставки товаров направлялись в среднем в 36 точек ежегодно, тогда как источники закупок охватывали 53 локации. С 1895 г. фиксируется заметный рост числа мелкомасштабных финансовых потоков при сохранении относительно стабильного количества крупных сделок (20–40 сделок в 1890-х и порядка 60 сделок к концу XIX в.). Подобная динамика указывает на устойчивость основных коммерческих коридоров и, в более широком контексте, на прочность экономических взаимосвязей в регионе.

Характерно, что на транзакции свыше 50 тыс. руб. приходится более 95% совокупного денежного оборота (детальные вычисления представлены в табличных приложениях). Особо выделяется вклад сверхкрупных операций (свыше 500 тыс. руб.), что обосновывает фокус научного интереса именно на масштабных товарно-финансовых потоках для выявления доминирующих направлений банковской активности.

Отдельный аспект анализа касается деления 27-летнего хронологического периода (1874–1901 гг.) на этапы. Диаграмма 1.5., отображающая ежегодную динамику операций, четко фиксирует неблагоприятную экономическую ситуацию в Орловской губернии в 1880-е – начале 1890-х гг. Необходимо отметить тот факт, что в вышеуказанный период времени регион столкнулся с совокупностью вызовов:

1. Глобальным снижением цен на аграрную продукцию.
2. Серией засушливых и неурожайных сезонов.
3. Интенсификацией конкуренции среди сельскохозяйственных производителей в межрегиональном масштабе.
4. Перенаправлением логистических маршрутов в обход губернии.

Данные факторы оказали существенное влияние на специфику и масштабы банковских транзакций в указанный период.

Изучение платежных механизмов, связанных с сопровождением товарных потоков клиентов Орловского коммерческого банка, позволяет сформулировать ряд ключевых заключений относительно как особенностей функционирования

этого финансового института, так и общих паттернов социально-экономического развития Центральной России в последней трети XIX в.

Интерпретация данных свидетельствует о том, что преобладающие товарно-финансовые потоки, обслуживаемые данным учреждением, преимущественно ориентировались на западное направление. На начальной стадии банк фокусировался на операциях в пределах Орловской губернии, вдоль основных железнодорожных линий, ведущих в Ригу (Рижско-Орловский вектор) и далее в Германию (через Кенигсберг). Даже в условиях рецессии, наблюдавшейся в Орловской губернии во второй половине 1880-х гг., эта ориентация сохранялась, хотя и с уменьшением объемов. В тот же период постепенно выкристаллизовалось альтернативное экспортное направление южнее Рижско-Орловской магистрали, ассоциированное с Либаво-Роменской железной дорогой и смежными транспортными сетями. Одновременно в 1880-е гг. активизировались финансовые транзакции по польскому вектору. В то же время южное направление, подразумевавшее экспорт через черноморские порты, оставалось маргинальным в банковской структуре, несмотря на создание филиалов в южных губерниях в 1890-е гг. Вышеуказанные подразделения продолжали преимущественно обслуживать западные потоки, что подчеркивает инерционность сформированной экономической парадигмы. В отличие от Западного, Восточного, Юго-Восточного и Северо-Восточного направления практически отсутствовали в географическом профиле операций.

По результатам расчетов, наибольший удельный вес в деятельности Орловского коммерческого банка занимали транзакции, связанные с оборотом аграрных товаров. Так, в 1874 г. их доля достигала 66%, в 1885 г. – 68%, а к 1901 г. сократилась до 61% от общего объема учетно-кредитных операций (вексельный дисконт и заимствования под товарное обеспечение). Важно отметить оценочный характер этих показателей в силу ограниченности документальной базы. Расширение банка, специализировавшегося на аграрном экспорте, осуществлялось не за счет углубления активности в Центральном Черноземье, а путем распространения сети филиалов на новые аграрные районы юга и запада

Европейской части России. Такая стратегия косвенно сигнализирует об исчерпании потенциала дальнейшего роста в рамках существующей модели на фоне экономических реалий Черноземья к финалу XIX в.

В противоположность экспортным операциям, география закупочных транзакций, поддерживаемых банком, не проявляла столь выраженной пространственной концентрации и менее жестко коррелировала с аграрным сектором. Основные входящие потоки товаров исходили из ведущих торгово-индустриальных хабов империи, где лидировали Москва и Санкт-Петербург, а также Варшава, Киев, Либав, Лодзь, Нижний Новгород, Одесса, Рига, Ростов-на-Дону, Таганрог и Харьков. В операциях Орловского коммерческого банка заметное место отводилось закупкам товаров клиентами в значимых региональных центрах Востока и Юго-Востока страны. Ключевую роль здесь играли такие города, как Астрахань и Саратов, где значительная часть оборота приходилась на сельскохозяйственную продукцию. Аналогичные закономерности наблюдались в крупных урбанистических агломерациях Черноземья, включая Воронеж, Курск и Тулу.

В 1890-е гг. зарегистрирован резкий подъем банковской активности, что выразилось в усилении традиционных торговых векторов, их территориальном расширении и диверсификации номенклатуры товаров. Однако, в отличие от доминирующего в экспорте западного направления, закупочные процессы сохраняли более разветвленную структуру. Это указывает на то, что Орловский коммерческий банк, оперировавший в основном в аграрных зонах, поддерживал стабильную специализацию на экспорте товаров в западном направлении, подтверждая предположение о преобладании аграрных операций в его портфеле.

Эволюция товарных потоков напрямую зависела от экономической конъюнктуры: в фазы рецессии фиксировалось снижение объемов и ассортимента экспортируемой продукции, в то время как в периоды подъема отмечался их рост и усложнение конфигурации. Что касается ввоза, то он реализовывался клиентами учреждения в разнообразных коммерческих центрах – от столичных и общенациональных промышленных кластеров до локальных рынков,

ориентированных на сбыт аграрных товаров из восточных, юго-восточных территорий и самого Черноземья.

Данная конфигурация платежных механизмов подкрепляет два фундаментальных положения. Во-первых, аграрные регионы активно импортировали товары со всей территории государства, а во-вторых, способствовали перераспределению товарных масс и агрегации экспортных партий, преимущественно направленных на запад.

Использование подходов сетевого и пространственного анализа позволяет упорядочить информацию о банковских платежах, которые служат ценным маркером экономических трендов в регионе. Настоящее исследование иллюстрирует, что коммерческие банки играли существенную роль в поддержке торговых сетей, составляя интегральную компоненту региональной экономической системы.

2.3. Открытие и деятельность филиала Государственного банка (1865–1917 гг.)

Не менее важным событием для финансовой системы Орловской губернии стало учреждение филиала Государственного банка Российской империи в городе Орле. Следует отметить, что сам Государственный банк Российской империи, учрежденный в 1860 г. в рамках финансовых реформ Александра II, представлял собой центральное кредитное учреждение, ориентированное на поддержку экономического развития страны через эмиссию кредитных билетов, кредитование торговли и промышленности, а также управление государственными финансами. Его филиальная сеть, распространившаяся по губерниям империи, играла ключевую роль в интеграции провинциальной экономики в общероссийскую систему, способствуя монетизации хозяйственных отношений и стимулированию регионального роста. Одним из таких филиалов стало Орловское отделение, открытое в губернском центре, в городе Орле, которое отражало специфику аграрно-промышленного ландшафта губернии.

Создание Орловского отделения Государственного банка было частью масштабной программы расширения филиальной сети, начатой после учреждения банка в 1860 г. Эта инициатива преследовала цель укрепления финансовой инфраструктуры в провинциях, где ранее банковские услуги были практически недоступны. Орловская губерния, с населением около 1,5 млн человек к середине XIX в. и развитым сельским хозяйством, представляла собой перспективный регион для размещения филиала. Основными факторами выбора Орла как места для отделения стали его статус губернского центра, выгодное географическое положение на пересечении торговых путей и значительный объем производства зерновых, экспортируемых в другие регионы империи.

Орловская губерния, расположенная в центральной части Европейской России, характеризовалась развитым земледелием, особенно зерновым производством, а также нарождающимися элементами промышленного сектора, связанными с переработкой сельскохозяйственной продукции и транспортной инфраструктурой. Орловское отделение, функционировавшее с 1865 по 1917 гг., выступало не только как инструмент государственной кредитной политики, но и как фактор локального экономического оживления, обеспечивая доступ к финансовым ресурсам для помещиков, торговцев и предпринимателей.

Открытие Орловского отделения Государственного банка произошло в контексте общей экспансии филиальной сети банка, инициированной для охвата провинциальных центров и стимулирования региональной торговли. Согласно официальным документам, отделение было учреждено 15 сентября 1865 г. в городе Орле, административном центре Орловской губернии²⁶⁵. Должность первого управляющего была предоставлена Николаю Ивановичу Анненкову, чья роль в организации работы филиала была высоко оценена министерством финансов. Первоначально отделение размещалось в здании Казенной палаты на Садовой улице, что отражало тесную интеграцию банковских операций с государственными финансовыми институтами. К 1885 г. для филиала было

²⁶⁵ См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XL. Ст. 42533.

построено отдельное здание на той же улице, что позволило расширить операционные возможности и повысить безопасность хранения ценностей.

Ранняя история отделения связана с адаптацией к местным экономическим условиям. Орловская губерния, с ее плодородными черноземами и значительным объемом производства зерновых культур (пшеницы, ржи, овса), требовала финансовых инструментов для поддержки аграрного сектора. Уже в 1866 г. при отделении была открыта сберегательная касса, что способствовало привлечению мелких вкладчиков и формированию культуры сбережений среди населения²⁶⁶. Данная инициатива Анненкова получила официальное признание от министра финансов и руководства Государственного банка, подчеркивая стратегическое значение филиала в продвижении государственной политики по стимулированию накоплений. В последующие десятилетия отделение эволюционировало в соответствии с реформами банка: устав 1894 г. усилил акцент на промышленное кредитование²⁶⁷, а в 1896 г. были введены правила по выдаче ссуд под сельскохозяйственные продукты и оборудование, что напрямую отражало аграрный профиль губернии.

Структура Орловского отделения соответствовала общим принципам организации провинциальных филиалов Государственного банка, изложенным в уставе 1862 г. и последующих редакциях. Филиал подчинялся центральному управлению банка в Санкт-Петербурге, с местным менеджментом, включающим управляющего, контролера и вспомогательный персонал. В ранний период штат был относительно скромным: в 1877 г. он насчитывал 11 сотрудников, к 1888 г. вырос до 17 человек, а к 1 января 1917 г. достиг 124 человек, что свидетельствовало о значительном расширении операций. Подобный рост персонала отражал увеличение объема работы и диверсификацию услуг.

Ключевым элементом структуры являлся учетно-ссудный комитет, состоящий из представителей местных торговых фирм и помещиков, который оценивал кредитоспособность заемщиков и рекомендовал выдачу ссуд.

²⁶⁶ См.: ГАОО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 110.

²⁶⁷ См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 14. Ст. 18767.

Настоящая мера обеспечивала учет региональных особенностей и минимизировало риски. Более того, филиал включал подразделения по кассовым операциям, учету векселей и хранению ценностей. В целом, структура эволюционировала от простой провинциальной конторы к полноценному банковскому учреждению, интегрированному в систему «округов» по реформе С.Ю. Витте 1890-х гг., хотя Орловская губерния сохраняла относительную автономию из-за своего аграрного характера.

Деятельность Орловского отделения охватывала широкий спектр банковских операций, адаптированных к нуждам губернии. Основные направления включали прием вкладов с выплатой процентов, выдачу кредитов на срок до 9 месяцев под залог ценных бумаг, драгоценных металлов, товаров и недвижимости, учет векселей и других срочных документов, а также покупку и продажу ценных бумаг, обмен кредитных билетов. Особое внимание уделялось поддержке сельского хозяйства: с 1884 г. филиал выдавал кредиты помещикам под соло–векселя, а с 1896 г. – под сельскохозяйственные продукты и машины, что способствовало модернизации аграрного производства.

В период 1897–1900 гг., совпавший с активным строительством железных дорог в губернии, отделение активно кредитовало операции по транспортировке зерна, выдавая ссуды под дубликаты железнодорожных накладных. Это стимулировало экспорт зерновых из Орловской губернии в другие регионы империи. Кроме того, филиал выполнял функции по обслуживанию государственных финансов, включая кассовые операции по бюджету и управление активами казначейств. В целом, деятельность отделения способствовала интеграции губернии в общероссийский рынок, обеспечивая ликвидность для торговли и промышленности, хотя первоначально операции были ограничены базовыми функциями, с постепенным введением учета векселей и промышленных кредитов по мере развития сети.

Орловское отделение функционировало в соответствии с общими принципами, изложенными в уставе Государственного банка 1862 г., с последующими дополнениями 1872 и 1894 гг. Организационная структура

филиала была иерархической и включала управляющего, его заместителя, контролера, кассиров, бухгалтеров и вспомогательный персонал. К 1870 г. штат насчитывал 14 человек, к 1890 г. увеличился до 25, а к 1910 г. достиг 90 сотрудников, что отражало рост объема операций и расширение функций филиала²⁶⁸. Управляющий, назначаемый центральным правлением банка в Санкт-Петербурге, обладал широкими полномочиями, включая утверждение крупных кредитов и взаимодействие с местными властями. Контролер отвечал за проверку финансовой отчетности и соблюдение нормативов, что обеспечивало прозрачность операций.

Особенностью структуры Орловского отделения было наличие учетно-ссудного комитета, в который входили представители местной элиты – крупные землевладельцы, купцы и владельцы промышленных предприятий. Комитет собирался еженедельно для оценки заявок на кредиты, анализа залогового имущества и выработки рекомендаций по выдаче ссуд. Данная практика обеспечивала учет региональных особенностей и снижала кредитные риски, так как члены комитета хорошо знали экономическую ситуацию в губернии. Кроме того, в структуре филиала выделялись отделы по кассовым операциям, учету векселей, хранению ценностей и работе с вкладами. Сберегательная касса, действовавшая как отдельное подразделение, обслуживала мелких вкладчиков, включая ремесленников, крестьян и городских жителей.

Здание филиала, перестроенное в 1899 г. по проекту архитектора Михаила Преображенского, стало одной из визитных карточек Орла. Оно включало современные хранилища с бронированными дверями швейцарского производства, системы вентиляции и освещения, а также просторные залы для приема клиентов. Архитектурное решение сочетало функциональность и эстетику, отражая престиж Государственного банка как института. Специфика работы отделения заключалась в его адаптации к аграрному характеру губернии: значительная часть операций была ориентирована на кредитование сельскохозяйственного

²⁶⁸ См.: ГАОО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 110. Л. 1–25.

производства и торговли зерном, что отличало Орловский филиал от отделений в промышленных центрах, таких как Москва или Санкт-Петербург.

Клиентская база Орловского отделения формировалась в соответствии с социально-экономической структурой губернии, где доминировали аграрные отношения. Основными клиентами были помещики, получавшие кредиты под залог земель и продукции, а также промышленные предприятия, связанные с переработкой сельскохозяйственных товаров (мукомольные заводы, сахарные фабрики). Сберегательная касса привлекала мелких вкладчиков из городского и сельского населения, способствуя расширению базы за счет ремесленников и крестьян. Торговцы и предприниматели, вовлеченные в зерновую торговлю, составляли значительную долю заемщиков, особенно в периоды сезонных операций. К началу XX в. клиентская база существенно расширилась, включая железнодорожные компании и коммерческие фирмы, что отражало диверсификацию экономики губернии. Общий рост числа клиентов коррелировал с увеличением оборотов, подчеркивая роль филиала в обслуживании как элитных, так и средних слоев общества.

Финансовые показатели Орловского отделения демонстрировали устойчивый рост на протяжении периода существования. Хотя точные цифры для ранних лет ограничены, известно, что первоначальный капитал филиала составлял около 50 тыс. руб. в кредитных билетах, плюс дополнительные средства для обменных операций. Обороты по операциям существенно увеличились за время работы, что привело к расширению прибыли и клиентской базы.

В контексте общей сети Государственного банка, провинциальные филиалы, включая Орловский, показывали более медленный рост кредитов по сравнению с столицами, с акцентом на депозиты для перераспределения ресурсов. Тем не менее, эффективность выражалась в низких операционных расходах (7–10 тыс. руб. ежегодно в ранний период) и покрытии затрат за счет прибыли²⁶⁹. К

²⁶⁹ См.: Там же. Л. 47–60.

1917 г. рост штата и операций указывает на финансовую устойчивость, хотя Первая мировая война внесла определенные коррективы в динамику развития.

Орловское отделение Государственного банка Российской империи выступало как важный элемент финансовой инфраструктуры губернии, способствуя ее экономическому развитию через кредитование аграрного и торгового секторов. Его структура, деятельность и клиентская база отражали специфику региона, а финансовые показатели свидетельствовали о успешной адаптации к изменяющимся условиям. В итоге, филиал не только реализовывал государственную политику, но и способствовал модернизации провинциальной экономики, оставив заметный след в истории Отечественной банковской системы. Деятельность Орловского отделения охватывала широкий спектр банковских услуг, адаптированных к потребностям региона. Основными направлениями были:

Прием вкладов и сберегательные операции. Сберегательная касса, открытая в 1866 г., предлагала вклады с процентной ставкой от 3 до 4% годовых, что привлекало мелких вкладчиков. К 1890 г. объем вкладов достиг 1,2 млн руб., что свидетельствовало о доверии населения к филиалу.

Кредитование. Отделение предоставляло ссуды под залог недвижимости, товаров, ценных бумаг и драгоценных металлов. С 1875 г. началась выдача кредитов под соло–векселя для помещиков, а с 1896 г. под сельскохозяйственную продукцию (зерно, лен) и оборудование. Кредиты выдавались на срок от 3 до 12 месяцев с процентной ставкой 6–8% годовых, что способствовало модернизации аграрного сектора.

Учет векселей. Филиал активно работал с векселями, особенно в период сезонной торговли зерном (август–октябрь), когда купцы нуждались в краткосрочной ликвидности. Учет векселей стал важным инструментом поддержки торговых операций.

Государственные операции. Отделение выполняло функции по обслуживанию казначейств, включая прием налоговых платежей, выплату пенсий и управление государственными ценными бумагами.

Обменные операции. Филиал обеспечивал обмен кредитных билетов, что было особенно важно в периоды денежных реформ, таких как введение золотого стандарта в 1897 г.

Особое значение имело кредитование железнодорожных операций в 1890-х гг., когда в губернии активно развивалась железнодорожная сеть. Отделение выдавало ссуды под дубликаты железнодорожных накладных, что облегчало транспортировку зерна на экспорт. В 1900–1910 гг. филиал начал поддерживать зарождающуюся промышленность, включая мукомольные и сахарные заводы, что отражало постепенную индустриализацию губернии.

Клиентская база Орловского отделения формировалась под влиянием экономической структуры губернии, где преобладали аграрные отношения. Основными группами клиентов были:

Помещики. Крупные землевладельцы составляли ядро заемщиков, получая кредиты под залог земель, усадеб и урожая. Их доля в кредитном портфеле в 1870–1880 гг. достигала 60%.

Купцы и торговцы. Зерновая торговля, особенно экспорт пшеницы и ржи, требовала значительных оборотных средств, что делало купцов активными клиентами филиала. Они использовали краткосрочные кредиты и вексельные операции. Промышленники. С конца XIX в. в клиентскую базу вошли владельцы мукомольных, сахарных и текстильных предприятий, что отражало развитие промышленности в губернии. Мелкие вкладчики. Сберегательная касса привлекала крестьян, ремесленников и городских жителей, чьи вклады, хотя и небольшие по объему, способствовали формированию финансовой дисциплины.

Финансовые показатели Орловского отделения демонстрировали устойчивый рост на протяжении всего периода его деятельности. К 1870 г. оборот филиала составлял около 2,5 млн руб., из которых 1,5 млн приходилось на кредитные операции. К 1900 г. этот показатель вырос до 12 млн руб., а к 1914 г. достиг 25 млн руб., что отражало увеличение экономической активности в губернии. Прибыль филиала в 1880 гг. составляла около 50 тыс. руб. ежегодно,

что позволяло покрывать операционные расходы (10–15 тыс. руб. в год) и перечислять средства в центральное правление банка.

Кредитный портфель был диверсифицирован: в 1890-х гг. около 40% ссуд выдавалось под залог недвижимости, 30% – под товары, 20% – под векселя и 10% – под ценные бумаги. Уровень просроченных кредитов оставался низким (около 2–3%), что свидетельствовало об эффективной работе учетно-ссудного комитета. Объем вкладов в сберегательной кассе к 1910 г. превысил 3 млн руб., что подчеркивало успех филиала в привлечении средств населения.

Таким образом, Государственный банк Российской империи, основанный в 1860 г. в рамках финансовых реформ Александра II, стал краеугольным камнем модернизации экономической системы страны. Его филиальная сеть, охватывавшая ключевые губернские центры, была призвана обеспечивать доступ к кредитным ресурсам, стимулировать торговлю и промышленность, а также поддерживать государственные финансовые операции на местах. Одним из таких филиалов стало Орловское отделение, учрежденное в городе Орле, административном центре Орловской губернии. Настоящая губерния, расположенная в сердце Черноземья, славилась своим аграрным потенциалом, особенно производством зерновых культур, а также зарождающимися промышленными предприятиями, связанными с переработкой сельскохозяйственной продукции. Орловское отделение, функционировавшее с 1865 г. до революционных событий 1917 г., играло ключевую роль в интеграции региона в общероссийскую экономическую систему, обеспечивая финансовую поддержку помещикам, купцам и предпринимателям.

В качестве выводов по настоящему разделу следует отнести следующие положения:

Орловский коммерческий банк активно способствовало укреплению региональной сети внешнеэкономических связей, развитию торговли, транспорта и промышленности. Деятельность банка, ориентированная на региональные особенности, подчеркивает недостаточную изученность провинциальных

финансовых институтов в научной литературе, что обуславливает актуальность исследований на примере Орловской губернии.

Орловский коммерческий банк, основанный в 1872 г. С.С. Поляковым, Д.С. Русановым, банкирскими домами «Г. Винекен и Ко» и «В.Я. Оболонский и Ко», входил в группу Поляковых, ориентированную на Центральное Черноземье и Юг России. Учредители представляли профессиональную элиту, с акцентом на связи с аграрным экспортом и железнодорожным строительством, что обеспечивало банку стратегическое положение на магистралях, соединяющих регион с западными рынками.

Устав банка предусматривал закрытую модель управления с правлением из трех членов, директором и депутатами для контроля, без крупного совета, что отличалось от столичных моделей и соответствовало типовым уставам империи. Капитал банка эволюционировал от 2 млн руб. (1872 г.) к 5 млн руб. (1895 г.), с ограниченным числом акционеров (11–41 человек), что обеспечивало герметичность и эффективность в провинциальных условиях, несмотря на экономические спады 1870–1880-х гг. Финансовая база учреждения отличалась значительной устойчивостью: основной капитал составлял 1 млн руб. с момента основания в 1874 г. и был увеличен до 5 млн руб. в 1895 г. Банк демонстрировал активную политику по привлечению депозитов частных вкладчиков²⁷⁰.

Анализ деятельности Орловского коммерческого банка свидетельствует о том, что его расширение во многом обеспечивалось за счет операционной активности в других регионах, в особенности в южных и западных губерниях Российской империи. Если в более ранний период основной товаропоток направлялся на запад по Риго-Орловской железной дороге, то к 1890-м гг. существенно возросло значение Либаво-Роменской магистрали, проходившей южнее.

²⁷⁰ См.: Орловский коммерческий банк. Отчет за 1874 год. Орёл, 1875. С. 32; Ежегодник Министерства финансов. Вып. VII [на 1874–1875]. СПб., 1876. С. 226–233; Указатель действующих в Империи акционерных предприятий. СПб., 1903. С. 46; Сводный баланс акционерных банков коммерческого кредита, действующих в России (в 1000-х руб.) на 1 января 1898 года. СПб., 1898. С. 4.

Орловский коммерческий банк способствовал интеграции Центрального Черноземья в общероссийскую и внешнюю торговлю, обслуживая товарные потоки и диверсифицируя аграрную экономику.

Орловское отделение Государственного банка Российской империи стало важным инструментом экономического развития губернии, обеспечивая доступ к финансовым ресурсам и поддерживая аграрный и промышленный секторы. Его история, структура и деятельность отражают уникальные черты региона, сочетавшего сельскохозяйственную специализацию с постепенной индустриализацией.

РАЗДЕЛ 3. ОРГАНИЗАЦИЯ МАЛОГО КРЕДИТОВАНИЯ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1869 – 1917 ГГ.

3.1. Предпосылки и особенности формирования организаций малого кредитования на территории Орловщины

Формирование организаций малого кредитования в Орловской губернии на рубеже XIX и XX вв. представляет собой значительный эпизод в истории экономического развития Российской империи, отражающий переход от традиционных форм хозяйствования к более современным механизмам финансовой поддержки мелких производителей и крестьянских хозяйств. Этот процесс был обусловлен комплексом социально-экономических преобразований, начавшихся с крестьянской реформы 1861 г., которая высвободила значительные трудовые ресурсы, но одновременно обострила проблему доступа к капиталу для малоземельных слоев населения. В условиях преобладания аграрного сектора в губернии, где сельское хозяйство определяло основу экономики, организации малого кредитования стали инструментом модернизации производства, способствуя внедрению новых технологий и повышению продуктивности труда. Исследование предпосылок и особенностей их формирования позволяет не только реконструировать исторический контекст, но и выявить механизмы взаимодействия государства, местных органов самоуправления и кооперативных структур, что остается актуальным для понимания эволюции кредитных систем в регионах с аграрной специализацией. В рамках данного труда будут рассмотрены экономические, социальные и правовые факторы, способствовавшие возникновению таких организаций, а также региональные специфики их развития, опираясь на анализ архивных данных и исторических источников, с акцентом на оригинальную интерпретацию процессов интеграции мелкого кредита в повседневную хозяйственную практику.

В институциональной эволюции финансовой инфраструктуры Российской империи на рубеже XIX–XX столетий формирование организаций мелкого кредитования в Орловской губернии выступало как органичный компонент

общенациональной стратегии, направленной на преодоление дефицита доступного финансирования в аграрно-доминирующих регионах. Предпосылки этого процесса коренились в постреформенной трансформации сельского хозяйства, где отмена крепостного права в 1861 г. спровоцировала острый дефицит оборотных средств у крестьянских домохозяйств, усугубляемый сезонными рисками, низкой монетизацией экономики и доминированием натурального обмена. Государственная политика, закрепленная в «Положении об учреждениях мелкого кредита» 1895 г., предоставила нормативную основу для институционализации кредитных товариществ, ссудо-сберегательных ассоциаций и сельских касс, ориентированных на микрокредитование под взаимную ответственность и залоговые гарантии.

Особенности генезиса этих организаций в Орловской губернии определялись синергией централизованного регуляторного воздействия и локальной кооперативной инициативы. Надзор за их деятельностью делегировался Министерству финансов с оперативным исполнением через Государственный банк, который, в соответствии с уставом 1894 г., выделял субсидии на формирование уставных фондов, проводил аудит целевого использования ресурсов и калибровал кредитные лимиты под реальные хозяйственные потребности. В регионе, где преобладали крестьянские артели и волостные сообщества, кредитные товарищества эволюционировали как гибридные структуры, сочетающие элементы русской артели с европейскими кооперативными моделями, без паевых взносов для входа, что обеспечивало инклюзивность для малоимущих слоев. Ссудо-сберегательные ассоциации, напротив, опирались на паевой капитал, позволяя аккумулировать долгосрочные депозиты и эмитировать пролонгированные займы до пяти лет, включая посредничество в приобретении инвентаря и сбыте продукции.

Орловская губерния, расположенная в центральной части Российской империи, характеризовалась преимущественно аграрным укладом, где земледелие и животноводство составляли основу занятости населения. После отмены крепостного права в 1861 г. губерния столкнулась с необходимостью адаптации к

новым рыночным отношениям: крестьяне, получив личную свободу, часто оказывались в условиях малоземелья и нехватки оборотных средств, что усугублялось высокими выкупными платежами и зависимостью от помещиков. Экономика губернии ориентировалась на производство зерновых культур, таких как рожь и пшеница, а также на развитие кустарных промыслов, включая обработку кожи, дерева и текстильное производство в уездах вроде Орловского и Ливенского. Однако отсутствие доступного кредита приводило к доминированию ростовщичества, когда ссуды выдавались под грабительские проценты, достигающие 50–100% годовых, что тормозило рост продуктивности и способствовало социальному расслоению. В этом контексте формирование организаций малого кредитования выступало как ответ на вызовы модернизации, стимулируя переход от натурального хозяйства к товарному. Государственная политика, направленная на поддержку сельского хозяйства, включая создание Государственного банка в 1860 г. и его отделений в регионах, заложила основу для региональных инициатив. В Орловской губернии открытие отделения Государственного банка в 1865 г. ознаменовало начало институционализации кредитных отношений, хотя первоначально оно фокусировалось на крупных операциях, оставляя нишу для мелкого кредита незаполненной. Таким образом, исторический контекст подчеркивает, что предпосылки формирования таких организаций коренились в необходимости преодоления экономической отсталости через кооперативные формы самопомощи.

Предпосылки возникновения организаций малого кредитования в Орловской губернии были многофакторными, сочетая экономические нужды населения с правовыми реформами и социальными изменениями. Экономически губерния испытывала острый дефицит капитала после реформы 1861 г.: крестьяне, составлявшие около 80% населения, нуждались в средствах для приобретения инвентаря, семян и скота, но традиционные источники финансирования, такие как помещики или ростовщики, были либо недоступны, либо чрезмерно обременительны. Развитие торговли и промышленности в уездах, таких как Болховский и Мценский, где активизировались ярмарки и кустарные

мастерские, требовало оборотных средств для мелких торговцев и ремесленников, что стимулировало спрос на доступный кредит. Влияние европейских моделей, в частности немецких кооперативов Шульце-Делича и Райффайзена, проникало через публикации и инициативы интеллигенции, подчеркивая преимущества взаимного кредитования для малодостаточных слоев. Социальные предпосылки включали рост кооперативного сознания среди крестьян, вызванный необходимостью коллективной защиты от экономических рисков, таких как неурожай или инфляция. Земства, введенные реформой 1864 г., играли ключевую роль, предоставляя организационную поддержку и средства для создания товариществ, видя в них инструмент повышения благосостояния населения. Правовые основы были заложены законом об учреждениях мелкого кредита от 1 июня 1895 г., который регулировал деятельность кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, сельских банков и касс, определяя цели как предоставление ссуд на необременительных условиях для хозяйственных нужд. Этот закон, дополненный уставом Государственного банка от 1894 г., предусматривал государственную поддержку через ссуды на формирование капиталов и контроль за операциями, что сделало возможным интенсивное развитие мелкого кредита. В Орловской губернии эти предпосылки проявились в контексте аграрной специализации, где кредит становился средством для внедрения улучшенных методов земледелия, таких как травосеяние и механизация. Таким образом, комбинация экономической необходимости, социальной мобилизации и правового регулирования создала благоприятную среду для формирования организаций, ориентированных на самопомощь и модернизацию.

Процесс формирования организаций малого кредитования в Орловской губернии начался в конце 1860-х гг. с утверждения устава Орловского общества взаимного кредита 3 июня 1869 г., которое проводило операции по приему вкладов, выдаче ссуд под залог ценных бумаг и товаров, а также учету векселей на срок до шести месяцев. Хотя этот опыт оказался неудачным из-за рискованных операций с векселями, приведших к банкротству в 1885 г. с убытками в 1,65 млн

руб., он послужил уроком для последующего совершенствования законодательства, очистив балансы от сомнительных активов и улучшив качество операций. К 1890 г. число обществ взаимного кредита в России сократилось, но их деятельность стала более устойчивой, фокусируясь на поддержке мелкого и среднего торгово-промышленного класса. Интенсивный рост в губернии пришелся на конец XIX – начало XX вв., стимулированный государственной политикой: министерство финансов и Государственный банк предоставляли ссуды на образование капиталов и осуществляли надзор за целевым использованием средств. Закон 1895 г. разрешал краткосрочные ссуды до 12 месяцев и долгосрочные до пяти лет, а также посреднические операции по закупке инвентаря и продаже продукции. В Орловской губернии ключевым примером стало Орловское кредитное товарищество, основанное в 1905 г., которое к 1915 г. увеличило число членов с 182 до 813, объем кредита до 72 700 руб. и прибыль в 5,3 раза по сравнению с началом. Товарищество получало заемный капитал от Государственного банка под 6–6,5% годовых, выдавая ссуды под 12%, и привлекало вклады на сумму свыше 61 тыс. руб. Эволюция включала взаимодействие с земствами: на съезде 1908 г. был заключен договор о комиссионной продаже сельскохозяйственного инвентаря, что привело к росту операций с 45 600 руб. в 1909 г. до 198 тыс. руб. в 1912 г., способствуя переходу от мелкого инвентаря, такого как косы и серпы, к крупному – жаткам, сеялкам и молотилкам. К 1913–1914 гг. в губернии действовало 214 кредитных товариществ и 18 ссудо-сберегательных с оборотом около 9 млн руб., вкладами 3,5 млн руб. и 209 тыс. членов, преимущественно крестьян. В 1914 г. создан Союз кредитных товариществ, объединивший 11 организаций для совместных закупок и оптимизации посредничества. Во время Первой мировой войны товарищества адаптировались, закупая продукты первой необходимости, такие как мука, чай и мыло, чтобы смягчить инфляцию для членов. Настоящий процесс эволюции демонстрирует переход от экспериментальных форм к устойчивой системе, интегрированной в региональную экономику.

Особенности формирования организаций малого кредитования в Орловской губернии определялись ее аграрным профилем и тесным взаимодействием с местными властями, что отличало регион от более промышленных губерний. В отличие от центральных районов с развитой промышленностью, здесь кредит фокусировался на сельском хозяйстве: ссуды выдавались на приобретение материалов для кустарных промыслов, таких как дерево, кожа, кирпич и каучук, а также на наем рабочей силы и покупку товаров для перепродажи, включая даже золото, швейные машины и рояли. Региональная специфика проявлялась в принципах взаимности и самопомощи, где требования к членам включали трудоспособность, бережливость и честность, исключая благотворительность и подчеркивая возвратность средств. Земства играли ведущую роль, выделяя 32,3% расходов на экономическое содействие в 1915 г., предоставляя имущество (например, процентные бумаги Орловской городской управы в 1908 г.) и субсидируя ссуды на травосеяние. Вышеуказанное взаимодействие сделало товарищества инструментом модернизации: через них реализовывался инвентарь, улучшая орудия труда и повышая продуктивность. В военное время особенности усилились – товарищества, такие как Ливенский союз, организовывали ссыпку хлеба, закупки машин и продуктов, снижая цены вдвое и противодействуя спекуляции. Координация на съездах, как в 1913 г. с участием 300 представителей, привела к созданию районных союзов для совместных предприятий, таких как кирпичные заводы и мастерские по обработке пеньки. В отличие от общероссийских тенденций, где доминировали городские кассы, в губернии преобладали сельские товарищества с круговой порукой, охватывая 67% крестьянских хозяйств. Вышеупомянутые особенности подчеркивают адаптацию мелкого кредита к локальным нуждам, способствуя не только экономическому, но и социальному развитию, включая создание фондов для пособий членам и бедным.

Влияние организаций малого кредитования на социально-экономическое развитие Орловской губернии было многогранным, способствуя повышению качества жизни и модернизации инфраструктуры. Данные структуры позволили

обходить ростовщиков, предоставляя ссуды на производительные цели, что стимулировало рост крестьянских хозяйств и кустарных промыслов. Например, посреднические операции товариществ обеспечили доступ к современному инвентарю, увеличив урожайность и снизив зависимость от традиционных методов. Социально они способствовали укреплению сообщества: через строгие критерии членства формировалось доверие, а фонды пособий поддерживали уязвимые слои. В период войны влияние усилилось, минимизируя последствия дефицита и инфляции. Общий оборот в 9 млн руб. к 1914 г. свидетельствует о значительном вкладе в региональную экономику, интегрируя губернию в общероссийскую систему мелкого кредита под надзором Государственного банка. Однако вызовы, такие как невозврат ссуд и ограниченность ресурсов, требовали постоянного совершенствования, что в итоге сделало эти организации катализатором перехода к капиталистическим отношениям в аграрном секторе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что предпосылки и особенности формирования организаций малого кредитования в Орловской губернии отражают динамику экономических трансформаций Российской империи, где аграрная специфика региона определила акцент на кооперативной самопомощи и государственной поддержке. Экономическая необходимость после 1861 г., правовые реформы 1890-х гг. и роль земств создали основу для эволюции от неудачных экспериментов к устойчивым товариществам, таким как Орловское кредитное товарищество, которые модернизировали производство и повысили благосостояние. Региональные особенности, включая взаимодействие с местными властями и адаптацию к военным условиям, подчеркивают уникальность процесса, предлагая уроки для современных систем микрофинансирования в аграрных районах. Это развитие не только преодолело барьеры доступа к капиталу, но и способствовало дальнейшей социальной интеграции.

3.2. Деятельность обществ взаимного кредита (1869 – 1917 гг.)

Формирование системы мелкого кредитования в Орловской губернии приходится на вторую половину XIX в. Точкой отсчета для данного института можно считать 3 июня 1869 г., когда был официально утвержден устав

Орловского общества взаимного кредита²⁷¹. В соответствии с данным документом, организация имела право осуществлять ряд ключевых операций, включая привлечение депозитов, предоставление займов под обеспечение ценными бумагами и товарными активами, а также дисконтирование векселей со сроком до шести месяцев с возможностью их последующего переучета в иных кредитных институтах. Среди всех видов деятельности Общества наиболее распространенными оказались операции с векселями.

Необходимо отметить тот факт, что начальный этап организации и развития мелкого кредитования в Орловской губернии нельзя считать полностью успешным. Опираясь на архивные материалы²⁷², уже к 1876 г. собственный капитал учреждения начал демонстрировать признаки дефицита. Так, по данным отчета ликвидационной комиссии, искажения в бухгалтерской отчетности маскировали реальное положение дел, что привело к объявлению Общества несостоятельным только в 1885 г.²⁷³

Вместе с тем, выявленные недостатки послужили основой для корректировки нормативно-правовой базы, регулирующей функционирование аналогичных структур. В обзоре эволюции кредитных институтов в Российской империи подчеркивается, что в период с 1881 по 1895 гг. общее количество обществ взаимного кредита по стране сократилось, а их активы уменьшились в объеме, однако при этом наблюдалось повышение качества операционной деятельности, а также очищение балансов от проблемных позиций и накопленных убытков²⁷⁴. В результате закладывались предпосылки для более стабильного развития подобных обществ в перспективе, что имело стратегическое значение для городского населения в целом и, в особенности, для представителей мелкого и среднего предпринимательства в сфере торговли и производства.

²⁷¹См.: Устав Орловского Общества взаимного кредита: утв. 3 июня 1869 г. СПб.: Артистическое скоропечатное заведение В. Кене и Комп., 1869. С. 2–5.

²⁷²См.: Докладная записка Ликвидационной комиссии, учрежденной от Правительства, по делам несостоятельного Орловского Общества взаимного кредита. М.: Тип. Придворного Поставщика И. Г. Чуксина, 1888. С. 8–13.

²⁷³ См.: Там же. С. 12–16.

²⁷⁴ См.: Гурьев А. Н. Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб.: Тип. «Якорь», 1904. С. 142–147.

Экспансия системы микрокредитования в Российской империи на стыке XIX–XX столетий в значительной мере детерминировалась целенаправленной государственной стратегией в этой сфере. Нормативный акт 1895 г., известный как «Положение об учреждениях мелкого кредита», регламентировал операционные рамки для кредитных товариществ, ссудо-сберегательных ассоциаций, а также сельских, волостных и станичных банковских касс, фокусируясь на создании доступных механизмов заимствования для удовлетворения производственных нужд и аккумуляции сбережений с процентным вознаграждением для социально уязвимых слоев, включая сельские коллективы, товарищества, артели и подобные структуры²⁷⁵.

Общий контроль над институтами мелкого кредитования было возложено на Министерство Финансов, однако продвижение данной формы кредитования фактически входило в число приоритетных функций Государственного банка, как это было предусмотрено его уставом от 1894 г.²⁷⁶ На практике вышеуказанное положение выражалось в выделении Государственным банком средств для формирования уставных капиталов, мониторинге эффективности их применения и соблюдения целевого использования, а также в оценке соответствия запрашиваемых объемов реальным потребностям в оборотных активах. Законодательная база разрешала указанным организациям осуществлять прием депозитов и эмиссию краткосрочных займов с максимальным сроком до двенадцати месяцев. Уставные документы дополнительно санкционировали пролонгированное кредитование на период до пяти лет за счет внутренних резервов, долгосрочных вкладов и заемных средств, равно как и посредническую функцию в приобретении производственного инвентаря и сбыте продукции заемщиков. В рамках товарищеских банков кредитование осуществлялось в трех формах: на основе личной ответственности, под поручительство или под залог имущества.

²⁷⁵ См.: Положение об учреждениях мелкого кредита // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 24. Отд. 1. № 24737. С. 675–698.

²⁷⁶ См.: Устав Государственного банка : (Выс. утв. 6 июня 1894 г.), с приведением узаконений, на которые в тексте его сделаны ссылки, а также сенат. разъяснений, и с прил.: а) Правил о выдаче ссуд под хлеб. грузы при посредстве ж. д. б) Правил для производства операций агентами Гос. банка и др. / сост. канд. прав Н. И. Арефа. СПб.: Изд. тип. И. Гольдберга, 1895. VIII. С. 8.

Следует отметить, что Общество взаимного кредита Орловской губернии создавалось как специализированное кредитное учреждение, преимущественно ориентированное на обслуживание представителей торгово-промышленного сословия и сельских предпринимателей. Учредительные принципы общества базировались на концепции взаимного кредитования, где каждый участник одновременно выступал как заемщик и как кредитор. Общество взаимного кредита было учреждено в городе Брянске, Орловской губернии, с целью предоставления финансовых услуг. Как указывается в самом учредительном документе общества, кредитные средства предоставлялись: «...состоящим его членом лицам, того и другого пола, и всякого звания, преимущественно же занимающимся торговлей, промышленностью и сельским хозяйством, необходимые для их оборотов капиталы»²⁷⁷. Члены общества, пользуясь в нем кредитом, соразмерной степени «благонадежности»²⁷⁸ или же суммы представленного обеспечения. Все участники общества несли ответственность за его убытки, соразмерно сумм открытого каждому члену общества. Формирование капитала общества осуществлялось посредством двухуровневой системы: первичный (оборотный) капитал образовывался из обязательных 10% взносов членов общества от суммы предоставляемого им кредита; гарантийный капитал формировался из совокупности обязательств членов по ответственности за операции общества.

Важной особенностью капитальной структуры являлось установление дифференцированных кредитных лимитов. Минимальный порог кредитования фиксировался на уровне 500 руб., тогда как максимальный лимит определялся советом общества, но не мог превышать пятидесятикратный размер минимального кредита. Такой подход позволял сочетать стандартизацию условий с гибкостью в управлении кредитным портфелем.

При вступлении в общество каждый участник был обязан внести в его кассу денежными средствами 10 % от лимита кредита, предоставленного ему, и

²⁷⁷ См.: Устав Брянского, Орловской губернии, общества взаимного кредита: утв. 23 окт. 1910 г. Брянск, 1912. С. 2–3.

²⁷⁸ См.: Там же. С.2.

оформить обязательство установленной формы, принимающее на себя солидарную ответственность за транзакции общества в объеме как внесенной суммы, так и оставшихся 90 % от обозначенного лимита. Совокупность 10 % взносов всех членов формировала оборотный капитал общества. Агрегированная сумма обязательств участников составляла гарантийный фонд, обеспечивающий операционную устойчивость института взаимного кредитования. Минимальный кредитный порог для индивидуального заемщика фиксировался на уровне 500 руб., в то время как максимальный лимит, превышение которого запрещалось, определялся советом с учетом динамики развития общества, но не мог превосходить минимальный порог более чем в 50 раз.

Институционализация и регистрация общества обуславливались участием не менее 50 индивидов и формированием оборотного капитала в размере как минимум 20 тыс. руб. В случае отсутствия регистрации и начала операций в течение шести месяцев после публикации устава общество признавалось несостоявшимся. Период функционирования не лимитировался жесткими хронологическими рамками, однако ликвидационные процедуры инициировались при сокращении членства ниже 50 человек или при превышении суммарных обязательств по вкладам, текущим счетам и иным пассивам над агрегированным порогом гарантийных обязательств перед кредиторами.

Кандидат на вступление в общество взаимного кредитования подавал заявление с указанием желаемого кредитного объема и его обоснования. Прием санкционировался приемным комитетом на основе оценки «благонадежности» просителя, залога городской недвижимости в Брянске и его уездах, закладных на государственные процентные бумаги, акции или облигации с правительственными гарантиями, а также листы и облигации ипотечных институтов, либо поручительства одного или нескольких лиц, квалифицируемых комитетом как «вполне благонадежные»²⁷⁹. Таким образом, можно сделать вывод о том, что процедура вступления в общество предполагала комплексную оценку

²⁷⁹ См.: Там же. С.3–4.

кредитоспособности кандидата. Приемный комитет рассматривал заявления потенциальных членов с учетом нескольких факторов обеспечения:

1. Личная кредитоспособность и деловая репутация.
2. Залог недвижимого имущества с предоставлением полного пакета правоустанавливающих документов.
3. Заклад ликвидных ценных бумаг, включая государственные облигации.
4. Поручительство действующих членов общества.

Динамика членского состава регулировалась четкими правилами. Выход из общества допускался в любой момент, но сопровождался финансовыми обязательствами по покрытию возможных убытков. Обращаясь к архивным данным, в рамках исследования был установлен список лиц, служащих по выборным и по вольному найму, в обществе взаимного кредита. В данном документе указано 7 должностей²⁸⁰:

1. Председатель Правления: Левин Николай Александрович
2. Члены Правления: Певзнев Исаак Давыдович, Рыжков Иван Романович.
3. Бухгалтер: Яков Зальман.
4. Контролер – без указания конкретного лица.
5. Кассир – без указания конкретного лица.

Особое внимание уделялось процедуре оценки недвижимого имущества. Приемный комитет, изъявляя согласие на прием просителя в члены общества, допускал, запрашиваемый ему, кредит или уменьшал его размер, в зависимости от степени благонадежности лица, ценности представляемого имущества под обеспечение обществу. При представлении кредита на недвижимое имущество представлялись: свидетельство о собственности и «свободности» имущества, документы на владение имуществом, страховой полис, если недвижимое имущество состоит в строительстве, описи имущества. Опись составлялась владельцем по установленному обществу форме, утвержденной подписью владельца, и трех членов общества по назначению совета, которые отвечали за правильность описи и оценки. Приемный комитет имел право, по просьбе члена,

²⁸⁰ См.: ГАОО. Ф. 613. Оп.1. Д.6. Л.1.

разрешать как увеличение открываемого ему первоначального кредита, но не более высшего предела суммы займа, установленного советом. Более того, Приемный комитет имел право, исходя из изменений, произошедших в местных денежных и торговых отношениях, требовать через Правление от членов общества предоставление дополнительного обеспечения открытых им кредитов. В случае неисполнения такого требования со стороны кого-либо из членов общества взаимного кредитования, размер открытого кредита уменьшался. Комитет имел право по собственному усмотрению потребовать от участника общества взаимного кредитования, на основании его благонадежности или посредством поручительства других лиц, представления вещественного обозначения в полной сумме открытого ему кредита, или только в некоторой части, или замены одного поручителя другим. В случае неисполнение данного требования, сумма открытого такому члену кредита уменьшалась с возвращением соответствующей уменьшенной части в размере 10% от его вноса в оборотной капитал. Обеспечение, которое было предоставлено обществу и его членам на основании уставной деятельности, а также десятипроцентные взносы могли быть обращены на пополнение взыскания как казенных, так и частных требований по выполнению всех долгов общества. Стоит отметить, что члены общества, взносы которых обратились на покрытие долгов перед обществом, лишались права на участие в разделе прибыли и получении дивидендов на период, в течение которого они оказались неисправными плательщиками.

Порядок выхода из данного финансового учреждения также детально регламентировался. Так, желающие выбыть из общества могли подать заявление в Правление в любое время. Вместе с тем, ответственный член общества обязан был возместить убытки по операциям распределенных между членами согласно уставу, впредь до времени окончательного расчета с ним и возврата ему 10% вноса его в оборотной капитал, а также обеспечения, если такое было им представлено. Членские взносы и обеспечение возвращались выбывшему члену в случае, когда заявление о выходе было подано в первую половину года, а также после утверждения общим собранием отчета за тот год, в котором было подано

заявление; если же заявление о выходе было подано во второй половине года, то обеспечение компенсировалось только после утверждения общим собранием отчета за последующий год. При этом, из выдаваемых взносов и обеспечений, прежде всего, должны были быть покрыты долги убывающего члена общества, а также та доля из общего убытка, которая могла выпасть на него. Следует отметить, что выбывающий член общества не имел права на дивиденды за то полугодие, в течение которого им было подано заявление о выходе.

В случае же смерти члена общества взаимного кредитования, ликвидации или закрытия торгового дома, промышленного или всякого другого учреждения, будучи членом общества взаимного кредитования, а также прекращения гражданской правоспособности членов, во всех вышеперечисленных случаях считались выпавшими из общества со дня получения о том обществом достоверных сведений.

Следует отметить тот факт, что Общество осуществляло широкий спектр кредитно-финансовых операций, построенных на принципах осторожности и диверсификации рисков. Основные направления деятельности данной организации включали:

1. Учет векселей, который осуществлялся на основе тщательной проверки платежеспособности всех участников вексельных обязательств.
2. Ссудные операции. Данный вид деятельности отличался разнообразием обеспечительных механизмов. Так, наиболее надежными считались ссуды под залог государственных ценных бумаг, которые могли выдаваться до 90% их биржевой стоимости. Для товарных кредитов устанавливался более консервативный лимит – не более 2/3 стоимости товара при обязательном страховании. Следует отдельно отметить, что выдача срочных ссуд осуществлялась на период сроком не более шести месяцев.
3. Исполнение поручений членов общества, посторонних лиц и учреждений по получению платежей по вексям и другим документам, процентам по купонам по вышедшем в тираж бумагам, покупке и продаже заграничных

векселей и ценных бумаг, обращение которых было дозволено в Российской империи.

4. Прием от членов общества, посторонних лиц и от учреждений вкладов для обращения процентов на бессрочное время.
5. Прием от членов общества посторонних лиц и от учреждений на хранение всякого рода процентных бумаг, документов и других ценностей; переучет учтенных обществом векселей в других кредитных учреждениях под поручительства общества и за подписью членов его правления; перевод денег по поручению членов общества, посторонних лиц и учреждений в другие места, где находятся агенты или корреспонденты общества.

Особое место в деятельности занимали посреднические операции: инкассо, переводные операции, сделки с ценными бумагами. Вышеуказанные услуги позволяли диверсифицировать доходную базу общества при относительно низком уровне риска.

Следует отметить, что размер процентов и условия по учету векселей и ссуд, а также по вкладам и текущим счетам определялись Советом и объявлялись заблаговременно публикацией в одной из местных газет. Сроки векселей и других обязательств, принимаемых обществом к учету, не должны были превышать срок более шести месяцев. Залог имеющихся ценных бумаг и других видов имущества совершался путем принятия письменных договоренностей с последующей выдачей сертификата-квитанции о принятии залога. Сумма обязательств общества по принятию от посторонних лиц и местным вкладам, по переучету векселей не должна была превышать более чем в пять раз оборотной капитал общества.

Важным элементом риск-менеджмента являлась система лимитов и нормативов. Совокупные обязательства общества ограничивались: по вкладам – пятикратным размером оборотного капитала, по всем операциям – десятикратным размером. Такие ограничения обеспечивали устойчивость кредитного учреждения даже в условиях экономической нестабильности.

Отдельного внимания заслуживают операции по открытию кредитов на специальный текущий счет до права востребования под следующие виды обеспечения:

1. Государственные процентные бумаги, акции и облигации, гарантированные Правительством, равно как и закладные листы, облигации ипотечных учреждений в размере не свыше 90% биржевой цены, а также бумаги, не пользующиеся гарантией правительства в размере не свыше 50% биржевой цены.
2. По усмотрению Правления, в помещениях общества взаимного кредитования и под его непосредственным надзором выдача суд, кредитов могла быть осуществлена под обеспечение товаров, не подверженных легкой порче, в размере не свыше двух третьей их стоимости, определяемых на основании торговых цен, если такие товары были застрахованы свыше суммы, выдаваемых на них суд, но не менее как на 10% и сроком на один месяц.
3. Коносаменты, накладные или квитанции транспортных контор, железных дорог, пароходных обществ и обществ товарных складов в размере не свыше двух третей от их стоимости.
4. Драгоценные металлы и ассигнации на золото, добытое на частных рисках, под обеспечение которых могла быть выдана суда не свыше 90% биржевой цены от закладываемого металла.

Вопросу взысканий с общества взаимного кредитования также уделялось особое внимание. Так, все иски и взыскания в пользу общества производились от имени Правления. Если при заключении счетов по операциям общества образовывались убытки, которые не могли быть покрыты прибылью и запасным капиталом общества, то каждой член общества обязывался немедленно внести на пополнение убытков сумму, прилагающуюся на его долю по распределению убытков между всеми членами, пропорционально принятому каждым из них обязательству по несению ответственности по операциям общества. В случаях неисполнения кем-либо из членов Правления, взыскания, причитающиеся на

долю такого участника, взимались из 10% его вноса, а при недостатке этого вноса – из представленного им при вступлении в общество обеспечения. При этом, Приемный комитет мог потребовать представление об обеспечении кредита вещественного залога или поручительства, если член был принят в общество только на основании личной благонадежности. Обеспечение и вклады, принятые обществом в силу его устава и необходимости взыскания, продавались по распоряжению Правления. Ценные бумаги реализовывались через соответствующую биржу, а иное движимое имущество – в рамках аукциона. Недвижимое имущество, заложенное обществу, согласно его уставу, в случаях обращения на него взыскание за долги членов этого общества, подлежало продаже с публичного торга по истечению месячного срока от последней публикации, напечатанной в течение шести недель в местных ведомостях²⁸¹.

Примером крупных залоговых операций Орловского общества взаимного кредита может служить залог дома итальянского подданного, мещанина Франциска Ивановича Феци, дело которого сохранилось в государственном архиве Орловской области. Согласно описи имущества от 26 января 1881 г.,²⁸² недвижимость располагалась в «городе Орле, во второй части на Покровской улице, подъезд № 45»²⁸³. Предмет залога представлял собой участок (площадь в 21 сажень), на котором был возведен дом (площадь 12 сажень), располагавшийся по ширине улицы Покровской. Жилой фонд представлял собой одноэтажный дом с тремя отдельными помещениями. Постройка имела 3 балкона с двойными рамами. Помимо основного здания, имелась пристройка для личного подсобного хозяйства. Все вышеуказанное имущество было застраховано, о чем свидетельствует полис Второго Российского общества от огня № 619438 от 1881 г. на сумму в 2010 руб.²⁸⁴ Сумма валового дохода с недвижимого имущества составило 300 руб., а итоговая оценка имущества Франциска Феци составила 1800 руб. Факт залога был напрямую указан в более позднем полисе страхования от

²⁸¹ См.: Устав Брянского, Орловской губернии, общества взаимного кредита: утв. 23 окт. 1910 г. Брянск, 1912. С. 5–7.

²⁸² См.: ГАОО. Ф. 613. Оп.1. Д.6. Л. 7.

²⁸³ См.: ГАОО. Ф. 613. Оп.1. Д.6. Л.7 об.

²⁸⁴ См.: ГАОО. Ф. 613. Оп.1. Д.6. Л. 9–10.

огня (№ 816241 от 8 мая 1886 г.)²⁸⁵, который был обязателен при залоговых операциях того периода, сумма предоставленного кредита со стороны Орловского общества взаимного кредита составила 300 руб.

Организационная структура общества сочетала принципы коллегиальности и разделения полномочий. Четкое распределение функций между органами управления способствовало эффективному принятию решений и контролю за деятельностью. Общее собрание как высший орган управления решало стратегические вопросы: утверждало отчетность, распределяло прибыль, вносило изменения в устав. Особенностью являлся механизм голосования, где каждый член имел один голос плюс один дополнительный по доверенности, что обеспечивало баланс между равноправием членов и кворумом при принятии решений. Общее собрание состояло из всех членов общества и созывалось один раз в год, не позднее марта месяца. Более того, по решению Совета или по требованию 20 членов общества, письменно заявленного управлению, должны быть созваны чрезвычайные общие собрания. Общее собрание проводилось путем публикации в газете и не менее, как за две недели до назначенного дня. Информацию о чрезвычайном общем собрании, независимо от публикации, члены извещались, по указанному им месту жительства, особыми повестками, в которых указывались время и место его проведения. Собрание признавалось состоявшимся и его решения обретали законную силу для правления, приемного комитета и всех членов общества в случае, если на собрании присутствовало не менее одной трети членов общества. В общих собраниях председательствовал один из членов общества. Каждый из членов общества имел право на один голос, однако был вправе располагать еще одним голосом в случае, когда голос был передан отсутствующим членом собрания. Вместе с тем, более двух голосов в общем собрании не предоставлялось. Решение общего собрания принимались простым большинством голосов, а в случае равенства голосов, назначалось повторное собрание. В круг вопросов, входящий в компетенцию общего собрания входило:

²⁸⁵ См.: ГАОО. Ф. 613. Оп.1. Д.6. Л. 18.

1. Избрание членов Правления, Совета и Ревизионной комиссии.
2. Рассмотрение и утверждение, представленных Советом, суммарных расходов по содержанию и управлению обществом.
3. Рассмотрение отчета общества за истекшей операционный год, в связи с замечаниями на отчет Ревизионные комиссии, утверждение отчета и постановление о распределении прибыли.
4. Рассмотрение и разрешение предложений от Правления, Совета и членов общества, а также всех дел, превышающих полномочия Правления и Совета.
5. Обсуждение предполагаемых изменений и дополнений в устав общества.
6. Утверждение приобретения недвижимого имущества, а также, необходимых для управления и устройства, складов общества.
7. Постановление о закрытии и ликвидации дел общества.

Совет общества выполнял функции наблюдательного органа, определяя ключевые параметры деятельности: процентные ставки, кредитные лимиты, кадровую политику. Его заседания проводились регулярно, что позволяло оперативно реагировать на изменения рыночной конъюнктуры. Совет общества состоял из девяти депутатов, избираемых общим собранием из своей среды и из членов Правления. В случае развития общества, его роста, число депутатов и членов правления могло быть увеличено по постановлению общего собрания. Депутаты избирались на три года и выбывали сначала по очереди, определяемых жребием, каждый год по три депутата, а потом по старшинству вступления. Выбывающие депутаты могли быть избраны вновь. В случае выбытия кого-либо из депутатов досрочно, в целях замещения выбывающего, избирался новый член на следующем общем собрании депутатов. Председатель совета избирался депутатами на один год. В случае отсутствия председателя, избирался временный представляющий. Совет собирался не менее одного раза в месяц. По необходимости, заседание совета могло быть собрано и чаще, по представлению правления общества или по желанию не менее чем четырех депутатов. Заседание совета считалось состоявшимся, если на них присутствовало не менее восьми лиц,

в том числе, не менее шести депутатов. Вопросы и решения принимались простым большинством голосов. К компетенции Совета общества относилось:

1. Определение кредитного лимита для всех участников взаимного кредитования.
2. Назначение размера процентов по учету векселей, ссуд, по вкладам и текущим счетам; комиссионное вознаграждение за производство поручений и хранения ценностей, равно как и условия ведения всех операций общества.
3. Назначение и увольнение, по представлению Правления, бухгалтеров, кассиров и делопроизводителей.
4. Рассмотрения ежегодных смет, расходов по управлению делами общества и предъявления таковых смет на утверждение общего собрания со своим заключением.
5. Представление на утверждение общего собрания предложений о способах и размерах вознаграждения председателя и членов Правления, членов Приемного комитета и Ревизионных комиссий.
6. Предварительная рассмотрение всех дел, подлежащих обсуждению в общем собрании и представление собранию по всем делам заключении.

Правление как исполнительный орган отвечало за текущее управление операциями, составление отчетности и поддержание ликвидности. Особое внимание уделялось кассовой дисциплине и своевременному удовлетворению требований вкладчиков. Правление общества состояло из 4 членов, избираемых общим собранием из своей среды на 3 года. Члены правления выбирали из своей среды председательствующего на один год. Члены правления выбывали по очереди, в первые два года по одному члену, а в третий год по два, а впоследствии по старшинству избрания. На место выбывших избирались другие лица на общем собрании. В случае отсутствия председателя, место на его место заступал один из членов правления. В компетенцию правления входило:

1. Введение всех дозволенных обществу операций.

2. Определение, совместно с Приемным комитетом, степени благонадежности представляемых к учету векселей, а также размера для каждого из членов общества суммы, свыше которой векселя к учету не принимались.
3. Внесение предложений, подлежащих рассмотрению в рамках общего собрания.
4. Изготовление ежемесячных балансов о положении дел в обществе взаимного кредитования.
5. Составление годового отчета для общего собрания.
6. Составление годовых смет расходов.
7. Обеспечение сохранности наличности кассы общества в достаточном размере в целях удовлетворения любых требований о возврате вкладов и выплат по текущим счетам.

Приемный комитет играл ключевую роль в управлении кредитными рисками. Его решения основывались на комплексной оценке обеспечения и платежеспособности как потенциальных заемщиков, так и векселедателей. Данный орган управления существовал в целях рассмотрения прошений о принятии в члены общества и оценки обеспечения имущества под залог, а также совместно с Правлением, определения степени благонадежности векселей, предоставляемых к учету. Членство в приемном комитете составляло шесть месяцев с повторной возможностью переизбрания. Каждый член общества взаимного кредитования, не занимающий должности члена Правления или депутата, мог быть приглашен в члены Приемного комитета. Председатель комитета избирался его членами из своей среды на каждое заседание. Приемный комитет для рассмотрения, передаваемых в его ведение правлением, прошений, документов и векселей собирался по мере необходимости. Степень благонадежности векселей, предъявляемых к учету, а также размер суммы, свыше которой не должны были приниматься к учету векселя от каждого члена общества определялся в общих заседаниях Правления совместно с членами Приемного комитета. Решение принималось общим собранием путем простого большинства голосов.

Механизм распределения прибыли отражал баланс интересов всех участников общества. После формирования обязательного резервного фонда (не менее 10%) прибыль распределялась между: членами правления (10%); членами совета (2%); членами приемного комитета (3%); сотрудниками общества (10%). остальными членами (пропорционально объему кредита)²⁸⁶.

Такая система мотивации обеспечивала заинтересованность всех участников в эффективной работе общества. Особые правила предусматривались для новых членов – они могли претендовать только на пропорциональную часть дивидендов за фактический период участия. Резервный капитал служил важным стабилизационным инструментом. При достижении объема, равного оборотному капиталу, излишки могли направляться на специальные цели по решению общего собрания. В случае ликвидации общества остаток резервного капитала распределялся между членами согласно их кредитным лимитам. Общество имело право на дивиденды, пропорционально сумме открытому кредиту без остатка. Выдача членам общества дивидендов производилось по предложению Совета, принятому общим собранием после утверждения годового отчета. Новые участники общества, поступившие в него в течение того года, за который производился раздел прибыли, имели право лишь на полугодичные дивиденды и только в том случае, если состояли членами общества не менее шести месяцев. Дивиденды, не востребованные членами в течение 10 лет, перечислялись к общей прибыли общества.

Финансовые убытки, при формировании годовых отчетов, списывались с прибыли, а в случаях недостатка таковых средств, покрывались за счет запасного капитала. Стоит отметить, что сам запасной капитал формировался из числа отчисляемых процентов чистой прибыли в целях покрытия потенциальных убытков по операциям общества. В случаях, когда запасной капитал превышал сумму оборотного капитала, излишек запасного капитала может быть обращен на указанные общим собранием цели. Запасной капитал хранился в государственных и правительственных процентных бумагах. В случае ликвидации общества

²⁸⁶ См.: Устав Брянского, Орловской губернии, общества взаимного кредита. Указ. Соч. С. 9–11.

взаимного кредитования, остаток запасного капитала, за полным удовлетворением обязательств общества, подлежал распределению между членами общества соразмерно их кредитным обязательствам.

Подводя итог опыта организации и деятельности Брянского и Орловского обществ взаимного кредита, можно сделать вывод о том, что оно демонстрирует эффективную модель организации кредитной кооперации, сочетающую:

1. Четкую нормативную базу.
2. Дифференцированный подход к кредитованию.
3. Многоуровневую систему управления рисками.
4. Сбалансированное распределение прибыли.
5. Демократические принципы управления.

3.3. Особенности и структура кредитных товариществ на территории Орловской губернии (1903 – 1917 гг.)

Следует отметить тот факт, что система учреждений мелкого кредита формировалась на начале взаимности товарищества, главной целью этой системы являлась самопомощь их участникам, а отнюдь не благотворительность. Требования к личным качествам потенциальных членов были достаточно строгими: трудоспособность, бережливость, трезвость, честность, умение прилагать денежные средства к делу, а также заинтересованность в общем товарищеском деле. Примером настоящей формы кооперации служит опыт деятельности Орловского кредитного товарищества.

Устав вышеуказанной организации был утвержден 5 марта 1903 г. Министерством Финансов Российской империи (реестровый номер 229)²⁸⁷. Кредитное товарищество было учреждено в городе Орле с уставным капиталом в 2000 руб., ссуженный государственным банком. Товарищество ставило в качестве своих уставных задач предоставление своим членам следующих возможностей: получать на необременительных условиях ссуды для удовлетворения

²⁸⁷ См.: ГАОО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 12. Л. 5–18.

хозяйственных потребностей; размещение сбережений с целью приращения процентов; оказание услуг посредничества членам товарищества при покупках предметов, необходимых для хозяйственной надобности, также при продаже произведений их труда²⁸⁸.

Помимо общих гражданских прав, принадлежащих обществу по закону, оно было вправе приобретать недвижимость в целях размещения и хранения предметов, поступающих в счет товарищества по его операциям. Также товарищество имело свою гербовую печать.

Деятельность товарищества контролировалась инспектором, состоящим в ведении Орловского отделения Государственного банка. В полномочия инспектора входили: ревизия кассы, отчетности и делопроизводства товарищества; наблюдение за исполнением товариществом требований закона и положений устава. В случае обнаружения правонарушений в делопроизводстве со стороны кредитной организации, инспектор был вправе отстранять от должности ответственных лиц и возлагать на себя полномочия по обеспечению непрерывного течения дел товарищества. Управление делами товарищества возлагалось на следующие органы: Правление; Поверочный совет; Общее собрание членов товарищества.

На Правление товарищества возлагались дела, связанные с делопроизводством всей организации: введение точных списков участников товарищества, осуществление учета кредитных средств, выдача разрешений на прием и возврат вкладов, исполнение взысканий на имущество, принятие решений о покупке и продаже ценных бумаг и недвижимости²⁸⁹. Правление состояло из 3 членов и двух кандидатов, избираемых общим собранием товарищества сроком на 3 года. Члены Правления избирали председателя сроком на 1 год. Данный орган управления товариществом решал вопросы коллегиально, путем регулярного созыва собраний простым большинством голосов. Заседания правления считались легитимными, если на нем присутствовали все 3 члена

²⁸⁸ См.: Там же. Л.6.

²⁸⁹ См.: Там же. Л.12-13.

Правления. За убытки, причиненные товариществу Правлением своими неправомерными действиями и решениями, члены вышеуказанного органа управления отвечали всем своим имуществом.

В функции Поверочного совета входило наблюдение за исполнением положений устава организации, в том числе: проверка денежных средств и ценных бумаг, мониторинг выданных кредитов, рассмотрение текущих жалоб на деятельность Правления, проверка отчетов, книг, документов, годовых отчетов о результатах текущей деятельности товарищества. Поверочный совет состоял из 3 членов и одного кандидата, которые избирались на общем собрании простым большинством голосов. В случае обнаружения нарушений, совет делал письменное указание Правлению об устранении нарушений. В случаях обнаружения нарушений, которые носили неустранимый характер, созывалось общее чрезвычайной собрание и с письменным уведомлением государственного инспектора.

Общее собрание членов товарищества играло существенную роль в жизни финансовой организации. Каждый участник товарищества имел 1 голос, который мог быть реализован в рамках общего голосования по вопросам: ежегодного рассмотрения годового отчета, рассмотрения сметы расходов по управлению делами товарищества, утверждения отчетов Правления и распределения прибыли²⁹⁰. В процессе общего голосования каждый член товарищества имел право заявить свои возражения и занести их в книгу учета собраний. Если принятые решения противоречили закону или учредительным целям товарищества, то подобные протесты представлялись государственному инспектору Правлением данного юридического лица. Все решения оформлялись в форме постановлений и вносились в книгу учета.

В члены товарищества могли быть приняты лица любой гендерной принадлежности, проживающих в городе Орле, имеющих право самостоятельно распоряжаться своим имуществом и ведущих самостоятельное хозяйство. Иные товарищества и артели могли быть приняты в состав вышеуказанного

²⁹⁰ См.: Там же. Л.14–15.

юридического лица, если большинство его действующих членов признало бы такую инициативу необходимой на общем собрании. К приему в члены товарищества не допускались лица, которые уже состояли в иных кредитных товариществах, малолетние и недееспособные лица. Каждый член товарищества, помимо личной имущественной ответственности, отвечал по обязательствам лица, за которого они несли поручительство. Более того, учредительные документы содержат информацию о «круговой поруке»²⁹¹ по всем обязательствам и убыткам товарищества, возникшим как до вступления одного из членов в его ряды, так и во время их пребывания. Суммы, взысканные с отдельных членов товарищества в силу круговой поруки, подлежали распределению между всеми участниками юридического лица соразмерно суммам выделенных им кредитов. Избрание в члены товарищества производилось на общем собрании путем принятия решения простым большинством голосов. Артели и иные товарищества баллотировались как одно лицо. Члены товарищества обязывались дать письменную гарантию о том, что добровольно принимают на себя круговую поруку. Члены товарищества несли материальную ответственность и после выхода из состава товарищества в течении двух недель по обязательствам, возникшим до момента их фактического выбытия из товарищества. Участники данной организации товарищества не имели право на выход до момента окончательного погашения всех долгов перед вышеуказанным юридическим лицом. Следует отметить тот факт, что члены товарищества могли быть исключены из состава не только по своей инициативе, но и по постановлению общего собрания или санкции суда. Днем выбытия считался день подачи самого заявления либо момент окончательной выплаты по долгам.

В основу капитала закладывалась сумма в 2 тыс. руб., которая предоставлялась в пользование данного юридического лица на основе возмездности предоставленного капитала. Так, капитал, выделенный со стороны Государственного банка (его регионального отделения), должен был выплачен товариществом по истечении 5 лет. Транш мог быть произведен как единовременно,

²⁹¹ См.: Там же. Л. 7.

так и путем аннуитетных платежей из средств запасного капитала товарищества. За пользование вышеуказанными средствами, товарищество ежегодно уплачивало проценты (6% годовых) в пользу Государственного банка и его кредиторов.

Основной капитал организации служил для обеспечения делопроизводства товарищества, который также мог быть использован для погашения долгов в случае недостатка средств в запасном капитале товарищества. Следует отметить, что запасной капитал товарищества формировался путем отчисления части чистой прибыли финансовой организации. Финансовые средства товарищества также могли быть направлены на выдачу пособий своим членам, а также на благотворительные цели. Под чистой прибылью товарищества признавалась сумма, которая оставалась за вычетом из валового счета за минувший финансовый период. В вычет входили выплаченные проценты по вкладам, расходы по содержанию операционной деятельности товарищества.

Денежные вклады могли быть приниматься товариществом как от их членов, так и от посторонних лиц и учреждений. Общее собрание было вправе ограничивать как наименьший, так и наибольший размер вклада. Размеры выплат по вкладам и сроки их выплат также определялись по решению общего собрания. Собрание имело право принимать и бессрочные вклады, которые могли быть востребованы в любое время по инициативе вкладчика. Проценты по вкладам выплачивались в зависимости от соглашения со вкладчиком каждое полугодие или по истечению каждого финансового года. Внесенный вклад мог быть передан владельцем другому лицу по его непосредственному заявлению. Все уплаченные средства не облагались сборами и налогами.

Выдача кредитов товариществом своим членам производилась преимущественно на хозяйственные потребности. Выплата по данным обязательствам осуществлялась как в полном объеме, так и аннуитетными платежами. Правление товарищества определяло степень необходимости выделения средств, а также благонадежность самого кредита. Следует отметить тот факт, что общее собрание было вправе давать разрешение на выделение дополнительных кредитных средств в счет уже открытых обязательств, которые

выдавались под личное поручительство²⁹². К поручительству допускались как члены товарищества, так и третьи лица. Отдельного внимания заслуживает то обстоятельство, что ссуда единоличного члена товарищества по всем обязательствам не могла превышать суммы в 200 руб.²⁹³ Размер процентов за пользование денежными средствами определялся общим собранием и мог быть изменен в рамках общего голосования. До момента окончательного возврата средств уставного капитала Государственному банку, регулирование ставок по кредитованию определялось с предварительного согласия данной финансовой организации. Заемщик был вправе на досрочное погашение своих обязательств, однако, выплаченные им проценты подлежали возврату лишь за полные месяцы, которые оставались до окончания срока договора по кредитованию. По краткосрочным судам Правление было в праве, в уважительных случаях (пожары, бедствия, смерть одного из близких лиц)²⁹⁴, предоставлять кредитные каникулы на срок не более 6 месяцев.

Исследование процесса формирования и функционирования системы мелкого кредитования в Орловской губернии позволяет сделать ряд существенных выводов, в рамках данного подраздела, о характере и особенностях развития финансово-кредитных отношений в регионе во второй половине XIX – начале XX вв. Необходимо отметить тот факт, что история учреждений малого кредита в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. демонстрирует сложный, но важный этап становления финансовой кооперации в России. Первый опыт, связанный с деятельностью Орловского общества взаимного кредита (1869–1885 гг.), оказался неудачным из-за недостаточного контроля за рисками, злоупотреблений и несовершенства законодательства. Однако его крах послужил важным уроком, способствовавшим развитию более устойчивой системы мелкого кредитования.

К концу XIX в. государство активно включилось в регулирование этой сферы, приняв в 1895 г. закон об учреждениях мелкого кредита. Это позволило

²⁹² См.: Там же. Л.11.

²⁹³ См.: Там же. Л.12.

²⁹⁴ См.: Там же. Л.12–13.

создать систему кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, сельских банков и касс, ориентированных на поддержку малого предпринимательства и сельского хозяйства. Важную роль в их развитии сыграли Министерство финансов и Государственный банк, которые не только предоставляли средства, но и контролировали их целевое использование.

Орловская губерния стала одним из регионов, где кооперативное кредитование получило широкое распространение. К 1914 г. здесь действовали 214 кредитных и 18 ссудо-сберегательных товариществ, охвативших более 67% крестьянских хозяйств. Их деятельность выходила за рамки чисто финансовых операций: они занимались закупкой сельхозинвентаря, организацией товарообмена, поддержкой ремесленников и даже социальными проектами (например, созданием народных домов и библиотек).

Особенностью местных учреждений мелкого кредита была их тесная связь с земствами и государственными структурами. Земства не только финансировали кооперативы, но и способствовали внедрению новых технологий в сельское хозяйство. В период Первой мировой войны кредитные товарищества взяли на себя функции снабжения населения товарами первой необходимости, борясь со спекуляцией.

Однако после революции 1917 г. система мелкого кредита была ликвидирована в рамках политики военного коммунизма и централизации финансовой системы. Несмотря на это, ее исторический опыт остается ценным: он показал, что кооперативные модели кредитования, основанные на взаимной ответственности, государственной поддержке и местной инициативе, могут быть эффективным инструментом экономического развития.

В качестве выводов к настоящему разделу следует отнести следующие положения:

В историко-институциональном аспекте развития кредитования особое значение имеет создание Орловского общества взаимного кредита в 1869 г., ставшее отправной точкой для развития специализированных финансово-кредитных институтов. Вышеуказанные институты были ориентированы на

обслуживание потребностей торгово-промышленного сословия и сельских предпринимателей, что способствовало экономическому развитию региона.

Организационная структура кредитных учреждений отличалась сложной и продуманной системой управления. В ней было четко распределены полномочия между различными органами управления, налажен многоуровневый контроль и выработан эффективный механизм принятия решений. Важное место занимала комплексная система оценки кредитоспособности заемщиков, что обеспечивало надежность кредитных операций.

Механизм функционирования кредитных организаций базировался на принципах взаимности и товарищества участников. Дифференцированный подход к кредитованию, строгая система оценки благонадежности заемщиков и разнообразные формы обеспечения кредитов создавали прочную основу для устойчивого развития. Все операции были четко регламентированы, что минимизировало риски.

Экономическая эффективность системы мелкого кредитования обеспечивалась широким спектром предоставляемых услуг, диверсификацией доходной базы, эффективным управлением рисками и балансом интересов всех участников процесса. Кредитные учреждения стали важным элементом региональной финансовой инфраструктуры.

Социальное значение развития мелкого кредитования заключалось в поддержке малого и среднего предпринимательства, стимулировании торгово-промышленного развития региона, создании доступных условий для получения займов и формировании финансовой грамотности населения. Это способствовало общему экономическому развитию губернии.

Инновационный характер развития системы кредитования проявился во внедрении современных для того времени методов оценки кредитоспособности, использовании различных форм обеспечения, развитии посреднических операций и создании эффективной системы управления рисками. Кредитные учреждения постоянно совершенствовали свою деятельность.

Анализ показывает, что, несмотря на определенные трудности начального периода, система мелкого кредитования в Орловской губернии эволюционировала в эффективный механизм финансовой поддержки населения. Опыт организации кредитных учреждений демонстрирует успешную модель адаптации финансовых институтов к потребностям регионального рынка, сочетающую государственные интересы с частными инициативами.

Таким образом, формирование системы мелкого кредитования в Орловской губернии стало важным этапом развития региональной финансовой инфраструктуры, создав предпосылки для экономического роста и модернизации хозяйственной системы региона в конце XIX – начале XX вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог настоящему исследованию, необходимо отметить тот факт, что банковская система Российской империи прошла долгий и сложный путь развития, отражая экономические, политические и социальные изменения, происходившие в стране на протяжении нескольких столетий. Ее становление и эволюция были тесно связаны с процессами модернизации государства, развитием промышленности, торговли и сельского хозяйства, а также с интеграцией России в мировую экономику. Банковская система играла ключевую роль в финансировании государственных нужд, поддержке предпринимательства и формировании капиталистических отношений в стране.

Отдельный вопрос диссертации был посвящен вопросу возникновения первого банковского учреждения России в контексте исследования генезиса банковского дела. Подобная проблематика была обусловлена тем фактом, что в стране долгое время отсутствовали правовые основы для создания организаций, занимающихся предоставлением займов под проценты. Их роль выполняли частные ростовщики, которые зачастую подвергались моральному осуждению. Более того, Соборное уложение от 1649 г. официально запретило взимание процентов по займам, вплоть до 1754 г.²⁹⁵ В ходе исследования генезиса банковского дела, было установлено, что ряд представителей научного сообщества считает, что первым учреждением с банковскими функциями стала Монетная контора в Санкт-Петербурге, что позволяет отнести начало Российской кредитной системы к середине XVIII в.²⁹⁶ Так, первые попытки создания кредитной системы связаны с деятельностью Петра II. Правовую основу для кредитных операций заложил Вексельный устав, введенный в действие 16 мая 1729 г. (Указ № 5410)²⁹⁷. Настоящий документ стал отправной точкой для формирования банковской системы Российской империи, поскольку впервые законодательно установил взимание процентов по займам. На основании Вексельного устава Монетная контора начала выдавать займы, а основные

²⁹⁵ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIV. № 10.235. С. 87–94.

²⁹⁶ См.: Андриюшин С. А. Указ. соч. С. 91.

²⁹⁷ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. № 5410. С. 147–197.

положения устава позже были подтверждены Указом императрицы Анны Иоанновны от 8 января 1733 г. «О правилах займа денег из Монетной конторы»²⁹⁸.

В Российской империи становление банковской системы, в отличие от ряда стран Западной Европы, началось в середине XVIII в. с создания государственных банков. В период с последней четверти XVIII в. до конца XIX вв. в стране активно функционировали ключевые докапиталистические кредитные учреждения, находившиеся в ведении государства: Государственный заемный банк, Санкт-Петербургская и Московская сохранные казны. В научной литературе, посвященной исследованию феодальных государственных банков, особое внимание уделяется их крепостнической природе. Преобладающей является точка зрения, согласно которой докапиталистический кредит носил преимущественно дворянский характер²⁹⁹. В условиях отсутствия кредитных учреждений в большинстве губернских городов Приказы общественного призрения выполняли важную функцию, предоставляя банковские услуги не только населению, но и местным органам власти, однако, на коммерческой основе. Приказы общественного призрения были учреждены в ноябре 1775 г. по указу императрицы Екатерины II с целью управления и контроля за образовательными, медицинскими и социальными учреждениями, такими как школы, больницы, богадельни и приюты. Для финансирования своей деятельности вышеуказанным учреждениям было разрешено осуществлять банковские операции. В частности, Приказы общественного призрения получили право принимать вклады и предоставлять кредиты под залог недвижимости, при условии, что заложенное имущество находилось в пределах той же губернии, где располагался данный орган.³⁰⁰

В ходе рассмотрения основ и структуры банковской системы, действующей в период XIX – XX вв., было установлено, что на рубеже второй половины XIX в.,

²⁹⁸ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. IX. № 6300. С. 6–7.

²⁹⁹ См.: Боровой С. Я. Указ. соч. С 50–61 с.; Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX – нач. XX в.): очерки истории и типологии рус. банков: избр. / редкол.: Л. И. Абалкин (отв. ред.) [и др.]; предисл. П. В. Волобуева; вступ. ст. С. И. Гиндина. М.: Наука, 1997. С.62–71.

³⁰⁰ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XX. 1775–1780. С. 271.

Российская империя пережила фундаментальную трансформацию экономической системы, ознаменованную переходом к более динамичным формам хозяйствования, где доминирующую роль приобрели механизмы рыночного обмена, которые не только активно стимулировали развитие индивидуальной предпринимательской активности, но и также способствовало переходу от мануфактурного производства и государственной монополии банковского сектора к крупномасштабному капиталистическому подъему. Вышеуказанные процессы протекали в условиях надзора со стороны государственного сектора, что предопределяло императивность нормативного упорядочения нарождающихся институциональных структур рынка, с целью минимизации хаотичности и обеспечения их гармоничной интеграции в национальную экономику. Среди данных структур особое место отводилось кредитной системе, функционирующей в качестве эффективного инструмента монетарных потоков и снабжения финансовыми активами индустриального и сельскохозяйственного секторов, тем самым обеспечивая их непрерывный рост.

Ключевой финансовой организацией второй половины XIX в., выступал Государственный банк Российской империи, который был учрежден 31 мая 1860 г. на основании указа императора Александра II ³⁰¹. Его создание стало важным этапом в развитии финансовой системы страны. Предшественником Государственного банка являлся Государственный коммерческий банк, от которого новому учреждению перешла ограниченная региональная инфраструктура. В контексте экономической мысли того периода центральный банк рассматривался преимущественно как коммерческий банк, специализирующийся на предоставлении краткосрочных кредитов³⁰². Подобный подход отражал общие тенденции развития банковского дела в Европе и подчеркивал важность краткосрочного кредитования для поддержки торговли, промышленности и других секторов экономики. Таким образом, создание

³⁰¹ См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 35. № 35847. С. 644–646.

³⁰² См.: Ламанский Е. И. Избранные сочинения / ред. Ю. А. Петров; сост. А. В. Бугров. М.: Новости, 2005. С. 145.

Государственного банка Российской империи стало не только административной реформой, но и шагом к интеграции страны в мировую финансовую систему.

В середине XIX в., в условиях растущей потребности в краткосрочном финансировании торговых операций, наблюдается рост частных акционерных банковских институтов³⁰³. Вместе с тем, финансовый дефицит побудил органы государственной власти отказаться от инициативы по институционализации системы земельных банков. Параллельно, для удовлетворения запросов на долгосрочное ипотечное кредитование, возникают частные кооперативные структуры, базирующиеся на механизме взаимной ответственности участников. Следует отметить тот факт, что в вышеуказанный период времени регуляторное воздействие государства на кредитный сектор носил минимальный характер. Следующее десятилетие также было ознаменовано ростом открытия акционерных банков по всей территории империи. Однако, несмотря на высокую предпринимательскую динамику, дальнейшее распространение сети частных финансовых организаций подвергается государственному сдерживанию. На рубеже конца XIX в., в контексте циклических кризисов в индустриальном и аграрном секторах, происходит усиление государственного контроля над кредитной инфраструктурой. Помимо Государственного банка, доминирующего в коммерческом сегменте, институционализируются два специализированных государственных земельных банка: Дворянский и Крестьянский поземельный³⁰⁴. В вышеуказанный период времени также завершается процесс консолидации капиталистической банковской системы, основа которой просуществовала вплоть до событий 1917 г. Общее строение данной системы представляло собой многоуровневую сеть финансовых институтов, интегрирующую государственные, общественные и частные компоненты. Государственный сегмент, подведомственный Министерству финансов, включает Государственную

³⁰³См.: Тагилова Н. Ф. Нижегородско-Самарский земельный банк в Самарской губернии: из истории коммерческого кредитования сельской недвижимости в Российской Империи второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2-2(93). С. 84–87.

³⁰⁴ См.: Кисмина Е. В., Благочиннова Н. А. Государственные банки в системе кредита российской империи второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014. № 5(115). С. 103–111.

комиссию погашения долгов, Государственный банк с разветвленной филиальной структурой (конторы, отделения, агентства), государственные сберегательные кассы, Дворянский земельный банк, Крестьянский поземельный банк и казенные ссудные учреждения. Таким образом, настоящая система стала важным элементом финансовой инфраструктуры Российской империи, обеспечивая стабильность и развитие экономики в условиях модернизации.

В структуре организации кредита в Российской империи выделялись две фундаментальные категории финансовых институтов: общественного и частного секторов. Общественные кредитные организации агрегировали муниципальные банковские, а также специализированные банки и кредитные кооперативы, инициированные сословными группами (дворянством, купечеством и иными сословиями). К вышеуказанной когорте примыкали волостные и станичные банковские единицы сельского уровня, ориентированные на микрокредитование.

Частный сегмент кредитных институтов, находящийся в собственности индивидуальных или коллективных субъектов, инкорпорировал акционерные коммерческие банки (дифференцированные по функционалу: учетные, ссудные, торговые, индустриальные), общества взаимного кредита, акционерные земельные банки и структуры поземельного кредитования, опирающиеся на солидарную ответственность заемщиков. В вышеуказанный круг входили также и кредитные общества, частные ломбарды, кредитные товарищества, ссудо-сберегательные ассоциации, банкирские дома.³⁰⁵

Государственный банк Российской империи обладал обширной территориальной инфраструктурой, представленной сетью региональных подразделений в форме контор, отделений и агентств, что позволяло обеспечивать доступность услуг в различных частях империи. К началу 1917 г. данная сеть насчитывала 11 контор, 133 постоянных и 5 временных отделений, а также 42 агентства, ассоциированных с зернохранилищами³⁰⁶. Конторы размещались преимущественно в ведущих торгово-промышленных центрах для концентрации

³⁰⁵ См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XI. Ч. 2. С. 738.

³⁰⁶ См.: Туголукова М. В. История банковского дела в России // Экономика и социум. 2015. № 2-4(15). С. 864–868.

на крупных операциях, в то время как отделения интегрировались в их административные округа и подчинялись им напрямую, обеспечивая локальную адаптацию. Агентства, в свою очередь, функционировали под контролем либо отделений, либо контор, фокусируясь на специфических нуждах, таких как сельскохозяйственное финансирование. Номенклатура операций для каждого подразделения определялась Советом банка с учетом экономической специфики региона, включая уровень промышленного развития, аграрную ориентацию или торговую активность.

Переходя к теме предпосылок формирования региональной банковской сети, следует отметить, что важным фактором создания губернских банков стало развитие местного самоуправления. Губернии, как административные единицы, нуждались в собственных финансовых инструментах для решения локальных задач. Наряду с вышеуказанным фактом, после отмены крепостного права в 1861 г. возникла острая необходимость в кредитовании крестьян и помещиков, которые столкнулись с финансовыми трудностями в процессе перехода к новым экономическим условиям. Еще одной причиной стало стремление государства упорядочить кредитную систему. Так, до появления губернских банков кредитные операции часто осуществлялись через частных ростовщиков, что приводило к высоким процентам и злоупотреблениям. Губернские банки, находясь под контролем местных властей, должны были стать более надежным и доступным источником финансирования. Настоящие учреждения создавались для удовлетворения финансовых потребностей регионов, поддержки местного предпринимательства и развития экономики на местах. Одним из ярких примеров таких банков являлся общественный банк Орловской губернии, который стал важным элементом финансовой системы региона. Орловская губерния, как и многие другие регионы России, столкнулась с необходимостью организации кредитных учреждений для поддержки сельского хозяйства, торговли и промышленности. Губернские банки, в отличие от государственных или частных, были ориентированы на решение локальных задач. Они предоставляли ссуды под

залог недвижимости, финансировали местные проекты и способствовали развитию инфраструктуры.

Таким образом, проведенное исследование генезиса и развития банковской системы Орловской губернии, в контексте общероссийских финансовых процессов, позволяет сформулировать ряд фундаментальных выводов, раскрывающих системную взаимосвязь между историческими финансовыми традициями, государственной политикой и региональной экономической спецификой. Так, в ходе изучения истории зарождения и развития банковского дела на территории Орловской губернии было установлено, что на рубеже XIX в. Орловская губерния выступала одним из ведущих аграрных и торговых центров Центрального Черноземья Российской империи. Экономика вышеуказанного региона опиралась на высокоразвитое сельскохозяйственное производство, ориентированное как на удовлетворение внутренних потребностей, так и на масштабный экспорт зерна, конопли, сахарной свеклы и других товаров в Центральные и Западные районы страны. Однако отсутствие развитой и структурированной финансовой инфраструктуры существенно сдерживало дальнейший прогресс в сфере торговли, промышленности и транспортного строительства. Наряду с вышеуказанным обстоятельством, формирование кредитных учреждений в губернии тесно коррелировало с общероссийской государственной политикой в банковской сфере. В начале XIX в. в империи уже действовали государственные кредитные институты, ориентированные на предоставление займов купечеству, промышленникам и землевладельцам. Благодаря выгодному географическому положению на пересечении важнейших торговых путей Орловская губерния стала одним из тех регионов, где финансовая система начала складываться особенно динамично. Так, на начальном этапе зарождения регионального банковского дела, кредитование в губернии носило преимущественно неорганизованный характер и опиралось на ростовщические практики, а также операции с бумажными деньгами. Переход к более системным формам произошел в последней трети XVIII в. с учреждением в 1781 г. Орловской конторы Государственного ассигнационного банка. Настоящее

учреждение, созданное в соответствии с манифестом 29 декабря 1768 г. «Об основании двух ассигнационных банков и выпуске ассигнаций», осуществляло выпуск и обмен бумажных денег на металлическую монету, способствуя постепенному вытеснению тяжелого медного обращения. До середины XIX в. важную роль в кредитовании дворянства сохранял Приказ общественного призрения, однако отсутствие специализированных коммерческих банков ограничивало доступ к капиталу для купечества и крестьянства, замедляя экономическое развитие аграрно-ориентированного региона. Финансовые операции того времени оформлялись преимущественно через залоговые документы и векселя, обращавшиеся в банкирских домах и частных конторах. Качественный перелом наступил в пореформенный период.

Реформы 1860-х гг. и экономический подъем региона как крупного производителя и поставщика сельскохозяйственной продукции стимулировали создание первых полноценных кредитных учреждений. Так, в 1864 г. в Орле был открыт городской общественный банк, в 1865 г. – отделение Государственного банка Российской империи, а в 1872 г. – Орловский коммерческий банк. Данные финансовые институты заложили фундамент региональной банковской сети, обеспечив финансирование торговли зерном и другими сельскохозяйственными товарами, активизировав товарооборот и способствуя более глубокой интеграции губернии в общероссийский и международный рынки.

Переходя к рассмотрению опыта Орловского общественного банка, возникает объективная необходимость в предоставлении его ретроспективной характеристики. Так, вышеуказанное кредитное учреждение было открыто 1 февраля 1864 г. на основании приказа Орловского губернского правления № 15020 от 28 ноября 1863 г.³⁰⁷ Первоначально в штат банка входили: директор, два товарища, бухгалтер и два сторожа. На более позднем этапе своего развития, в штат банка вошла канцелярия³⁰⁸. В своей деятельности городской общественный банк руководствовался высочайше утвержденным 6 февраля 1862 г. «Положением

³⁰⁷ См.: ГАОО. Ф. 580. Д. 304. Л. 69; ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 480. Л. 1, 21, 22.

³⁰⁸ См.: ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 480. Л. 21

о городских общественных банках»³⁰⁹. Ввиду незначительности капиталов первые 2 месяца своей работы общественный банк занимался только операциями по принятию вкладов и выдаче ссуд под обеспечение векселями. Однако, уже к осени 1864 г., банк начал принимать вклады по обеспечению процентных ценных бумаг, а также расширил спектр кредитных операций под залог недвижимого имущества. Более того, с декабря 1864 г. Орловский общественный банк, за счет увеличения своих оборотных средств, начал выдавать ссуды и под залог движимого имущества: ценных металлов, камней, ювелирных изделий и других товаров.³¹⁰ Следует отметить тот факт, что на основании статьи 16 «Положения о городских и общественных банках», члены правления Орловского общественного банка, совместно с городским главой и двумя депутатами местной думы, на ежемесячной основе, осуществляли поверку наличности в соответствии с книгами их учета³¹¹. Стоит также отдельно выделить то обстоятельство, что финансовая деятельность вышеуказанного банка носила прибыльный характер. Так, уже к 1872 г. основной и запасной капиталы Орловского общественного банка достигли отметки в 240 000 руб., а сумма вкладов клиентов – 1 712 000 руб.³¹² Вместе с тем, несмотря на удачное начало своей финансовой деятельности, в 1883 г. банк был признан банкротом вследствие многочисленных правовых и экономических нарушений.

Принимая во внимание все вышеуказанное, в рамках настоящего диссертационного исследования была изучена и систематизирована не только операционная деятельность самого банка, но установлен поэтапный процесс и причины резонансного банкротства вышеуказанного учреждения. Так, экспертная комиссия Государственного банка и следователи Орловского окружного суда, в рамках судебного следствия, выявили финансовые растраты и подлоги со стороны руководства банка, в том числе, и со стороны директора вышеуказанной

³⁰⁹ См.: ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 362. Л. 246–266.

³¹⁰ См.: ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 480. Л. 35, 54, 64.

³¹¹ См.: Там же. Л. 33.

³¹² См.: ГАОО. Ф. 580. Д. 304. Л. 69–70.

финансовой организации – Авилова Ивана Алексеевича³¹³. Убытки по недочету кассы и по вексельным операциям к марту 1883 г. достигли суммы в 1 363 808 руб. 16 коп.; общая сумма невозвращенных вкладов составила 1 915 000 руб.³¹⁴

Подводя итог деятельности первого банка Орловской губернии, необходимо отметить тот факт, что первые годы существования данной финансовой организации носили сугубо положительный характер. Банк активно наращивал клиентскую базу, расширялся спектр проводимых операций. Однако, на рубеже 1883–1884 гг., банк столкнулся с существенными финансовыми проблемами. Кризис Орловского общественного банка, исходя из вышеуказанных данных, был обусловлен многочисленными финансовыми нарушениями. Так, вышеуказанное кредитное учреждение, в целях завышения своих показателей, стало внедрять практику фиктивных операций, зачастую, выдавая ссуды самому себе или аффилированным лицам. Настоящая мера привела к последующей невозможности обслуживания своих долгов перед своими кредиторами. Более того, из-за большого числа фиктивных сделок и долговых расписок, стоимость всего капитала Орловского общественного банка сократилась до оценки в 4 коп. за 1 руб. актива. Подобное обстоятельство нанесло огромный вред для всех вкладчиков данного банка и надолго подорвало доверие рядовых граждан к подобным финансовым институтам.

Следующий качественный скачок в развитии финансовой инфраструктуры губернии связан с открытием в 1865 г. Орловского филиала Государственного банка, который, интегрировав функции Приказа общественного призрения, стал центральным элементом региональной кредитной системы. Его деятельность по приему депозитов, выдаче краткосрочных ссуд и проведению вексельных операций создала устойчивую основу для коммерческого оборота. Параллельно формировалась сеть специализированных институтов, отражавшая общероссийский принцип разделения краткосрочного коммерческого и долгосрочного ипотечного кредитования. Дворянский и Крестьянский земельные

³¹³ См.: ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 362–368.

³¹⁴ См.: ГАОО. Ф. 580. Д. 304. Л. 156–157.

банки, созданные в 1880-х гг., решали задачи поддержки помещичьего землевладения, соответствуя аграрной политике государства.

Отделение Государственного банка в Орловской губернии было открыто 15 сентября 1865 г. в целях оживления торгового оборота и расширения кредитно-денежной системы³¹⁵. В штат сотрудников входили: управляющий отделением, контролер, бухгалтер по делам приказа, кассир, а также их помощники³¹⁶. Следует отметить тот факт, что число сотрудников банка со временем увеличивалось³¹⁷. Так, в сентябре 1868 г. в распоряжение Орловского филиала были переданы дела Приказа общественного призрения по кредитной части³¹⁸. Отделение Государственного банка в Орловской губернии осуществляло следующие функции: принимало вклады на хранение, обращая их в проценты; предоставляло кратковременные ссуды до 9 месяцев под залог процентных бумаг, драгоценных металлов и недвижимого имущества; осуществляло учет по вексельным обязательствам и других срочных документов; покупало и продавало кредитные билеты; предоставляло услуги по обмену билетов. С момента принятия нового Устава Государственного банка в 1894 г.³¹⁹, деятельность Орловского филиала была направлена на предоставление коммерческого или промышленного кредита. Также при Правлении банка находился учетный и ссудный комитет, осуществляющие первичную оценку стоимости и качества, предоставляемого в залог товара. Более того, было исследовано, что в распоряжении банка находилась государственная сберегательная касса № 32 и ссудо-сберегательная касса для служащих отделения³²⁰. На позицию первого руководителя Орловского отделения был назначен Николай Иванович Анненков, одновременно получивший повышение в чин коллежского советника. Изначально филиал функционировал в одном здании с казенной палатой, расположенное на Садовой улице (в настоящее время – улица Максима Горького). В 1885 г. на той же локации завершилось

³¹⁵ См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XL. Ст. 42533.

³¹⁶ См.: Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1868 год / под ред. А. Тарачкова. Орёл: Канцелярия Орл. губ. стат. ком., 1867. С. 8.

³¹⁷ См.: ГАОО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 176. Л. 61–63.

³¹⁸ См.: Там же. Д. 2. Л. 38.

³¹⁹ См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 14. Ст. 18767.

³²⁰ См.: ГАОО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 110.Л.1–15.

возведение специализированного сооружения, предназначенного исключительно для нужд Орловского отделения Государственного банка.

В начальный период своей работы Орловское отделение выполняло спектр ключевых финансовых операций: прием депозитов с начислением процентов; предоставление краткосрочных кредитов (сроком до 9 месяцев) под обеспечение ценными бумагами с фиксированным доходом, драгоценными металлами, товарными активами или недвижимостью. Кредитные продукты классифицировались на две основные категории – займы для производственных целей и займы для торговых операций. Помимо этого, филиал проводил коммерческие транзакции, включая дисконтирование векселей и иных срочных обязательств, операции по приобретению и реализации ценных бумаг, а также обмен кредитных билетов. За период функционирования объемы операций Орловского отделения значительно возросли, расширилась база клиентов, что привело к росту доходности. Параллельно с увеличением оборотов возрастало и количество типов операций. В частности, в 1884 г. была внедрена новая форма кредитования – предоставление займов землевладельцам под соло-векселя. Усиление операционной активности повлекло за собой расширение штата сотрудников: если в 1877 г. в филиале числилось 11 специалистов, то к 1888 г. их количество достигло 17 человек.

Вместе с тем, банковская система Российской империи, включая Орловское отделение, столкнулась с серьезными вызовами в период с 1901 по 1917 гг., обусловленными войнами, революционными событиями, сменой политического режима и Гражданской войной. В это время филиалом руководил Сергей Иванович Астафьев, чья должность эволюционировала в зависимости от исторического контекста: управляющий Орловским отделением Государственного банка (1901–1917 гг. и 1922–1924 гг.), управляющий Орловским отделением Народного банка (1917–1920 гг.) и заведующий сметно-расчетным подразделением губернского финансового отдела (1920–1922 гг.). Согласно архивным источникам, на 1 января 1917 г. в штате Орловского

отделения Государственного банка насчитывалось 124 сотрудника³²¹. На основании ВЦИК Советов от 17 декабря 1917 г. «О национализации банков» Орловское отделение Госбанка было реорганизовано в отделение Народного Банка³²².

Особую важность для настоящего диссертационного исследования также заслуживает феномен частного банковского капитала, ярким представителем которого выступил Орловский коммерческий банк. Данный коммерческий банк был основан в 1872 г., создание которого было неразрывно связано с именем московского банкира Лазаря Соломоновича Полякова, известного предпринимателя, представителя семьи банкиров и железнодорожных подрядчиков. Изначально его деятельность была сосредоточена в Орловской губернии (города Орел, Елец, Ливны, Брянск), через которую проходила железнодорожная магистраль, соединяющая Царицын с Ригой, что обеспечивало выход продукции региона на западные рынки. Следует также отметить, что Орловский коммерческий банк был одним из первых акционерных банков Российской империи. Вышеуказанный банк изначально ориентировался на обслуживание аграрных регионов, начиная с Орловской губернии, а позже расширил деятельность на другие губернии Центра, Юга и Запада Европейской России. Миссия настоящего кредитного учреждения заключалась в содействии местной торговле, промышленности и сбыту сельскохозяйственной продукции на внутренние и внешние рынки. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что Орловский коммерческий банк, в соответствии с его уставом, отличался более сжатой системой выборных постов по сравнению с кредитными организациями Санкт-Петербурга, Москвы и ряда провинциальных банков.³²³ В академических трудах обычно реконструируется типичная архитектура управления российским акционерным коммерческим банком, включающая 4–5 членов правления, избираемых акционерным собранием, а также назначаемого директора,

³²¹ См.: ГАОО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 78. Л. 50–89.

³²² См.: Сборник декретов Рабочего и Крестьянского Правительства. М., 1920. С. 7.

³²³ См.: Устав С.-Петербургского Международного Коммерческого банка: утв. 28 мая 1869 г. СПб., 1894. С. 25.

отвечающего за транзакции, административные процессы и корреспонденцию³²⁴. Как правило, директор, несмотря на отсутствие формального требования, часто совмещал функции члена правления. Надзор за правлением осуществлял совет, также формируемый акционерами. В масштабных банках доминирующая роль отводилась советам, составленным из значимых акционеров и элиты торгово-промышленного сектора. Правление Орловского коммерческого банка, в свою очередь, состояло из трех лиц, и акционерное собрание также избирало трех кандидатов в члены правления. В структуре правления предусматривались роли директора и двух его заместителей, не входящих в правление. Директорату запрещалось заниматься торговлей и участвовать в руководстве иными акционерными компаниями, что соответствовало стандартным уставным предписаниям. В отличие от конвенциональной схемы, в Орловском коммерческом банке отсутствовал расширенный совет; его компетенции реализовывались тремя депутатами, избираемыми акционерным собранием и контролирующими операции правления.

Не менее важным компонентом региональной банковской системы Орловской губернии стала сфера мелкого кредита, представленная Орловским обществом взаимного кредита (1869 г.) и разветвленной сетью кредитных и ссудо-сберегательных товариществ. Их организационная структура, основанная на принципах взаимности, строгой оценке кредитоспособности и дифференцированном подходе к заемщикам, создала доступный финансовый механизм для поддержки малого и среднего предпринимательства, крестьянских хозяйств и торгово-промышленного сословия. Система управления кредитными организациями характеризовалась высокой степенью сложности и тщательной проработкой, с четким распределением компетенций между различными органами власти, многоуровневым механизмом контроля и оптимизированным процессом принятия решений. Центральное место в данной структуре отводилось всесторонней системе анализа кредитоспособности потенциальных заемщиков,

³²⁴ См.: Рабинович Г. Х. Буржуазия города Барнаула (1861 – середина 90-х годов XIX в.) / В. А. Скубневский // Из истории Сибири. 1970. Вып. 1. С. 70–107.

что гарантировало стабильность и надежность кредитных транзакций. Операционная модель кредитных институтов опиралась на принципы взаимопомощи и коллективного участия заинтересованных сторон. Дифференциация подходов к кредитованию, процедура оценки надежности заемщиков и многообразие инструментов обеспечения займов формировали солидную основу для долгосрочной устойчивости. Все виды деятельности подчинялись строгой регламентации, что способствовало минимизации операционных рисков. Высокая эффективность системы малого кредитования достигалась за счет широкого ассортимента предлагаемых финансовых услуг, диверсификации источников доходов, профессионального управления рисками и гармоничного баланса интересов всех участников экосистемы. Кредитные учреждения превратились в неотъемлемый компонент региональной финансовой инфраструктуры, способствуя ее укреплению и развитию.

Социальная роль эволюции системы малого кредитования проявлялась в стимулировании малого и среднего бизнеса, активизации торгово-промышленного сектора региона, обеспечении доступности заемных средств и повышении уровня финансовой грамотности среди населения. Вышеуказанные факторы в совокупности способствовали всестороннему экономическому прогрессу губернии. Инновационность процесса формирования кредитной инфраструктуры выражалась во внедрении передовых для эпохи методик оценки кредитоспособности, применении разнообразных форм гарантийных механизмов, расширении посреднических функций и разработке эффективных стратегий риск-менеджмента. Кредитные институты демонстрировали постоянное стремление к совершенствованию своей операционной деятельности. Таким образом, становление системы мелкого кредитования в Орловской губернии ознаменовало собой ключевой этап в эволюции региональной финансовой инфраструктуры, заложив фундамент для экономического подъема и модернизации хозяйственного комплекса территории на рубеже XIX – XX вв.

В рамках настоящего исследования следует отдельно отметить тот факт, что несмотря на недостаточный массив архивных данных относительно деятельности

Орловского отделения Крестьянского поземельного и Дворянского банков, представляется необходимым изложить наиболее существенные положения и факты, которые отражали бы особенности и сущность финансовой деятельности вышеупомянутых организаций. Так, крестьянская реформа 1861 г. сохранила остатки элементов системы крепостного права в виде сохранения института помещичьего землевладения, что порождало протестные настроения и движения среди крестьянства. В целях стабилизации ситуации, а также предоставления купечеству легальной возможности приобретения земельных наделов Правительство учредило Крестьянский поземельный банк в 1882 г.³²⁵

На вышеуказанное кредитное учреждение возлагалась задача облегчения покупки земель путем выдачи ссуд. Аппарат Крестьянского банка состоял из совета банка и местных учреждений и отделений. На совет возлагались следующие задачи: разрешение выдачи ссуд, счетоводство по судам и уплата по ним, предоставление льгот и рассрочек по кредитам, выпуск «свидетельств» Крестьянского поземельного банка, реализуемых Государственным банком³²⁶. Кредиты Крестьянского банка выдавались: товариществам, объединениям нескольких зажиточных крестьянских хозяйств и отдельным крестьянам. Размер ссуд не превышал 70% стоимости покупаемой земли, однако, покупатель был обязан уплачивать часть денег помимо ссуды³²⁷. Условия кредитов отдавали явное предпочтение кулакам. Займы выдавались по желанию заемщиков на 25 или 35 лет.³²⁸, которые погашались путем взноса процентов в определенные сроки за каждое истекшее полугодие. Финансовые ресурсы отделения формировались за счет эмиссии государственных ценных бумаг (ипотечных листов под 5,5% годовых), резервного капитала из прибыли и субсидий из казны, включая выкупные платежи крестьян. В административном плане отделение интегрировалось с местными органами, что позволяло учитывать региональные

³²⁵ См.: ПСЗРИ. Собр. 3. 1886. Т. II. Ст. 894. С. 218.

³²⁶ См.: ГАОО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 102. Л. 77–80.

³²⁷ См.: ГАОО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 94. Л. 54–59.

³²⁸ См.: ГАОО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–8.

особенности: в Орловской губернии акцент делался на кредитование под черноземные угодья, подходящие для зернового хозяйства.

Структура Орловского отделения соответствовала общей модели банка: она возглавлялась управляющим, назначаемым Министром Финансов, и советом, состоящим из трех членов – одного от губернатора и двух от губернского земского собрания или присутствия по крестьянским делам. Управляющий обладал исполнительными полномочиями, включая контроль за финансовыми потоками, соблюдением нормативов и распределением обязанностей среди персонала. Совет занимался рассмотрением заявок на кредиты, оценкой залоговых объектов и мониторингом погашения задолженностей. С 1895 г. отделение активно занималось скупкой земель для последующей перепродажи, особенно интенсивно в 1906–1908 гг., чтобы стабилизировать цены во время революционных событий 1905–1907 гг. В региональном контексте это включало операции по уездам, такие как оценка и кредитование под сельскохозяйственные продукты и инвентарь, аналогично практикам Государственного банка в Орле. С 1906 г. Орловское отделение стало ключевым инструментом Столыпинской реформы, направленной на стимулирование индивидуального крестьянского землевладения. Указом от 15 ноября 1906 г. банку разрешалось кредитовать под надельные земли при переходе на хутора и отруба, а также при переселении. В губернии это проявилось в продаже казенных и удельных земель, полученных банком в 1906–1907 г., с акцентом на создание отрубных и хуторских хозяйств. Отделение способствовало выходу крестьян из общины, предоставляя ссуды малоземельным и среднеземельным группам, что усилило социальную мобильность в регионе. В Орловской губернии реформа привела к фрагментации крупных имений, способствуя модернизации сельского хозяйства, хотя и вызывая противоречия среди традиционных общин. Следует отметить тот факт, что новый устав Крестьянского поземельного банка, изданный от 27 ноября 1895 г., расширил деятельность вышеуказанного банка, который получил право покупки дворянских земель и последующей продажи их по цене выше рыночной крестьянам за выданную ссуду. Для настоящих целей было объединено

управление Крестьянского и Дворянского банка, где во главе стоял один управляющий. По новому уставу сохранялись старые размеры суд и устанавливались иные сроки оплаты от 13 до 50 лет.³²⁹ Для большинства крестьян покупка земли была, в большинстве случаев, непосильна ввиду высоких цен. Как итог, задолженность крестьянства в 1905 г. в 2,5 раза превышала уровень 1896 г.³³⁰ Деятельность Крестьянского банка в годы Столыпинской аграрной реформы заключалась в образовании хуторов и отрубков, однако, решить аграрный вопрос в стране посредством Крестьянского банка правительству не удалось. К 1917 г. долг крестьян банку составлял 33 100 00 руб.³³¹

Период 1917–1918 гг. ознаменовался радикальными трансформациями банковской системы. Декретом СНК от 25 ноября 1917 г. Крестьянский поземельный банк был упразднен вместе с Дворянским земельным банком³³². В Орловской губернии национализация началась в соответствии с декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) от 14 (27) декабря 1917 г. «О национализации банков», приведя к закрытию Орловского отделения 14 июня 1918 г. по постановлению губисполкома³³³. Все активы, документы и ценности были переданы Орловскому отделению Народного банка РСФСР, а персонал уволен. Вышеуказанные события отражали переход к советской модели, где земля социализировалась, а кредитные функции централизовались. Таким образом, Орловское отделение Крестьянского поземельного банка выступало как важный элемент государственной политики по аграрным преобразованиям, способствуя перераспределению земель и модернизации сельского хозяйства в губернии.

Следует отдельно отметить тот факт, что для всестороннего понимания предмета исследования настоящей кандидатской диссертации был осуществлен сравнительный анализ банковской системы Орловской губернии с соседними

³²⁹ См.: ГАОО. Ф.33. Оп.1. Л.1.

³³⁰ См.: Там же. Л.2–3.

³³¹ См.: Там же. Л.3.

³³² См.: Декреты и декларации 2-го Всероссийского съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Совета Народных комиссаров. 1917, окт., нояб. и по 12 дек. Пг.: Отд. Мест. упр. Комиссариата вн. дел, 1917. С. 71.

³³³ См.: Сборник декретов Рабочего и Крестьянского Правительства. Указ. соч. С. 7.

регионами. В ходе сравнительного исследования соседних Курской, Тульской и Тамбовской губерний, которые также относились к числу ведущих аграрных территорий, были выявлены общие закономерности развития кредитно-финансовой инфраструктуры, а также черты отличия, характерные для вышеописанных регионов. Обращаясь к опыту Тульской губернии, банковская сеть данного региона сочетала в себе аграрную и промышленную сферы, подчеркивая аграрно-экспортную направленность Орловской модели. Следует отметить тот факт, что в Туле наблюдалось значительно большее число уездных общественных банков (12 банковских учреждений), что отражало более диверсифицированную экономику региона. Вместе с тем, последствия кризиса 1880-х гг. нанесли существенный ущерб банковской инфраструктуре Тульской губернии. Падение активов сократили общее количество кредитных учреждений до 4 единиц, что свидетельствует о высокой уязвимости локальной системы к аграрным и промышленным циклам. Орловская губерния, напротив, продемонстрировала большую устойчивость: при меньшем количестве локальных общественных банков здесь доминировал Орловский коммерческий банк (1872–1908 гг.), который не только успешно пережил кризис (активы региона сократились до 20 %), но и расширил сеть до 22 отделений в 12 губерниях, обслуживая зерновой экспорт Центрального Черноземья по железным дорогам (Риго-Орловское, Либаво-Роменское направления). Это обеспечило Орловщине более глубокую интеграцию в общероссийский рынок и преимущество в финансировании крупномасштабной хлебной торговли, в то время как Тульская система оставалась более локальной и зависимой от промышленных конъюнктур.

Сравнительное исследование Тамбовской губернии, экономика которой, как и в Орловской губернии, носила преимущественно зерновой характер и была ориентирована на внешний рынок, позволяет выявить существенные параллели в основных структурных вызовах пореформенного периода. К числу общих проблем относятся острый дефицит капитала, сформировавшийся после отмены крепостного права 1861 г., а также объективная потребность в долгосрочном земельном кредите для поддержания и модернизации аграрного сектора. В

Тамбовской губернии уже в 1884–1885 гг. были открыты отделения Государственного крестьянского поземельного банка и Дворянского земельного банка. По объему выданных кредитов губерния занимала второе место в империи, по количеству заложенных имений – третье, а по площади заложенных земель – пятое. В начале XX в. в губернии активно функционировали филиалы ведущих коммерческих банков, в том числе Русского торгово-промышленного банка (специализировавшегося на финансировании текстильных предприятий, производстве и реализации зерновых культур), Волжско-Камского и Соединенного банков. В последующие годы регион установил устойчивые партнерские отношения с Орловским коммерческим и Русско-Азиатским банками. Вместе с тем, между двумя губерниями прослеживаются и отчетливые черты различия в роли и эффективности муниципальных и кооперативных кредитных институтов. Тамбовский городской общественный банк, учрежденный в 1865 г., демонстрировал высокую финансовую устойчивость: его деятельность строилась преимущественно на привлечении вкладов и выдаче ссуд под залог ценных бумаг, а основную клиентуру составляли представители купеческого сословия. Напротив, городской банк Орловской губернии к 1881 г. накопил убытки в размере около 3 млн руб., что привело к его банкротству. Общества взаимного кредита Тамбовской губернии (с 1870 г.) располагали шестью филиалами и были ориентированы главным образом на купечество. В Орловской губернии учреждения мелкого кредита, напротив, акцентировали свою деятельность на поддержке крестьянского хозяйства.

Таким образом, эволюция кредитно-финансовых институтов Тамбовской и Орловской губерний отражала общенациональные тенденции реформирования денежно-кредитной системы Российской империи, обусловленные отменой крепостного права и последующим ростом аграрной экономики. Обе губернии, входившие в состав Центрально-Черноземного района, характеризовались преобладанием сельскохозяйственного производства, что предопределило преимущественную направленность банков на финансирование землевладения, зерновой торговли и связанных с ними промышленных инициатив. Вместе с тем,

траектории развития их банковских систем обнаруживают как фундаментальные структурные сходства, так и выраженные региональные особенности, обусловленные различиями в административных приоритетах и степени интеграции в общеимперские финансовые механизмы.

Подводя итог всему вышеуказанному, банковская система Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX в. представляла собой органичный синтез государственной регуляции, частной инициативы и специфических потребностей аграрно-экспортного региона. От ранних ассигнационных контор и Приказа общественного призрения в конце XVIII в. она эволюционировала к полноценной трехуровневой структуре: отделениям Государственного и земельных банков, развитому Орловскому коммерческому банку и разветвленной сети кооперативных учреждений мелкого кредита. Ключевыми вехами стали открытие городского общественного банка (1864 г.), отделения Государственного банка (1865 г.) и Орловского коммерческого банка (1872 г.), которые обеспечили финансирование зерновой торговли, активизацию товарно-денежных отношений и интеграцию губернии в национальный рынок.

Уникальность модели банковского дела Орловской губернии заключалась в эффективном балансе центрального регулирования и локальной адаптивности: государственные институты обеспечивали стабильность и долгосрочное кредитование землевладения, а частный капитал (в лице Поляковской группы и местных купцов) – оперативность и межрегиональную экспансию. Несмотря на отдельные уязвимости, проявившиеся в банкротстве Орловского городского общественного банка в 1883 г. вследствие растрат, общая система оказалась устойчивой благодаря тесной связи коммерческого банка с региональной элитой (купцы, землевладельцы, земские деятели). Факторы географического положения как торгового узла, развитой сети железных дорог и последовательной государственной поддержки аграрного кредита обусловили успешную адаптацию региона к капиталистическим отношениям.

В результате, необходимо отметить, что к началу XX в. в Орловской губернии сформировалась полноценная, развитая банковская система, органично

встроенная в общероссийский финансовый ландшафт. Ее архитектура сочетала в себе элементы государственного регулирования (Государственный банк, земельные банки), общественной инициативы (городские банки) и частного капитала (акционерные коммерческие банки, общества взаимного кредита). Развитие данной системы носило ярко выраженный адаптивный характер, находясь под влиянием как макроэкономических факторов (железнодорожное строительство, мировые аграрные кризисы), так и внутренней региональной специфики, главным образом, ее аграрно-торговой ориентации. Опыт Орловской губернии наглядно демонстрирует, что формирование эффективной финансовой инфраструктуры в провинции являлось сложным, многогранным процессом, в котором переплетались государственные интересы, частная инициатива и насущные потребности локальной экономики, создавая прочный фундамент для модернизации хозяйственной системы региона вплоть до событий 1917 г.

Список использованных источников и литературы.**ИСТОЧНИКИ****Архивные источники.****Российский государственный исторический архив (РГИА)**

1. РГИА. Ф. 587. Оп. 37. Д. 1.
2. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1.
3. РГИА. Ф. 592. Оп. 21. Д. 2269. Л. 1–35.

Государственный архив Брянской области (ГАБО)

1. ГАБО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 7, 10.
2. ГАБО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 1–23.
3. ГАБО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 427. Л. 1–10.

Государственный архив Липецкой области (ГАЛО)

1. ГАЛО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1–2.

Государственный архив Орловской области (ГАОО)

1. ГАОО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 45, 94, 102.
2. ГАОО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 1715.
3. ГАОО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1, 2, 78, 110.
4. ГАОО. Ф. 495. Оп. 2. Д. 1, 2, 3.
5. ГАОО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 12.
6. ГАОО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 304.
7. ГАОО. Ф. 587. Оп. 52. Д. 1073.
8. ГАОО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 1–8.
9. ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 480, 875.
10. ГАОО. Ф. 613. Оп. 1. Д. 6, 7.
11. ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 362–379.
12. ГАОО. Ф. 1512. Оп. 1. Д. 1 «а».
13. ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 427. Л. 55–56.
14. ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 427. Л. 56–58.

Государственный архив Тульской области (ГАТО)

1. ГАТО Ф. 39. Оп. 1. Д. 169. Л. 1.

2. ГАТО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.
3. ГАТО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 169. Л. 1–5.

Опубликованные источники.

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Санкт-Петербург, 1830. Т. 8. № 5273.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Санкт-Петербург, 1830. Т. 8. № 5410. С. 147–197.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Санкт-Петербург, 1830. Т. 9. № 6300. С. 6–7.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Санкт-Петербург, 1830. Т. 13. № 10164. С. 947–953.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Санкт-Петербург, 1830. Т. 14. № 10235. С. 87–94.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Санкт-Петербург, 1830. Т. 18. № 13219. С. 787–793.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Санкт-Петербург, 1830. Т. 20 (1775–1780). С. 271.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Санкт-Петербург, 1830. Т. 22. № 16188.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Санкт-Петербург, 1830. Т. 22. № 16479. С. 734–770.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Санкт-Петербург, 1830. Т. 30. № 23942.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Санкт-Петербург, 1862. Т. 35, ч. 1. № 35847. С. 644–646.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Санкт-Петербург, 1864. Т. 37, ч. 1. С. 111–125.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Санкт-Петербург, 1865. Т. 38, ч. 1. № 40411.

14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Санкт-Петербург, 1867. Т. 40, ч. 2. № 42533.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Санкт-Петербург, 1873. Т. 46, ч. 2. № 49731.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Санкт-Петербург, 1874. Т. 47, ч. 1. С. 757–759.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Санкт-Петербург, 1874. Т. 47, ч. 1. № 50913.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Санкт-Петербург, 1874. Т. 47, ч. 2. № 51328.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Санкт-Петербург, 1886. Т. 2. № 894. С. 218.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Санкт-Петербург, 1898. Т. 14. № 18767.
21. Свод законов Российской империи. Санкт-Петербург, 1903. Т. 11, ч. 2. Ст. 24.
22. Свод законов Российской империи. Санкт-Петербург, 1903. Т. 11, ч. 2. Устав торговый. Ст. 62, 71.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Санкт-Петербург, 1912. Т. 11, ч. 2. С. 738.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Санкт-Петербург, 1916. Т. 32, ч. 1. С. 48–67.

Пресса и тематические журналы.

1. Орловские известия. 1918. № 93.
2. Орловские известия. 1918. № 99.
3. Орловская речь. 1907. № 267.
4. Орловская речь. 1907. № 269.
5. Орловские губернские ведомости. 1865. № 10.
6. Тульские губернские ведомости. 1849. № 36.
7. Вестник финансов, промышленности и торговли. 1888. № 13.

8. Вестник финансов, промышленности и торговли. 1903. № 16.
9. Вестник финансов, промышленности и торговли. 1908. № 31.
10. Ежегодник Министерства финансов. На 1874–1875 год. Санкт-Петербург : Тип. ред. период. изд. М-ва финансов, 1876. III, IV, 580 с.
11. Россия. Министерство финансов. Ежегодник Министерства финансов на 1914 год. Санкт-Петербург : Тип. ред. период. изд. М-ва финансов, 1914. – 667 с.
12. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Орловская губерния. 1904. – 259 с.
13. Русские банки : полный перечень городов и селений, в которых находятся государственные, общественные и частные кредитные учреждения и их филиальные отделения к 1 февраля 1912 года. Санкт-Петербург : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. – 64 с.

Источники личного происхождения.

1. Витте, С. Ю. Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). Москва ; Петроград : Гос. изд-во, 1924. XVI., – 395 с.
2. Коковцов, В. Н. Из моего прошлого: воспоминания, 1903–1919 гг. Париж : Иллюстрированная Россия, 1933. Т. I. – 505 с.
3. Оболенский, В. А. Моя жизнь, мои современники. Paris : YMCA-Press, 1988. – 753 с.
4. Русанов, Н. С. На родине. 1859–1882 / предисл. И. Теодоровича. Москва : Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. – 351 с.

ЛИТЕРАТУРА.

Монографии, сборники статей.

1. Ананьич, Б. В. Банкирские дома в России, 1860–1914 гг.: очерки истории частного предпринимательства. 2-е изд., испр. и доп. Москва : РОССПЭН, 2006. – 293 с.

2. Беляев, С. Г. Банки и финансы России. СПб., 1995. 287 с.
3. Бернарди, А. Б. Организация и операции банкирских учреждений (банкирских домов, банкирских контор и меняльных лавок). Петроград : Круг самообразования, 1917. – 66 с.
4. Бовыкин, В. И. Зарождение финансового капитала в России. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 295 с.
5. Бовыкин, В. И., Петров, Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. Москва : Перспектива, 1994. – 351 с.
6. Боровой, С. Я. Кредит и банки России (середина XVII в. – 1861 г.). Москва : Госфиниздат, 1958. – 288 с.
7. Боханов, А. Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). Москва : Наука, 1992. – 260 с.
8. Бугров, А. В. Государственный банк. 1860–1917. Москва : ИнтерКрим-пресс, 2012. – 264 с.
9. Бугров, А. В. Казённые банки в России. 1754–1860. Москва : Банк России, 2017. – 512 с.
10. Вдовин, В. А. Крестьянский поземельный банк (1883–1885 гг.). Москва : Госфиниздат, 1959. – 107 с.
11. Гиндин, И. Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XX в.). Очерки истории и типологии русских банков: Избранное. Москва : Наука, 1997. – 622 с.
12. Гиндин, И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. 1861–1892 гг. Москва : Госфиниздат, 1960. – 415 с.
13. Гиндин, И. Ф. Русские коммерческие банки : из истории финансового капитала в России / под ред. акад. С. Г. Струмилина. Москва : Госфиниздат, 1948. – 454 с.
14. Дьяченко, В. П. Товарно-денежные отношения и финансы при социализме. Москва : Наука, 1974. – 495 с.

15. Дякин, В. С. Деньги для сельского хозяйства 1892–1914 гг. : аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. – 356 с.
16. Дякин, В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). Ленинград : Наука, 1967. – 363 с.
17. История Банка России. 1860–2010 : в 2 т. / Банк России ; отв. ред. Ю. А. Петров, С. В. Татаринов. Москва : РОССПЭН, 2010. – 2 т.
18. Кауфман, И. И. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейшего времени. 2-е изд. Москва : URSS, 2010. – 91 с.
19. Кириллов, А. К. Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX — начало XX в.). Новосибирск : Офсет, 2003. – 143 с.
20. Кредит и банки в России до начала XX века : Санкт-Петербург и Москва / Б. В. Ананьич [и др.] ; под ред. Б. В. Ананьича. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 667 с.
21. Ламанский, Е. И. Избранные сочинения. Москва : Новости, 2005. – 240 с.
22. Лебедев, С. К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века : европейские и русские связи. Москва : РОССПЭН, 2003. – 527 с.
23. Левин, И. И. Акционерные коммерческие банки в России. Москва : Дело, 2010. – 511 с.
24. Лизунов, П. В. Банкирский дом «Г. Вавельберг» и его владельцы : от меняльной лавки до акционерных банков в Петербурге и Варшаве. СПб., 2016. – 368 с.
25. Лизунов, П. В. Петербургские купцы, фабриканты и банкиры Штиглицы. Санкт-Петербург, 2014. – 601 с.
26. Лященко, П. И. История народного хозяйства СССР. Москва : Госполитиздат, 1956. – 728 с.
27. Макаров, А. Ф. Банки и кредитные учреждения. Санкт-Петербург : Книжное дело, 1913. – 343 с.

28. Морозан, В. В. Деловая жизнь на юге России в XIX – начале XX века : монография. Санкт-Петербург, 2014. – 616 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/47058> (дата обращения: 27.02.2025).
29. Морозан, В. В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Санкт-Петербург : Крига, 2004. – 400 с.
30. Петроградский частный коммерческий банк за пятидесятилетие его существования. 1864–1914. Петроград : Якорь, 1914. – 143 с.
31. Печерин, Я. И. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России. Санкт-Петербург : тип. В. Ф. Киршбаума, 1904. – 142 с.
32. Плотников, К. Н. Финансы и кредит СССР. Москва : Мысль, 1967. – 262 с.
33. Погребинский, А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX–XX вв.). Москва : Госфиниздат, 1954. – 268 с.
34. Проскурякова, Н. А. Земельные банки Российской империи. Москва : РОССПЭН, 2002. – 517 с.
35. Роднов, М. И. Волжско-Камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX – начало XX века). Уфа, 2020. – 312 с.
36. Саломатина, С. А. Коммерческие банки в России : динамика и структура операций 1864–1917 гг. Москва : РОССПЭН, 2004. – 304 с.
37. Сидоров, А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 579 с.
38. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. Москва : ЭКСМО, 2005. – 1022 с.
39. Таранков, В. И. Ценные бумаги Государства Российского. Москва : Тольятти, 1992. – 648 с.
40. Толстой, Д. А. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. 2-е изд. Москва : URSS : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 223 с.
41. Шепелев, Л. Е. Акционерные компании в России. Ленинград : Наука, 1973. – 346 с.

Статьи.

1. Арнаутова, В. Д., Радюкова, Я. Ю. Становление банковской системы на Тамбовщине: от прошлого к настоящему // Саяпинские чтения : материалы круглого стола (Тамбов, 15 января 2015 г.) / отв. ред. В. М. Юрьев. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2015. Вып. 8. – С. 7–14.
2. Артемьев, А. А. Основные принципы создания и начала функционирования национальной банковской системы в России с середины XVIII в. до 1860 г. // Финансы и кредит. 2008. № 7 (295). – С. 67–73.
3. Артемьева, В. С. Хлебные ломбарды как форма подтоварного кредита в конце XIX – начале XX века // Аграрная история. 2022. № 10. – С. 78–85.
4. Ахмедов, С. К., Шихахмедов, Р. Г. Понятие «банковская система»: современные подходы к определению и системный анализ // Финансы и кредит. 2004. № 26 (164). – С. 40–47.
5. Белова, И. А. Правовой статус Государственного коммерческого банка Российской империи в XIX в. // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2013. № 3 (155). – С. 11–16.
6. Борисов, Ю. Ф. В началах кредитно-денежной политики в России (XVIII в. – середина XIX в.) // Вестник Финансовой академии. 2005. № 2 (34). – С. 112–122.
7. Грузицкий, Ю. Л. Первая банковская реформа в России // Финансы и кредит. 2003. № 11 (125). – С. 55–64.
8. Грузицкий, Ю. Л. Городские общественные банки дореволюционной России (история возникновения и развития) // Финансы и кредит. 2002. № 11 (101). – С. 58–62.
9. Ивонина, Е. В. Актуальные проблемы становления и правового регулирования банковской деятельности Российской империи (1729 г. – сер. XVIII в.) // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2 (11). – С. 63–70.

- 10.Кисмина, Е. В., Благодичнова, Н. А. Государственные банки в системе кредита Российской империи второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014. № 5 (115). – С. 103–111.
- 11.Мордвинцева, Н. В. Развитие банковской деятельности: исторический очерк // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 9 (91). – С. 132–138.
- 12.Муравьева, Л. А. Кредитная политика Екатерины II // Финансы и кредит. 2010. № 13 (397). – С. 75–83.
- 13.Муравьева, Л. А. Финансово-экономическое развитие Месопотамии // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 27 (225). – С. 56–64.
- 14.Назырова, Е. А., Шелкоплясова, Н. И. Генезис системы российских городских общественных банков в середине XIX – начале XX вв. // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2019. № 1-2. – С. 200–202.
- 15.Назырова, Е. А., Шелкоплясова, Н. И. Городские общественные банки как элемент банковской системы Российской империи второй пол. XIX в. // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2020. № 1. – С. 345–347.
- 16.Назырова, Е. А., Шелкоплясова, Н. И. Кредитный рынок Тульской губернии во второй половине XIX – начале XX веков // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12, № 3. – С. 28–47.
- 17.Проскурякова, Н. А. Ипотека в России в конце XIX – начале XX века // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2007. № 3 (66). – С. 15–24.
- 18.Рашидов, О. Ш., Джафаров, Н. К. Правовой режим кредитных организаций в Российской империи. Ретроспективный анализ деятельности кредитных организаций в XVIII веке // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 10. – С. 27–30.
- 19.Романова, А. А. Развитие мелкого кредита в Орловской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Финансы и кредит. 2011. № 3 (435). – С. 78–82.

20. Россиина, Н. С. История развития кредитных учреждений России в восемнадцатом столетии // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 3 (40). – С. 146–153.
21. Саломатина, С. А. Банковский кризис 1880-х гг. в Российской империи: новые количественные данные и оценки // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 1. – С. 85–108.
22. Саломатина, С. А. Коммерческие банки и сельское хозяйство во второй половине XIX в.: статистический анализ операций Орловского коммерческого банка в сравнении с Государственным банком Российской империи // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 6. – С. 151–178.
23. Саломатина, С. А., Гарскова, И. М., Валетов, Т. Я. Межрегиональные расчеты Орловского коммерческого банка во второй половине XIX в.: сетевой анализ // Историческая информатика. 2019. № 4 (30). – С. 122–147.
24. Саломатина, С. А., Парфирьев, Д. С. Банковская история в фотографиях: фотоальбом Орловского коммерческого банка 1899 г. // Экономическая история. 2019. Т. 15, № 4 (47). – С. 321–340.
25. Саломатина, С. А., Парфирьев, Д. С. Региональная банковская элита Российской империи: Поляковы и Орловский коммерческий банк, 1872–1908 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 1. – С. 68–94.
26. Смагин, И. И., Смагина, В. И. Экономические интересы государства в условиях глобализации: эффективные институты развития // Научные труды Вольного экономического общества России. 2014. Т. 187. – С. 433–440.
27. Тагирова, Н. Ф. Нижегородско-Самарский земельный банк в Самарской губернии: из истории коммерческого кредитования сельской недвижимости в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2-2 (93). – С. 84–87.
28. Туголукова, М. В. История банковского дела в России // Экономика и социум. 2015. № 2-4 (15). – С. 864–868.

29. Чугунов, В. Е. Исторический очерк развития банковской системы Орловской области // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 2 (7). – С. 41–48.

Авторефераты кандидатских диссертаций.

1. Бородин, А. П. Государственный Совет России 1906–1917: состав и роль в истории третьеиюньской монархии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Бородин Анатолий Петрович. Москва, 2000. – 46 с.
2. Васильев, Я. А. Банки Новгородской губернии и их деятельность: 1860–1914 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Васильев Ярослав Анатольевич. Новгород, 1998. – 22 с.
3. Ишкинина, А. А. Деятельность Уфимского отделения Государственного банка Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. (1865–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ишкинина Айгуль Азаматовна. Уфа, 2010. – 26 с.
4. Кузнецова, Л. А. Финансовые учреждения российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. : на примере Курской губернии : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Курск, 2006. – 210 с.
5. Саетгараев, И. И. Становление и развитие финансового капитала в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Саетгараев Ильдар Искандарович. Казань, 2008. – 210 с.
6. Таран, А. Н. История государственного регулирования деятельности акционерных коммерческих банков России во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Таран А. Н. Санкт-Петербург, 2003. – 24 с.

Научно-популярная, специальная, справочная и учебная литература.

1. Андрюшин, С. А. Банки Российской империи. Томск : ТГУ, 1996. – 216 с.
2. Басинский, П. В. Леонид Андреев: Герцог Лоренцо. Москва : АСТ, 2025. (Жизнь знаменитых людей). – 384 с.
3. Божерянов, И. Н. Романовы: триста лет служения. Москва : Белый город, 2006. – 667 с.

4. Лукасян, Г. М. Экономическая теория. 2-е изд. Москва, 2007. – 61 с.
5. Гурьев, А. Н. Очерк развития кредитных учреждений в России. Санкт-Петербург : тип. «Якорь», 1904. – 216 с.
6. Евзлин, З. П. Банки и банкирские конторы в России : справочно-статистические сведения о всех оперирующих в России кредитных учреждениях. Санкт-Петербург : тип. М. И. Троянского, 1904. – 32 с.
7. Егоров, Б. А., Еремин, В. П. Весь город Орел : справочник. Орел : Орелиздат, 1993. – 301 с.
8. Идельсон, В. Р. Кредит, банки и биржа: лекции, читанные студентам экономических отделений СПб. политехнического института Императора Петра Великого в 1913–1914 гг. Санкт-Петербург, 1914. – 348 с.
9. Казимагомедов, А. А. Услуги коммерческих банков населению. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербур. ун-та экономики и финансов, 1994. – 74 с.
10. Каценеленбаум, З. С. Учение о деньгах и кредите : в 2 т. Москва, 1928. Т. 1. – 511 с.
11. Краснощекова, С. Д., Филимонова, В. К. Из сословной истории Орловской губернии: купечество и дворянство // Краеведческие записки / Орл. обл. краевед. музей. Орел : Вешние воды, 2010. – 301 с.
12. Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва / Б. В. Ананьич, М. И. Арефьева, С. Г. Беляев [и др.]. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. – 667 с.
13. Моисеев, С. Р. История центральных банков и бумажных денег. Москва : Вече, 2015. – 535 с.
14. Нуреев, Р. М. Деньги, банки и денежно-кредитная политика. Москва : Экзамен, 2013. – 72 с.
15. Орленко, Л. В. История торговли. Москва : Форум: ИНФРА-М, 2006. – 350с.
16. Памятная книжка Орловской губернии на 1864 год (с приложением Адрес-календаря по 1 января 1864 г.) / изд. Орл. ГСК. Орел : Тип. губ. правл., 1864. – 201 с.

- 17.Петербург. История банков / Б. В. Ананьич, С. Г. Беляев, З. В. Дмитриева [и др.]. Санкт-Петербург : Третье тысячелетие, 2001. – 304 с.
- 18.Полищук, А. И. Кредитная система: опыт, новые явления, прогнозы, перспективы. Москва : Финансы и статистика, 2005. – 215 с.
- 19.Родзевич, А. И. Спутник пассажира по юго-восточным железным дорогам. Козлово-Воронежско-Ростовская линия. Москва : О-во юго-вост. ж. д., 1899. Вып. 1. – 346 с.
- 20.Селищев, А. С. Деньги. Кредит. Банки. Москва : Питер, 2007. – 269 с.
- 21.Сперанский, М. М. Золотые страницы финансового права России. У истоков финансового права. Москва : Статут, 1998. – 427 с.
- 22.Ставцева, А. М. Архитектура города Орла конца XVIII – начала XX веков и проблема охраны исторического архитектурного наследия города. Орел : Картуш, 2015. – 203 с.
- 23.Судейкин, В. Т. Наши общественные городские банки и их экономическое значение. Санкт-Петербург : Типо-лит. Дома призрения малолетних бедных, 1884. – 50 с.
- 24.Тимошина, Т. М. Экономическая история зарубежных стран. 10-е изд., перераб. и доп. Москва : Юстицинформ, 2016. – 500 с
- 25.Томпстон, С. Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование / пер. с англ. Ю. А. Петрова. Москва : РОССПЭН, 2008. – 470 с.
- 26.Черняк, В. З. История предпринимательства. Москва : ЮНИТИ, 2010. – 607с.
- 27.Чекомазова, В. И. Из истории Елецкого купечества. Елец : Типография, 2007. – 127 с.
- 28.Энциклопедия российской монархии. Москва : ЭКСМО, 2003. – 511 с.
- 29.Эпштейн, Е. М. Банковое дело: лекции, читанные в Московском коммерческом институте в 1909/10 акад. г. 3-е изд. Москва, 1913. – 366 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ
ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Таблица 1.1.

Сводный баланс акционерных кредитных учреждений на 1 февраля 1913 г.³³⁴

Наименование организации	Основной капитал (в млн руб.)	Баланс (в млн руб.)
Банки Санкт - Петербурга:		
Азовско-Донской коммерческий	40.000	487.121
Волжско-Камский коммерческий	18.000	403.345
Русский для внешней торговли	50.000	598.645
Русский торгово- промышленный	35.000	434.303
Русско-Азиатский	49.872	705.516
Русско-Английский	5.000	16.211
Русско - Французский	5.000	19.162
Спб. международный коммерческий	48.000	622.357
Спб. торговый	10.000	47.764
Спб. учетный и ссудный	20.000	182.643
Спб. частный коммерческий	30.000	137.103
Сибирский торговый	20.000	255.472
«Лионский кредит»	—	72.996

³³⁴См.: Россия. Министерство финансов. Ежегодник Министерства финансов. Вып. на 1914 г. СПб. : Тип. Ред. период. изд. Мин-ва финансов, 1914. С. 201–212.

Итог Санкт-Петербургских банков:	330.872	3.982.628
Банки Москвы:		
Московский банк	20.000	62.578
Московский купеческий	15.000	242.997
Московский народный	1.000	2.279
Московский торговый	7.500	51.515
Московский учетный	6.000	63.951
Московский частный	5.000	36.273
Соединенный банк	30.000	294.213
Коммерческий банк «Юнкер и К ^о »	15.000	—
Итог Московских банков:	99.500	878.232
Прочие банки:		
Бузулукский купеческий	500	1.448
Коммерческий банк в Белостоке	2.000	11.685
Банк для торговли и промышленности в Варшаве	613	5.035
Коммерческий в Варшаве	20.000	194.408
Кооперативных товаров	1.750	9.911

в Варшаве		
Варшавский промышленный	3.000	14.049
Варшавский учетный	9.316	35.530
Виленский частный коммерческий	2.000	39.830
Воронежский коммерческий	1.000	10.818
Казанский купеческий	1.000	6.478
Киевский частный коммерческий	5.000	16.770
Лодзинский купеческий	5.000	22.825
Нижегородский купеческий	10.000	58.518
Одесский купеческий	1.000	6.378
Псковский коммерческий	600	5.619
Рижский коммерческий	3.500	8.464
Ростовский-на-Дону купеческий	2.500	20.096
Самарский купеческий	500	1.554
Смоленский купеческий	13.000	104.988
Северо-Кавказский коммерческий	3.000	17.017
Тифлисский коммерческий	2.500	45 744
Итог прочих банков:	87.779	637.165

Банки, действующие на особых условиях		
Либавский биржевой	225	2.901
Рижский биржевой	3.513	26.337
Рижский городской учетный	2.000	19.868
Юрьевский	500	4.760
Общий итог:	6.238	53.866

Таблица 1.2.

Сводная таблица филиалов и отделений кредитных учреждений Российской империи, действующих в период с 1875 по 1914 гг.³³⁵

Наименование организации	1875 г.	1881 г.	1893 г.	1900 г.	1908 г.	1914 г.
Филиалы Государственного Банка	47	55	89	112	114	135
Отделения столичных акционерных банков	21	20	31	109	267	629
Губернские акционерные банки	29	24	23	24	21	26
Отделения губернских банков	26	13	34	124	74	58
Общества взаимного кредита	80	97	97	113	296	1069

³³⁵ См.: Бовыкин В.И., Петров Ю.А. Указ. соч. С.295.

**Сводная таблица операционной деятельности кредитных учреждений
Российской империи в период с 1900 по 1914 гг.³³⁶**

Название организации	1900 г.			1908 г.			1914 г.		
	Вклады	Учет	Ссуды	Вклады	Учет	Ссуды	Вклады	Учет	Ссуды
Столичные банки:									
Госбанк	122	56	48	133	60	103	166	88	256
Акционерные банки и общества взаимного кредита	322	106	177	396	297	205	1242	628	807
Итого:	444	262	225	529	357	308	1408	716	1063
Губернские организации:	Вклады	Учет	Ссуды	Вклады	Учет	Ссуды	Вклады	Учет	Ссуды
Филиалы Государственн ого Банка	97	121	70	149	171	165	110	129	285
Отделения акционерных банков	154	114	76	383	271	216	1098	730	742
Городские банки	374	298	134	423	317	95	908	830	215
Общий итог:	1069	845	505	1484	1116	784	3524	2605	2305

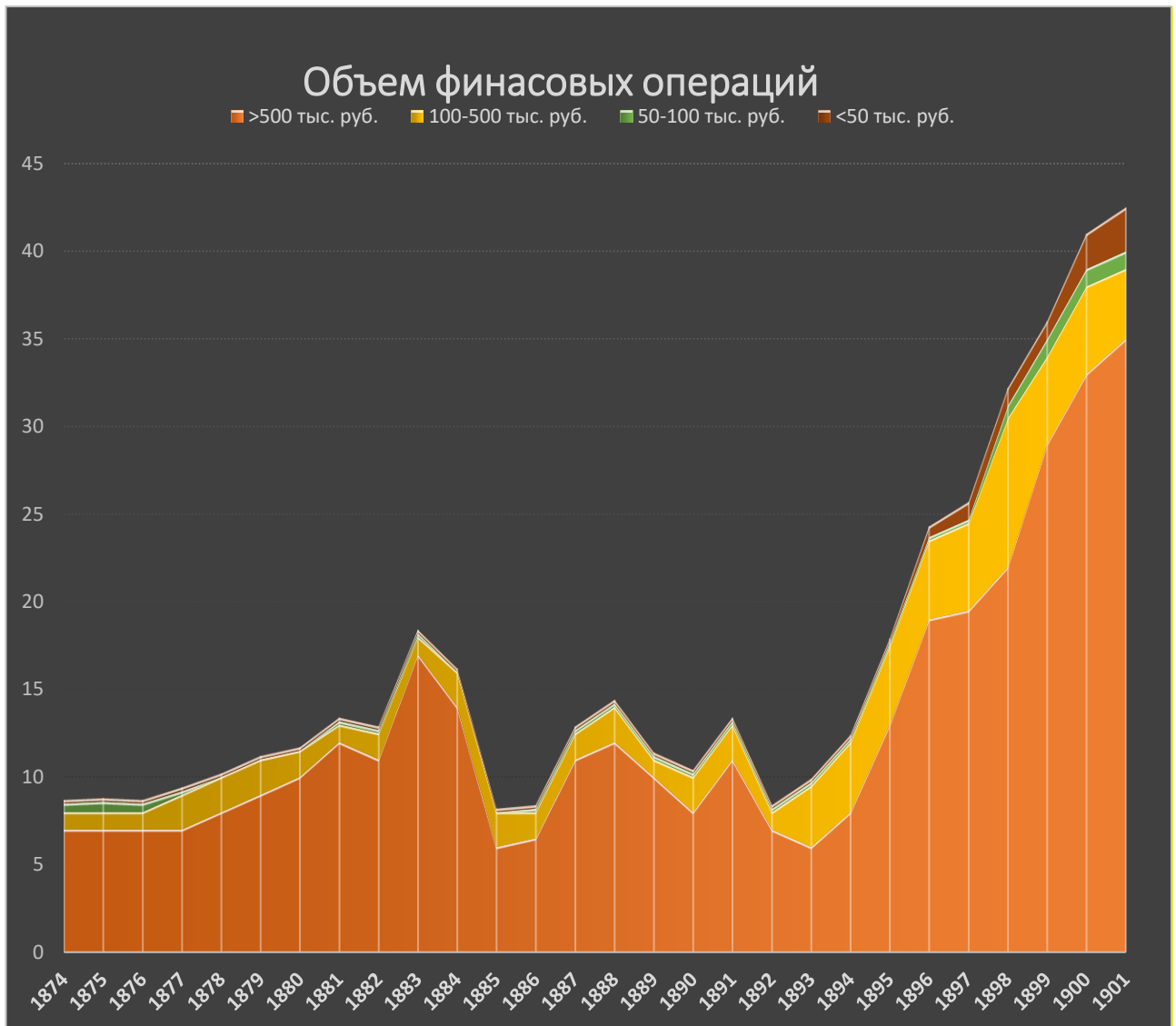
³³⁶ См.: Бовыкин В.И., Петров Ю.А. Указ. соч. С. 301.

Баланс Орловского городского общественного банка на 1 мая 1884 г.³³⁷

Наименование	Денежные единицы в рублях
Касса (государственные билеты и монеты)	51.36
Текущий счет	9.86
Специальный счет	12.43
Учтенные векселя	1138858.10
Ссуды под залог движимого имущества	—
Процентные бумаги	13500
Драгоценные вещи на хранении	7056
Товары	2761.40
Ссуды под залог недвижимого имущества	615240.29
Основной капитал	505424.69
Резервный капитал	91624.20
Долг отделению Государственного банка	200000
Долг отделению Государственного банка (по векселям)	1167772.10
Убытки	387970.05

³³⁷ См.: ГАОО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 362. Л. 20–21.

Анализ товарно-денежных потоков за период с 1874 по 1901 гг.³³⁸

³³⁸ См.: Саломатина С. А., Гарскова И. М., Валетов Т. Я. Указ. соч. С. 132.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Проекты, карты и общий вид зданий, специально построенных для банковских учреждений в г. Орле в XIX – начале XX вв.

Рисунок 2.1. – Карта территориальной границы Орловской губернии.³³⁹

Рисунок 2.2. – Здание Елецкого городского банка.³⁴⁰

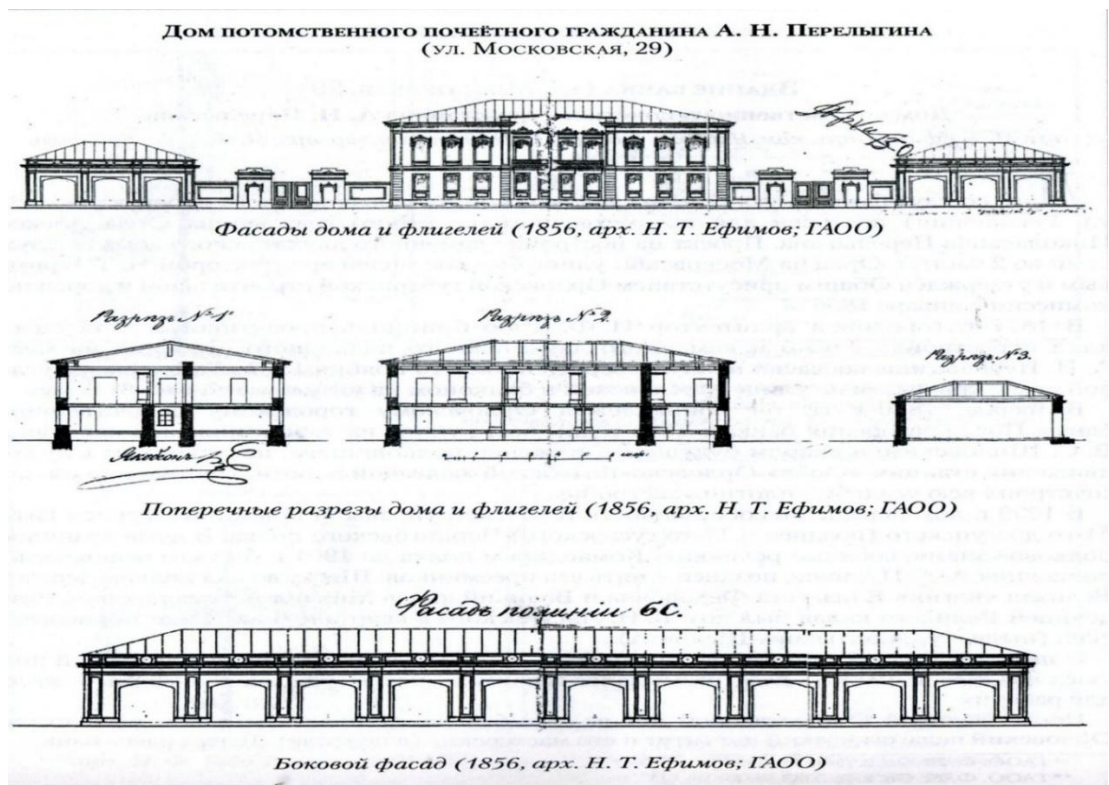
³³⁹ См.: Орловская губерния в конце XIX – начале XX вв.: карта уездов (Брянский, Трубчевский, Карачевский, Севский, Дмитровский, Кромский, Малоархангельский, Болховский, Мценский, Орёл, Ливенский, Елецкий) // URL:https://yandex.ru/images/search?from=tabbar&img_url=https%3A%2F%2Fsd.multiurok.ru%2Fhtml%2F2025%2F02%2F04%2Fs_67a2201597e88%2Fphpzp3LQo_Netodicheskaya-razrabotka-otkrytogo-klass.-chasa-100-let-revolycii-Elektronnyjvariant_html_2b5f3cacd48d9ffc.png&lr=10&p=1&pos=23&rpt=simage&text=%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0%20%D0%BE%D1%80%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%B3%D1%83%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 01.02.2026).

³⁴⁰ См.: Банковское дело в Ельце до революции (по материалам выставки). URL: <https://kurech.eletsmuseum.ru/банковское-дело-в-ельце-до-революции/> (дата обращения: 05.02.2026).

Рисунок 2.3. – Отделение Госбанка в Елецком уезде³⁴¹.Рисунок 2.4. – Информационный буклет Северного банка³⁴².

³⁴¹ См.: Там же.

³⁴² См.: Там же.

Рисунок 2.5. – Эскиз и чертеж дома купца А.Н. Перелыгина³⁴³.Рисунок 2.6. – Здание Орловского коммерческого банка³⁴⁴.

Здание банка. Архитектор С.К. Родионов. 1897 – 1900 гг. Ул. Гостиная, 6;
ул. Правый берег р. Орлика, 22-24. Фото начала XX в.

³⁴³ См.: Тибо-Бриниоль И. Ф. Расцвет архитектуры Орла. Указ. соч. С.187.

³⁴⁴ См.: Ставцева А. М. Архитектура города Орла конца XVIII – начала XX веков и проблема охраны исторического архитектурного наследия города / Общероссийская ассоциация искусствоведов и художественных критиков (АИС, Москва). Орёл: Картуш, 2015.С.110–114.